Master Negative Storage Number

OCI00054.06

Sokol'niki, ili, Pokolebanie

Moskva

1895

Reel: 54 Title: 6

BIBLIOGRAPHIC RECORD TARGET
PRESERVATION OFFICE
CLEVELAND PUBLIC LIBRARY

RLG GREAT COLLECTIONS
MICROFILMING PROJECT, PHASE IV
JOHN G. WHITE CHAPBOOK COLLECTION

Master Negative Storage Number: OCl00054.06

Control Number: BGM-6073
OCLC Number : 24892806
Call Number : W 381.5917N Se66s
Title : Sokol'niki, ili, Pokolebanie vladychestva tatar nad Rossieiu: istoricheskii roman XIV vieka : epizod iz kniazheniia Dimitriia Donskago : v 3-kh chastiakh / Sergieia ... kago.
Edition : Izd. 3.
Imprint : Moskva : Izdanie G.T. Brilliantova, 1895.
Format : 337, v, p. ; 17 cm.
Note : Cover illustrated in color.
Subject : Dmitrii Ivanovich, Grand-Duke of Vladimir and Moscow, 1350-1389 Fiction.
Subject : Chapbooks, Russian.
Added Entry : Sergieia...kago.

MICROFILMED BY
PRESERVATION RESOURCES (BETHLEHEM, PA)
On behalf of the
Preservation Office, Cleveland Public Library
Cleveland, Ohio, USA
Film Size: 35mm microfilm
Image Placement: IIB
Reduction Ratio: 8:1
Date filming began: 11/1/94
Camera Operator: AR

W III

Сокольники

СОКОЛЬНИКИ

ИЛИ

КОЛЕБАНІЕ ВЛАДЫЧЕСТВА ТАТАРЪ НАДЪ РОССІЕЮ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

XIV ВѢКА.

ЭПИЗОДЪ

ИЗЪ КНЯЖЕНІЯ ДИМИТРІЯ ДОНСКАГО.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя . . . . каго.

Не хочу съ поэтомъ Греціи
Пѣть Вражды Агамемноновы—
Карамзинъ.

ВЪ 3-хъ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе третье.

МОСКВА.
Изданіе Г. Т. Брилліантова.
1895.

Дозволено цензурою. Москва, 16 Марта, 1894 г.

Москва. Тип. Елизаветы Гербекъ, 2 Мѣщанская, д. № 2

ГЛАВА I.

Утро въ Сокольникахъ. Марія. Вотъ онъ. Мимолетное свиданіе. Зародышъ любви.

Она плѣнительнѣй ленницы,
Милѣе радости самой,
У ней любовь горитъ звѣздой
Сквозь потупленныя рѣсницы.

Свѣтло и торжественно вспыхивалъ пурпурный востокъ рдяными огнями, пламенно и величественно выдвигалось солнце ясное, багрянымъ щитомъ вскатываясь на безоблачныя долины голубаго неба, весело раскинутаго надъ тихоплещущей *Яузой*, лѣниво катящей струи свои, и надъ злачной долиной, роскошно устланной изумрудами ковровъ.

Спокойно и радостно юная Марія, преклоня колѣна, стояла на холмѣ, встрѣчая свѣтило небесное; воздѣвъ руки къ небу, взоромъ умиленнымъ, она какъ будто бы просилась на него. Повсюду развивалась очаровательная картина: предъ ней, какъ метеоръ, блистало ослѣпительное солнце и мелькали пологи небосклона въ

свѣтломъ зеркалѣ рѣки и полныхъ озеръ, молчаливо лежавшихъ въ тѣсныхъ рамахъ своихъ. Около нея растягивались кудрявыми гирляндами кусты и долины, на коихъ улыбались цвѣты, ласкаемые утреннимъ зефиромъ. Сладостное дыханіе весны, казалось, возсылало благоуханіемъ своимъ—фиміамъ Всевышнему; за нею и вдали неподвижно стояли зеленою стѣною гордыя сосны дремучаго *Сокольничьяго* бора, сквозь который, прокрадываясь, лучи солнца представляли какъ будто бы освѣщенный храмъ, въ которомъ мерцаетъ лампада, повѣшенная въ небесахъ. Какъ восхитительно сіяла природа и какъ плѣнительна была Марія!

Несясь младенческой душой на небеса, она глядѣлась въ нихъ какъ въ чистое зеркало, отражая въ лазурныхъ очахъ своихъ цвѣтъ эфирнаго свода. Она молилась, молилась съ жаромъ и слеза, свѣтлая какъ перлъ, тихо скатилась съ бирюзы глазъ ея. Очаровательно рисовался стройный станъ ея въ сгибахъ одежды легкой, какъ воздушный покровъ Серафима; лиліи на ланитахъ ея прелестно обвивались блѣдною розою, нѣжно оттѣняясь въ нихъ; цвѣтъ кудрей свѣтлокаштановыхъ волосъ ея, мягкихъ какъ пухъ лебедя, частію обнималъ шею, частію застилалъ волны полныхъ грудей, роскошно дышущихъ нѣгою. Вся она облечена была въ формы небесныя, вся она была прекрасна, вся она сіяла какъ въ лучахъ! Кто бы, увидя ее, не сказалъ, что это лучшее созданіе Всемогущаго? Чей бы взоръ, примѣтя ее, не прильнулъ къ ней, не сдѣлался неподвиж-

PAGE(S) MISSING

PAGE(S) MISSING

Марія вступила уже въ тотъ возрастъ, въ которомъ перемѣняется періодъ жизни, когда ясное дѣтство пройдетъ чуть видимою тѣнью и нагрянетъ время любви, т. е. время бурь. Я сказалъ, что избытки чувствъ своихъ Марія передавала Надеждѣ, сестрѣ и другу своему, и живая въ безпечномъ счастіи, казалось, была бы довольна своею жизнію. Нѣтъ, иногда душа ея таила въ себѣ стремленія, ей невѣдомыя, просилась наружу и готова была какъ будто бы вырваться изъ удушающихъ предѣловъ своихъ, какъ будто бы ей было въ нихъ тѣсно!

Когда она предавалась восхитительнымъ ощущеніямъ мечтаній, сердце ея тонуло въ сладостномъ забытьи, въ очарованіи восторженныхъ чувствъ! Иногда какое-то тихое уныніе блѣдною струею проливалось по лицу ея, ей дѣлалось все грустнѣе, грустнѣе, тоска давила ея сердце и выжимала слезу непостижимой скорби; она не знала, что чувствительному сердцу потребно сердце, умѣющее понимать его, таящее въ себѣ такое же милое ощущеніе; что эти ощущенія при взаимномъ участіи становятся свѣтлѣе, мысли не умираютъ въ зародышѣ, а развиваются смѣлѣе; что для этого-то потребно другое существо, а не сестра ея, которая, со всею заботливостію друга, не убаюкивала ее въ горести, когда она иногда, опускаясь въ объятія ея, съ полными глазами слезъ, говорила: *мнѣ что-то скучно!* Но облако грусти не надолго занавѣшивало красоту ея: какой нибудь полевой цвѣтокъ, пѣніе жаворонка, или малиновки, облег-

чало грудь ея нѣсколькими каплями слезъ и она опять съ свѣтлой улыбкой радости преклонялась свободно на лоно родной природы, до тѣхъ поръ, пока опять уединеніе, тихое журчаніе ручья, прощальный лучь солнца, дрожащее мерцаніе луны, заунывная пѣснь иволги не погружали ее въ задумчивость, не давали пищи ея меланхоліи.

Марія хотя и была ограничена одной семьей своей, но довольно видала мущинъ, когда съ матерью и сестрою ходила въ праздничный день въ церковь. Они жили въ скромномъ домикѣ (не далеко отъ новорожденной Москвы); по бокамъ его стлались мягкія долины, а дремучій Сокольничій боръ безграничною панорамою растягивался около всего его, чрезъ средину котораго змѣисто прокрадывалась Яуза, обхватывая съ обѣихъ сторонъ густыя опушки сосноваго лѣса, оперенныя безсмѣнною зеленью. Первая церковь, выстроенная въ Москвѣ, была во имя Іоанна Предтечи на Бору *), и туда иногда ходила Марія молиться; тамъ видала она стеченіе вельможъ и статныхъ Княжихъ отроковъ въ богато-одѣтыхъ *охобняхъ* 1), шитыхъ золотомъ, но она едва замѣчала ихъ, возсылая молитвами сердечный фиміамъ ко Всевышнему. Когда же, по окончаніи службы, юноши, бывъ поражены ея ангельскою красотою, впивали въ нее жадные взоры, толпились въ дверяхъ, привѣтливо кланялись ей, она

*) См. Ист. Кар. Гл. V. Прим. 162. Церковь сія переименована нынѣ въ мученика Увара, подлѣ которой былъ тогда Митрополичій домъ.

только съ удовольствіемъ смотрѣла на свѣтлое вооруженіе ихъ и любовалась блестящими отворотами ихъ одежды, когда они отважно размахивали полами своими; она смотрѣла, сыпала искры—но не загоралась сама.

Церковь Іоанна Предтечи была тогда окружена сосновымъ боромъ, почему и получила названіе Іоанна Предтечи на Бору; здѣсь, во всякій праздникъ въ окружности ея забавлялись юноши метаніемъ стрѣлъ въ цѣль и т. п., а юныя дѣвушки (въ нѣсколько отдаленномъ мѣстѣ отъ нихъ) *), разодѣтыя въ цвѣтные *лѣтники* 2) и *опашни* 3), съ распущенными волосами, перевитыми широкими лентами, играли въ хороводы, плѣли вѣнки, пѣли веселыя пѣсни и плясали плавно, переплетаясь другъ съ другомъ. Старики, подъ сѣнію раскидистаго вяза, сидѣли на лужайкѣ и опѣняя заздравные кубки медомъ златоцвѣтнымъ, мечтали: иной о свершеніи своихъ походовъ, иной разсказывалъ о богатыряхъ *Русскаго солнышка* князя Владиміра, и глаза ихъ блистали огненной отвагой, а руки сжимали крѣпче кубки янтарные.

Марія иногда посѣщала здѣсь подругъ своихъ и бродившая по темному бору, встрѣчалась съ

*) Въ тогдашнія времена дѣвушки хранились въ свѣтлицахъ, какъ товаръ въ кладовой, или нѣжные цвѣты въ оранжереяхъ, и только по большимъ праздникамъ бывали въ общественныхъ мѣстахъ, а юноши приглядывали на нихъ не чрезъ лорнеты, но сквозь стеколъ окошекъ, такъ какъ мы теперь любуемся золотымъ ананасомъ, смотря въ теплицу сквозь стекла.

юношами; но, какъ робкая серна, легкимъ скокомъ отстранялась отъ нихъ. Сердце ея не сохраняло ни одного воспоминанія о прошедшемъ днѣ и на кого ни взглядывала она, свободное біеніе его какъ-бы выговаривало ей: *Это не онъ!*

Колѣнъ отца не обнималъ,
Лаская дѣтскою рукой,
И головы не преклонялъ
На лонѣ матери родной.
Такъ это ты—кого душа ждала?

Какъ жаръ горѣла подъ золотомъ кольчатая броня *Всеслава*, какъ флагъ радости развѣвалось голубое перо на хвостатомъ шлемѣ его и все вооруженіе, облитое лучами солнца, какъ будто бы спорило съ огнями его, сыпля милліоны искръ. Лишь только день началъ зажигать края Востока, онъ уже мчался за рѣзвою ланью, направляя на нее стрѣлу свою. Долго излучистымъ путемъ метала она его за собою изъ стороны въ сторону такъ быстро, что легкій конь его, прозванный *Вихремъ* по бѣгу своему, едва только не терялъ ее изъ виду. Нетерпѣливый охотникъ начиналъ уже досадовать и хотѣлъ спустить стрѣлу на удачу мѣткой руки, какъ вдругъ лань остановилась, Яуза внезапно блеснула предъ ней; она ударилась въ сторону—но стрѣла уже впилась и задрожала въ ней.

Самодовольно второчилъ онъ прострѣленную къ сѣдлу своему, приколовъ охотничьимъ ножемъ, и торжественно потащилъ за собою. Измучась усталостію, слѣзъ онъ съ лошади и медленно брелъ вдоль по Яузѣ, наконецъ, отыскавъ ручей,

остановился, жажда палила его; онъ скинулъ шлемъ и почерпнувъ онымъ воды, освѣжилъ себя ею. Оглядываясь на всѣ стороны, примѣтилъ онъ, что далеко откинулся отъ своихъ товарищей, съ которыми вмѣстѣ выѣхалъ на охоту и которые разсыпались въ разныя стороны лѣса искать добычи; сдвинувъ съ плеча рогъ, онъ началъ въ него подавать имъ голосъ. Звонко пронесся стонъ онаго по лѣсу, но ни отзыва, ни отклика не было; онъ повторилъ—то же безмолвіе, которое нарушалось только эхомъ, далеко завывавшемъ въ горахъ.

Однообразное журчаніе ручья нечувствительно увлекло его въ тихую задумчивость; безмолвно, отдавшись мечтамъ упоительнымъ, стоялъ онъ опершись на копье; все окружавшее его говорило съ душой его, въ сердцѣ Всеслава теплилось чувство нѣжности, хотя оно еще не было отверсто любви; юность весело улыбалась ему на поприщѣ жизни; спокойно смотрѣлъ онъ въ перспективу будущности, ибо желаніе его не уносилось далеко: все удовольствіе его составляла звѣриная ловля, съ пылкой радостію спѣшилъ онъ на встрѣчу опасностямъ, какъ счастливый любовникъ подъ пріятную сѣнь для условленнаго свиданія съ милою своей; побѣда всегда вѣнчала его стремленія, онъ былъ доволенъ собою, слѣдовательно и счастливъ.

Бывши сыномъ знатнаго боярина, онъ могъ опереться на происхожденіе свое. Жизнь отца его запечатлѣна была непогодами того вѣка, старость недавно только вынула мечъ изъ рукъ Ми-

хапла, мечъ, иступленный о кости враговъ Россіи. Лишась нѣжной сушруги, весь остатокъ дней своихъ посвятилъ онъ юному сыну, надеждѣ и опорѣ своей, и подъ его попечительною сѣнію смѣло, какъ гордый левъ, улыбчиво, какъ проблескъ надежды, встрѣчалъ Всеславъ юность свою. Природа отмѣтила наружность его рѣзкою печатью благородства и красоты, она вдохнула въ него душу пылкую, которая кипѣла въ глазахъ его, черныхъ и блестящихъ какъ полированный агатъ и вмѣстѣ нѣжныхъ какъ портретъ любви. Величаво какъ кедръ, развивалъ онъ станъ свой. Прекрасный юноша недолго таился въ гридницѣ родителя и взятъ былъ ко Двору въ число княжихъ отроковъ; рука его не слабо уже держала мечъ и мѣтко посылала стрѣлу; гордо, какъ корону, надвинулъ онъ въ первый разъ грозный шлемъ на голову свою, надѣлъ латы и примкнулъ къ груди тяжелый щитъ радостно, какъ нѣжный любовникъ заковываетъ въ свои объятія милую подругу; быстро, какъ на добычу орелъ, вскакивалъ онъ на легкаго бѣгуна и мчался въ обгонъ съ вѣтромъ.

Образецъ русскаго юношества, краса княжескаго двора, онъ не видалъ себѣ соперниковъ ни въ чемъ, не только между ровесниками, но и между старшими себя; красота его не была тайною отъ зоркихъ глазъ женщинъ (какъ ни укрывали ихъ тогда), когда случалось ему выпать милую внимательность ихъ къ себѣ, хотя сквозь полупрозрачное покрывало; не сердце, но

глаза его ласково принимали скромные привѣты ихъ—оно было въ заговорѣ съ ними.

Онъ глядѣлъ—и любовался, сердце же его билось—но не трепетало; грудь его только снаружи была облита сталью, внутри же ея теплилась чувствительность, ни кѣмъ еще не тронутая, искры падали мимо. Судьба еще не подвела ему обрученницу его, и душа его, свободная и рѣзвая, какъ ласточка, порхала съ предмета на предметъ, не перекликаясь ни съ кѣмъ, не останавливаясь ни на комъ.

Кстати упомянуть здѣсь, что Всеславъ имѣлъ сестру, которая была старѣе его годомъ и дѣлила жизнь свою съ супругомъ; они нѣжно любили другъ друга. Мужъ ея, добрый и нѣжный семьянинъ, былъ также храбрымъ воиномъ въ полѣ и честнымъ гражданиномъ отечества, онъ умѣлъ признавать достоинства въ юномъ Всеславѣ и отдавать ему долгъ любви и уваженія. Я сказалъ уже, что старый отецъ ихъ, безотчетно довѣряясь надеждамъ жизни, коварно обманутъ былъ ими. Любовь супружества на три года только оцвѣтила дни его, и смерть самовластно оторвала отъ него милую, прекрасную подругу; съ тѣхъ поръ сердце его сжало о ней воспоминаніе тоскливое. Бывши мудрымъ воеводою, долго налагалъ онъ тяжесть руки своей на полчища татаръ и ляховъ и лучшіе дни своей жизни тратилъ безвозвратно въ Капчакской Ордѣ, находясь тамъ какъ бы въ плѣну, какъ человѣкъ, причиняющій собою много зла врагамъ отечества.

Юные дѣти его жили долго сиротами въ Мо-

свѣ, у дальнихъ родственниковъ и порою тяжко сносили сиротство свое подъ деспотическимъ жезломъ тиранства; когда-жъ жизнь Всеслава стала на точкѣ самоощущенія, когда возрастъ юношества развилъ душу его ко всѣмъ понятіямъ, встрѣчѣ обновки жизни своей, дождался онъ возвращенія отца. Въ пасмурную непогоду жизни его онъ явился къ нему умиленнымъ благовѣстникомъ счастія. Съ тѣхъ поръ дни отца и дѣтей рѣзвѣе начали отдаваться вѣчности. Неначглядно любовался Михаилъ малыми дѣтьми: Всеславъ представлялъ ему собою живой портретъ его молодости и миловидныя черты нѣжной матери своей; съ тѣхъ поръ пріютомъ его были объятія родителя. Заслуги Михаила отечеству были врѣзаны въ памяти многихъ неизгладимыми чертами; Всеславъ былъ взятъ ко двору и въ свитѣ княжескихъ логчихъ часто ѣзжалъ съ нимъ на охоту съ соколами *), а иногда только съ товарищами, стрѣлять звѣрей разнаго рода, изобиловавшихъ въ тогдашнее время въ непроницаемыхъ *Сокольникахъ*. Въ этомъ-то періодѣ жизни представляю я его теперь.

Окончивъ молитву свою, Марія встала и наслаждаясь освѣжительнымъ дыханіемъ весенняго утра, гуляла по долинѣ, искавъ незабудокъ и нечувствительно увлеклась въ глубь лѣса. Вдругъ раздались звуки рога, она вздрогнула, хотя привыкла уже слышать звуки сіи, часто оглашавшіе

*) Отъ чего Сокольники и получили свое названіе.

лѣсъ. Вдали что-то блеснуло предъ ней и она стала робко пробираться къ тому мѣсту; взоры ея скоро отыскали кольчатую броню Всеслава, которая, играя съ солнцемъ, привлекла глаза ея. Первымъ движеніемъ ея былъ испугъ, она хотѣла бѣжать, но невольно остановилась разсмотрѣть богатыря, погруженнаго въ тихую задумчивость, опершагося на копье и склонившаго голову такъ, что она не могла разсмотрѣть хорошенько лица его; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него ходилъ конь, щипля траву и влача за собою прострѣленную лань; не подалеку лежалъ шлемъ.

Шелестъ шаговъ ея вызвалъ вниманіе Всеслава; быстро обернулся онъ, но Марія, испуганная его движеніемъ, понеслась и была уже далеко и онъ могъ видѣть только сквозь рѣшетку лѣса мельканіе одежды и взвивъ бѣлаго покрывала ея, все болѣе и болѣе терявшагося вдали.

Изумленный симъ нечаяннымъ явленіемъ, долго стоялъ онъ неподвижно, какое-то предвѣщательное, сладостное чувство облило грудь его; наконецъ онъ поднялъ шлемъ, сѣлъ на коня и по прежнему помчался, но въ задумчивости, тихо сталъ возвращаться домой, все мечтая о семъ приключеніи, и вдругъ потерявъ довольство самимъ собою, что не могъ ни разсмотрѣть, ни удержать присутствія милой бѣглянки, которое, казалось ему, было бы для него насладительнымъ. Марія, отбѣжавъ нѣсколько, остановилась и смотрѣла издали на его удаленіе, а когда онъ совсѣмъ скрылся, она все видѣла его, все пред-

ставляла своему воображенію его разсыпанные волосы, освобожденные отъ шлема, его станъ, одежду и предавшись сему увлекательному мечтанію, тихо склонила головку—и тутъ-то сердце впервые прошептало ей: *вотъ онъ!*

ГЛАВА II.

Ожиданіе. Пріѣздъ новаго Баскака. Смятеніе между Татарами и Москвитянами. Княжескій печатникъ прерываетъ оное.

Его обитель какъ могила
Нѣма, чего-то въ тайнѣ ждетъ.

Молчаливо, задумавшись, сидѣлъ старый Михаилъ на широкой лавкѣ за столомъ бѣлодубовымъ, облокотясь объ него обѣими руками. На угрюмомъ лицѣ его оттиснутъ былъ отпечатокъ мрачной думы, тяжело давившей грудь его. По лѣвую сторону его лежала толстая трость, внизу обведенная зазубреннымъ желѣзомъ, а сверху привинченъ былъ къ ней литой изъ мѣди набалдашникъ съ чеканью Св. Георгія Побѣдоносца; по правую руку его невдалекѣ сидѣла миловидная женщина въ голубомъ сарафанѣ и въ длинномъ покрывалѣ на головѣ, съ закинутыми назадъ концами; она качала люльку, напѣвая баюкальныя пѣсни.

Долго продолжалось заунывное напѣваніе ея, только одно нарушавшее мертвую тишину свѣт-

лицы и навлекавшее еще большее уныніе на Михаила. Вдругъ брякнуло приворотное кольцо, дворная собака, гремя цѣпью, выскочила изъ конуры своей и заливаясь лаемъ, бросилась къ воротамъ, которыя скрипя медленно раздвигались.

„Наконецъ, вотъ онъ!“ сказалъ Михаилъ приподнимаясь со скамьи. На дворъ вошелъ высокій мужчина, въ синемъ короткомъ кафтанѣ, перетянутомъ краснымъ поясомъ и въ круглой шапкѣ съ собольимъ околышемъ. Сидѣвшая женщина, выглянувъ въ окошце, бросилась къ нему навстрѣчу, вскрикнувъ: „Это мой Ѳедоръ, батюшка! Это мой мужъ!“

— Не видалъ ли ты Всеслава?—спросилъ торопливо Михаилъ вошедшаго Ѳеодора.

„Видѣлъ, батюшка!“ отвѣчалъ ему Ѳеодоръ, усердно соверша три низкіе поклона предъ иконами, послѣ поклонясь на всѣ четыре стороны и обнявъ жену.

— Гдѣ, гдѣ?—перервалъ нетерпѣливый старикъ.

„Тамъ за *загородьемъ* 4) обогналъ я его“.

— Обогналъ, ты обогналъ его?

„Да, батюшка, я; лошадь его чуть двигалась, вздымая гордо голову, повинуясь сильной рукѣ, удерживавшей ея стремленіе“.

— Странно! вмѣстѣ съ зарей выкатился онъ ноньче, Богъ вѣсть куда; да чтожь ты не звалъ его съ собой?

„Онъ не близко ѣхалъ ко мнѣ, батюшка, я манилъ его, но онъ и не примѣчалъ сего, на-

клонясь къ лукѣ сѣдла въ раздумьѣ, какъ бы пересчитывая бисеринки на чепракѣ своемъ.“

— Да чтожъ вы безпокоитесь, батюшка—сказала Анна отцу своему:—вѣдь братъ часто выѣзжаетъ на охоту и на довольно долгое время; теперь вѣрно скоро возвратится.

„Взгляни-ка на солнышко!“ перервалъ ее Михаилъ: „давно ужъ за полдень, обѣдъ нашъ простылъ, никогда еще не заставлялъ онъ насъ такъ долго ожидать себя. Если, бывало, надолго куда выѣзжалъ, то и примолвитъ, когда я благославляю его въ путь: батюшка! перекрестите меня еще, мы долго не увидимся, и я, сжавъ сердце, перекрещу его еще нѣсколько разъ, а теперь, право, что-то не даромъ взгрустнулось мнѣ по немъ.“

Съ минуту продолжалось молчаніе. Михаилъ прервалъ его, сказавъ: „Не по сердцу мнѣ его молодечество, пора бы ему наѣздничать не на звѣрей... да авось откроется скоро къ тому случай. Надобно думать“, промолвилъ онъ значительно, помолчавъ немного и чертя тростью своей по лавкѣ: „если бы не прихворнулось мнѣ нонче, я узналъ бы еще кой-что во дворѣ. Ну, что, Ѳеодоръ, ты-таки сегодня довольно поѣздилъ, не донесъ ли до тебя откуда нибудь хоть вѣтерокъ какой вѣсточки?“

— Нынѣ я видѣлъ, батюшка,—отвѣчалъ ему Ѳеодоръ—*Окольничьяго Тимовея* 5), ѣхавшаго изъ *Посада* 6) въ Княжескій звѣринецъ. Вчера въ ночь прибылъ сюда изъ *Золотой Орды* давно ожиданный и новоустановленный Ханомъ *Баскакъ*

7), какъ бишь ему имя-то, мудрено, не запомню, ему дастъ Князь нашъ пиръ и послѣ хочетъ его потѣшить травлей; но вотъ что, батюшка, непонятно мнѣ: добрый нашъ Князь, конечно, радушенъ и привѣтливъ ко всѣмъ, но вмѣстѣ и надменъ, чтобъ тѣшить этихъ *поганцевъ* *). Къ тому же, какъ многимъ давно ужъ замѣтно,— сказалъ онъ осматриваясь на всѣ стороны и понизивъ голосъ,—онъ даже презираетъ эту челядь и едва сдерживаетъ въ себѣ порывы негодованія, смотря на самовластность этихъ невѣрцевъ, а теперь (не въ упрекъ ему будь сказано) сбирается угощать одного изъ нихъ.

„Ты еще молодъ, любезный Ѳеодоръ!“ сказалъ ему Михаилъ: ты еще не можешь объять всего видимаго разсудкомъ твоимъ, и вникнуть имъ въ изгибистый тайникъ человѣческаго сердца. Князь нашъ, продли ему Господь живота и вѣка!“ произнесъ онъ благоговѣйно, привставъ съ своего мѣста и перекрестясь; „Князь нашъ любитъ родную Москву, какъ супругу свою, а насъ грѣшныхъ, какъ кровныхъ чадъ своихъ; онъ поступаетъ мудро, обдуманно: медвѣдя для того и поятъ виномъ, чтобы охмѣлѣвшаго легче было пришибить; собакѣ для того и бросаютъ кусокъ хлѣба, чтобъ заткнуть ей зѣвъ. Постигаешь ли ты, что теперь наша мать Россія? Слабый ребенокъ, едва ходящій на помочахъ, который въ рукахъ у Татаръ, управляющихъ имъ по своей

*) Всѣхъ вообще Татаръ наши предки звали *погаными*.

волѣ; но дай этому ребенку стать на всю ступню, дай ему подрость и онъ вырветъ эти вожжи, вмѣстѣ съ руками управляющаго ими Хана. Думаешь ли ты, что звукъ оковъ, крѣпко натянутыхъ на насъ Моголами, не проникаетъ въ самую глубь сердца каждаго, когда онъ забрякаетъ ими? Думаешь ли ты, что это сердце, промокнувши отъ слезъ, заливаетъ огонь его, когда слезы эти, стружь по ржавчинамъ цѣпей иноплеменныхъ, не смываютъ ихъ? Помнишь ли, какой пламень заискрился въ очахъ Князя, какъ вспыхнули и зацвѣтились ланиты его, когда онъ отправлялся въ *Орду* съ богатыми дарами, которые долженъ былъ разсыпать предъ тамошними идолами? Не отзываются ли въ тебѣ до сихъ поръ памятныя слова его, когда онъ, прощаясь съ нами, говорилъ: Православные! я оставляю васъ, молите Вышняго Владыку, да обратитъ Онъ милосердыя вѣжди Свои на бѣдствующую нашу кормилицу—мать—Россію! Видѣлъ ли ты, какъ тихо плакалъ онъ, лобзая священный крестъ въ рукахъ Митрополита *Алексія*, которымъ сей благословлялъ его въ путь дальній? *Иди съ миромъ и возвратись съ миромъ!* провозгласилъ святый старецъ, обратя горѣ вдохновенные очи свои. Слышалъ ли ты, какъ звонко раздавался по сводамъ собора Успенскаго откликъ умиленнаго народа, повторившаго на перерывъ слова сіи? Ужли ты полагаешь, что другое истекающее столѣтіе опривычило насъ равнодушно клонить шеи подъ ярмо безсловія, повиноваться

чужеземному, не Богомъ вѣнчанному, родному Помазаннику Россіи?

— Батюшка!—произнесъ почти сквозь слезы Ѳеодоръ, одушевленный его словами:—почто же намъ долѣе терпѣть — нестерпимое; ужли мы не отстоимъ нашей родины? Ужли мы не заслонимъ нашего отца Князя своими вѣрными грудями отъ всѣхъ козней вражескихъ?

„Видно еще не пробилъ часъ вѣщій“, отвѣчалъ Михаилъ. „Дотерпимъ еще немного и тогда посмотримъ, можетъ быть и рѣшимся на что-нибудь!“

— А что, батюшка,—спросила Анна отца своего: чай сильна эта грозная рать Могольская, и лица-то у нихъ звѣриныя и нравы-то лукавые; все смотрятъ изъ подлобья, да какъ смотрятъ-то, невольно затрепещешь!

„Да, я таки вызналъ вдоволь всего на *Золотой Ордѣ*; они какъ волки, ни чѣмъ не доведешь ихъ быть ручными, добрыми и сострадательными, какъ Русскіе; это народъ дерзкій, предпріимчивый и болѣе отважный потому, что избалованъ счастьемъ, что судьба нянчаетъ ихъ прихотливыхъ; они привыкли всегда видѣть себя побѣдителями, но честь моя порукою: задай-ка имъ страху, такъ сдѣлаются робки и малодушны, какъ дѣти. Надежда на свое счастье и придаетъ имъ храбрости и неустрашимости, но наши, родившіеся и живущіе угнетенными, по неволѣ, бѣдствуя, слабѣютъ, и переданная имъ въ крови отъ предковъ неустрашимость—умираетъ въ са-

момъ зародышѣ; но это все до случая, видитъ Богъ, до случая!“

— Я это чувствую,—произнесъ твердо и выразительно Ѳеодоръ! — Грянь лишь призывная труба, кто меня удержитъ!

Тутъ раздался плачъ проснувшагося ребенка, котораго Анна и забыла уже качать, заслушавшись одушевленныхъ словъ отца и мужа; сложа руки, сидѣла она чуть не плача, но послѣднее слово, произнесенное Ѳеодоромъ, и вопль ребенка, разбудили ея вниманіе, она бросилась къ люлькѣ и вскричала: „вотъ, вотъ чей голосъ удержитъ тебя! Если не слезы и мольбы оставленной супруги, то жалостный взоръ покинутаго сироты проникнетъ въ твое сердце сквозь желѣзо кольчуги и опять зашевелитъ, обратитъ его къ намъ!“

— Полно, полно, Анна, это еще одно предположеніе, а вы ужъ оба такъ разгорячились. Ахъ молодость, молодость! Скоро вспыхиваете вы, да скоро и простываете, лишь дунь только суровый вѣтеръ старости.

„Но, батюшка, если подбавить еще жару, то никогда не простынетъ“ возразилъ Ѳеодоръ.

— Это-то я и хотѣлъ прибавить, ибо ощущаю собственными чувствами сердце свое. Но мы заговорились и забыли о Всеславѣ, онъ еще кипучѣе тебя; тебѣ есть кого согрѣвать, съ кѣмъ дѣлиться огнемъ своимъ, а онъ!...—О! какъ мило отцовскому сердцу любоваться на этотъ пылъ его, обѣщающій такъ много, на этотъ огнистый

взоръ, выговаривающій такъ сильно, выразительно!

Странникъ, странникъ! горе! горе!
Ты всплываешъ жизни въ море.

Колочевскій.

Вдругъ брякнуло опять приворотное кольцо, опять расклынулись ворота и Всеславъ внесся въ нихъ величаво. Соскочивъ съ коня, передалъ онъ его стремянному и быстро пробѣжавъ нѣсколько *гридницъ* 8), встрѣтилъ отца своего, спѣшившаго къ нему. Онъ поцѣловалъ почтительно руку его и по нѣжнымъ укорамъ, въ продолжительной отлучкѣ, произнесеннымъ Михаиломъ, все было забыто, даже спросить, гдѣ онъ длилъ столько времени? но Всеславъ помнилъ это, мечты его были такъ полны, что онъ неудовлетворительно отвѣчалъ отцу своему на нѣкоторые вопросы. Послѣ сытной трапезы блуждалъ онъ по саду до самаго вечера и утомленный кинулся скученъ на одинокую постель свою.

Радостно улыбнулось ему утро майское. Въ домѣ все еще было тихо, только доносился звукъ ржанія нетерпѣливаго коня его, просящагося скорѣй подъ всадника своего. Всеславъ накидывалъ было уже на себя *Хорзну* 9), какъ вдругъ вошелъ Михаилъ.

„Куда собираешься“, спросилъ онъ Всеслава, поцѣловавъ его?

— На добычу, батюшка,—ужь давно свѣтаетъ.

„Поѣзжай лучше во Дворъ Княжескій, тамъ

увидишь новаго Баскака, который вѣрно будетъ нонче трапезовать у Князя.“

— Что вы, батюшка, чтожь мнѣ-то тамъ дѣлать, не цѣловать ли раболѣпно полы одежды его?

„Сынъ мой! ты гордъ, въ тебѣ я вижу себя; не будь унизительнымъ, но и дерзкимъ. На что-бы ты согласился, когда бы за безопасность Князя и отечества нужно было бы тебѣ обращаться съ Абдрахманомъ?...“

— Выщипалъ бы по волоску старую бороду у этого новаго Баскака и сплетя изъ нея плеть, сталъ бы ею гнать отсюда его со всѣми земляками!

„Это мнѣ по душѣ; но помни завѣты мои: не пускайся вплавь по ярымъ волнамъ, когда черезъ нихъ перегнутъ мостъ. Ступай же во Дворъ, я хочу, я требую сего“, и они разстались.

Нехотя повиновался Всеславъ наказному слову отца своего; нехотя, сбросивъ корзну, надѣлъ на себя зеленый кафтанъ, обшитый золотыми галунами, и голубую шапку съ позументами, и обхвативъ станъ свой мѣдно-чешуйчатымъ кушакомъ, заткнулъ за него блестящій кинжалъ и выскочилъ со двора во весь галопъ.

Вотъ уже завеличался предъ нимъ бѣлокаменный Кремль съ росписными башенками своими, на коихъ парусились голубые флаги, перегрывая съ вѣтеркомъ. Въ Успенскомъ Соборѣ гудѣлъ колоколъ, призывая къ обѣднѣ. Всеславъ, снявъ шапку, перекрестился и удержавъ стремленіе лошади своей, тихо объѣзжалъ стѣны Кремля, и

увидавъ толпившійся народъ у Фроловскихъ воротъ 10), сталъ подъѣзжать къ нимъ.

Гордо смотрѣлся высокій теремъ въ зеркальныя волны Москвы-рѣки, смиренно катившей предъ нимъ струи свои; тесовый заборъ обнималъ его кругомъ; у воротъ расхаживалъ плечистый татаринъ съ сѣкирою въ рукахъ, карауля Абдрахмана, обитавшаго въ семъ теремѣ. Проходящіе нерадостно смотрѣли на узкое, продолговатое оконце, задѣланное толстыми желѣзными брусьями, изъ котораго виднѣлась курчавая борода хозяина; нѣкоторые презрительно отворачивались и пробѣгали скорѣй мимо его, избѣгая непремѣнной обязанности преклоняться предъ нимъ, какъ предъ идоломъ. Лишъ только Всеславъ въѣхалъ во Флоровскія ворота, вниманіе его устремилось на шумъ, а взоры—на собравшуюся толпу простолюдиновъ, предъ теремомъ Абдрахмановымъ. Человѣкъ высокаго роста, одѣтый въ щегольской охобень, подбитый горностаемъ, съ черными, крутыми усами, съ кинжаломъ на боку, хитрой чекани, висящимъ на стальной цѣпочкѣ, и въ высокой остроконечной шапкѣ, шелъ, не снимая ее,—поровнявшись съ теремомъ Ордынскаго вельможи, и неугомонный часовой остановилъ его со словами: что ты за человѣкъ?

Неизвѣстный. Москвитянинъ, рабъ Князя Димитрія.

Татаринъ. Вижу, что ты русскій озарникъ; но крѣпко ли привинчена твоя голова къ туловищу?

PAGE(S) MISSING

PAGE(S) MISSING

защищаясь, вдругъ напали сами на нападающихъ и бывъ сильно раздражены нахальною дерзостью ихъ, такъ сжали противниковъ своихъ, что сіи начали безпорядочно отступать къ воротамъ. Абдрахманъ, привлеченный шумомъ къ окошку и видя пораженіе своей стражи, закипѣлъ гнѣвомъ и неумолкно давалъ повелѣніе бить всѣхъ нещадно, но напрасно силился онъ возбудить въ своихъ землякахъ прежній азартъ: бывъ сбитъ съ площади Кремлевской, бросались они какъ ни попало за ворота и насилу успѣли захлопнуть ихъ; съ крикомъ и воплемъ преслѣдовалъ народъ бѣгущихъ, вся площадь задвинулось волнующимися толпами, на дворѣ Абдрахмана заливался колокольчикъ бьющій тревогу; еще нѣсколько минутъ и ворота разлетѣлись бы въ щепки.

Но вдругъ показалось нѣсколько рядовъ Княжескихъ копьеносцевъ и впереди ихъ *Печатникъ* 11) съ поднятою вверхъ рукою, держа пергаментовую хартію: „Именемъ Великаго Князя Димитрія, пославшаго меня сюда, повелѣваю вамъ разойтись не медля“, провозгласилъ онъ строгимъ голосомъ, появившись предъ взбунтовавшимися, и народъ, снявъ почтительно шапки, тотчасъ началъ расходиться.

Татары, притаившись за оградой и услыхавъ благовѣстителя своей безопасности, стали выглядывать въ щели забора, какъ псы въ подворотню, и удостовѣрясь совершенною тишиною, выкрадывались робко одинъ за другимъ на мѣсто побоища и видя отхлынувшія толпы народа, пріободри-

лись и стали издали имъ грозить. Мѣсто сраженія было покрыто обломками копій, сѣкиръ и бердышей, русскими шапками и татарскими скуфейками. Кипящій Абдрахманъ съ яростью шагалъ по обширному своему терему, созидая въ мысляхъ планы мщенія. Печатникъ, завидя его, почтительно подъѣхалъ къ открытому окошку его и, преклонивъ копье, сказалъ:

„Вельможный Абдрахманъ! Димитрій, Великій Князь Московскій и проч., повелѣлъ мнѣ учинить предъ тобою извиненіе въ случившейся тревогѣ, чему онъ ни мало не причиною, и бить тебѣ челомъ, да соизволишь согласиться пожаловать во Дворецъ Княжескій откушать хлѣба и соли его".

Не придя еще въ себя, Абдрахманъ не вдругъ отвѣчалъ.—Скажи напередъ своему Князю Димитрію, что я требую непремѣннаго удовлетворенія за мою обиду личную, иначе я заставлю это сдѣлать.—Помолчавъ немного, прибавилъ:—Приглашеніе трапезовать—принимаю.—И съ сими словами махнулъ ему сурово головою.

Печатникъ *поклонился* и отъѣхавъ отъ свѣтлицы его, поднялъ опять копье свое и распрашивая подробно о случившемся у проходящихъ, чтобъ донести Князю, поѣхалъ ко Дворцу, а за нимъ свита его тѣмъ же порядкомъ.

ГЛАВА III.

Великій Князь Димитрій Іоанновичъ дѣлаетъ пиръ для Абдрахмана, парадное шествіе его и встрѣча. Обѣдъ и разговоры Князя съ Абдрахманомъ. Карусель, слѣдствіе онаго.

Поэта въ пламенныхъ стихахъ
Вы живы: вы у насъ въ очахъ!
Писаревъ.

Полдневное солнце горѣло уже на свѣтлыхъ шпицахъ Кремлевскихъ башенокъ, все было въ движеніи на широкомъ дворѣ Княжескомъ; дороги отъ Константино-Еленскихъ воротъ до Никольскихъ заперты были входящимъ и выходящимъ чрезъ нихъ народомъ. Окна близь стоявшихъ домовъ кипѣли зрителями, конные и пѣшіе толпились наперерывъ посмотрѣть на парадное шествіе посла Баскака, ожидаемаго во дворецъ Княжескій.

Величественно сидѣлъ Великій Князь Димитрій Іоановичъ на высокомъ престолѣ своемъ подъ навѣсомъ золотыхъ кистей роскошнаго бал-

дахина, выкраивающагося надъ нимъ узорчатыми каймами имѣя въ рукахъ державный жезлъ. Драгоцѣнный вѣнецъ, блиставшій на головѣ его, придавалъ его выразительной физіономіи еще болѣе выразительности и почтительной важности; великолѣпная парчевая одежда широкими волнами покрывала его. По правую руку на второй ступенькѣ трона сидѣлъ братъ его *Владиміръ Андреевичъ*, внукъ *Калиты*, а на лѣвой стоялъ *Ближній* Боярин и Воевода, *Окольничій Тимофей*, гдѣ оставалось пустопорожнее мѣсто, назначенное для Абдрахмана, сзади престола стоялъ *Печатникъ Іоаннъ Ларіоновичъ Кзашня* съ золотой *гривной* на шеѣ, держа въ рукахъ гербъ Великокняжескій. Прочіе Бояре и сановники стояли по обѣ стороны въ нѣсколько рядовъ на мѣстахъ, соотвѣтственныхъ ихъ чину и должности. Отъ трона во все пространство храмины до дверей растягивались ковры цареградскіе хитрой ткани, на стѣнахъ висѣли доспѣхи богатырскіе.

Молчаніе, ни чѣмъ не прерываемое, царствовало уже нѣсколько времени въ тронной храминѣ Княжеской. Димитрій прервалъ оное, подозвавъ къ себѣ Боярина *Льва Морозова* и наказалъ ему избрать дружину изъ его отроковъ для встрѣчи Абдрахмана. Боярин молча поклонился и по мановенію руки его тотчасъ выстроился рядъ прекрасныхъ юношей въ богатыхъ одеждахъ и вышедъ съ крыльца, вскочили на лошадей и потянулись встрѣчать Монгольскаго вельможу.

Спустя нѣсколько времени вбѣжалъ въ пріемную вѣстникъ, смотрѣвшій съ башни но движе-

ніе Абдрахмановой свиты, и донесъ, что изъ-за облакъ пыли показались уже стальные шапки провожатой дружины, а за ними высокія шишаки Татарскія.

Впереди всѣхъ ѣхалъ, очищая и показывая дорогу, Боярин *Морозовъ* съ своимъ отрядомъ состоявшимъ изъ избранныхъ Княжескихъ отроковъ, ѣхавшихъ на бѣлыхъ лоснящихъ лошадяхъ: это былъ цвѣтъ Русскаго юношества; грозные шишаки, осѣненные голубыми перьями, нескрывали свѣжихъ ихъ лицъ, блистанія взоровъ и волнистыхъ кудрей, распадавшихся по плечамъ; свѣтлыя кольчуги ихъ зеркалились, а обнаженные мечи склоненные дуло предъ дворцомъ, отражали перебѣгающіе по нихъ солнечные лучи. Всеславъ въ полномъ вооруженіи и съ поднятымъ забраломъ былъ также въ числѣ ихъ.

За ними, посреди своей свиты, на ворономъ Азіатскомъ конѣ ѣхалъ широкоплечій Абдрахманъ исполинскаго роста. Голова его вытягивалась изъ прочихъ малорослыхъ Татаръ, какъ дубъ изъ мелкаго кустарника; на головѣ его была надѣта круглая бобровая шапка съ золотыми бляхами, съ боку коей возвышалось черное перо перевитое съ краснымъ, какъ бы закаленное кровью; на немъ былъ надѣтъ на распашку желтый кафтанъ, обложенный серебряною битью, на косомъ висѣли литыя серебряныя пуговицы; шелковый багроваго цвѣта кушакъ обтягивалъ его едва объятную талію; съ боку у него висѣлъ на двойной цѣпи излучистый кинжалъ *Дамасской* стали обоюдо острый, на груди его виднѣлся Татарскій

гербъ, изображавшій многоглавое чудовище съ распротертыми когтями.

Онъ имѣлъ уже около пятидесяти лѣтъ; лицо его было смуглое, широкое и мрачное, взоръ огнистый и даже страшный, когда вдругъ выкатываясь изъ-за густыхъ, задвигающихъ его бровей, блисталъ какъ лезвіе кинжала, выдернутое изъ ноженъ; на ногахъ его были надѣты короткіе зеленые полусапожки съ красными отворотами и со стальными шпильками на каблукахъ. Сзади его ѣхалъ вѣрный и неотлучный стремянный *Бегаръ*, сподручникъ по должности и близнецъ по силѣ и росту, прочіе поодаль.

У парадnаго крыльца дворца Абдрахмана сняли съ лошади подъ руки и торжественно ввели въ храмину. Димитрій привсталъ съ своего трона и вѣжливо поклонился на поклонъ Абдрахмана, который привѣтствовалъ его слѣдующими славами: „Да здравствуетъ Князь Князей Россійскихъ! Да будетъ миръ надъ твоимъ домомъ и милость Хана во вѣки! Повелитель мой, глава *многоглавой Орды*, Мамай посылаетъ тебѣ ее чрезъ меня; блюди же ее и вѣдай, что въ противномъ случаѣ, громы десницы его не замедлятъ раздаться надъ тобой и ввѣренной тебѣ страной твоей“.

— Къ сердцу принимаю желаніе твое, вельможный Абдрахманъ; миръ же и милость Хана— отвѣчалъ ему важно Димитрій, усадивъ подлѣ себя по лѣвую руку,—кромѣ послѣднихъ словъ, чѣмъ могу я навлечь непріязненность Ханскую?

„А вотъ, напримѣръ, давишнее происшествіе“ началъ было угрюмо Абдрахманъ.

— Больно, весьма больно мнѣ,—прервалъ его Димитрій,—что наше знакомство начинается жалобою твоею; но вникни въ дѣло: виновники съ обѣихъ сторонъ, твои зачинщики, мои только кончили.

„Но какъ кончили?“ заревѣлъ Абдрахманъ. „Они дерзнули приступить къ моему терему и даже угрожать мнѣ. Нѣтъ, *клянусь Магометомъ*, я прошу отъ Хана суда, если ты не удовлетворишь меня!“

— Согласенъ—отвѣчалъ Димитрій, и подозвавъ къ себѣ Окольничьяго Тимофея, повелѣлъ ему неупустительно собрать Москвитинъ и заповѣдать имъ подъ строгимъ наказаніемъ чтить Хана и всю свиту его; когда же Тимофей вышелъ исполнять наказъ его, Димитрій обратившись къ Абдрахману сказалъ:—я съ моей стороны все сдѣлалъ, теперь твой чередъ, накажи и ты своимъ жить въ мирѣ и согласіи съ моими.

„Только бы они чтили насъ достодолжно“ отвѣчалъ гордо Абдрахманъ сдвинувъ брови: „всѣдокъ не взнуздываетъ лошадь, когда она и безъ того повинуется его управленію.“

— Но утративъ терпѣніе отъ тисковъ, часто и сбиваетъ съ себя учителя своего, и тогда за притѣсненіе выплачиваетъ ему копытами,—сказалъ значительно Димитрій, бывъ доведенъ до сего наглостію Татарина, и поздно спохватясь прибавилъ:—такъ лучше хранить миръ съ обѣихъ сторонъ, не такъ-ли?

„Такъ, такъ“ отвѣчалъ въ полголоса Абдрахманъ, обводя подозрительно всѣхъ глазами и стараясь подавить въ себѣ чувство злости, откинувшейся въ его взорѣ.

— Зачинщику же примѣрное наказаніе—продолжалъ Димитрій.

„Вздернуть его на колъ, или вбить въ него колъ, или сдѣдать изъ него чучело и поставить на площади для устрашенія народа“ говорилъ съ злобной радостію Абдрахманъ; „гдѣ-то тотъ озорникъ который поранилъ давича ухо моему стременному? Бешаръ!“ закричалъ онъ, и изъ средины провожатыхъ его выскакнулъ толстый Бешаръ съ рубцемъ на щекѣ и ухѣ. — Попробовалъ бы я — сказалъ сей, — такъ ли хлестокъ его мечъ, какъ плеть?

„Такъ, наказаніе, непремѣнное наказаніе виновнику“ началъ опять Абдрахманъ, обратясь къ Димитрію.

— Я не перемѣняю словъ моихъ — отвѣчалъ Димитрій.

„По рукамъ же, Князь!“ воскликнулъ Абдрахманъ дико усмѣхнувшись. Димитрій подалъ ему руку и поднялъ съ мѣста и повелъ къ трапезѣ, а за ними пошли и всѣ вельможи Русскіе и Монгольскіе, перемѣшавшись между собою.

Въ храминѣ, еще обширнѣй тронной, растягивались длинные столы въ нѣсколько рядовъ, покрытые скатертями и уставленные разными явствами, какъ то: похлебками, жаркими изъ всякой дичи, сладкими пирогами и жирными каравайми изъ сарачинскаго пшена, вмѣсто же де-

серта, между блюдъ возвышалась оленья голова, съ жарко-вызолоченными крутовѣтвистыми рогами, перевитыми разными украшеніями изъ лентъ и цвѣтовъ; на каждой вѣточкѣ этихъ чудноузорчатыхъ роговъ висѣли разныя пряничныя изображенія птичекъ, рыбокъ и проч. На креслахъ, покрытыхъ горностаевымъ одѣялсмъ и нѣсколько возвышенныхъ предъ прочими широкими лавками, сидѣлъ Князь Димитрій, по правую руку его братъ Владиміръ Аноревичъ, а по лѣвую Абдрахманъ; прочія мѣста занимали Русскіе и Татарскіе вельможи. За всякимъ кушаньемъ, гридни разносили шипучій медъ въ полновѣсныхъ кубкахъ.

„За здоровье Димитрія, Князя Московскаго!“ воскликнулъ Абдрахманъ опорожнивши свой кубокъ и опрокинувши его на столъ, Димитрій отвѣтствовалъ ему здоровьемъ Татарскаго Хана, самого его и всей свиты его; отпивши подалъ онъ Абдрахману, сей сосѣду своему и такимъ образомъ кубокъ сдѣлался круговымъ. По тогдашнему обыкновенію, кубокъ, принятый изъ рукъ хозяина, долженъ принадлежать тому, кто первый принялъ его, и онъ возвратился къ Абдрахману, какъ къ почетному гостю, и остался въ его владѣніи. Бесѣда сдѣлалась дружнѣе, откровеннѣе и Абдрахманъ, отмочивши свою искренность, высказалъ довольно кой-чего задушевнаго, что Димитрій отмѣтилъ особенно въ своемъ замѣчаніи.

Я вложу тебѣ богатый,
На главу шлемъ пернатый;

Осѣню тебя крыломъ,
Какъ Палладинымъ щитомъ!

Коллачевской.

Наконецъ подъ окнами раздались звуки охотничьихъ роговъ, медленно заскрипѣли отодвигающіяся лавки, трапеза кончилась — и гости пресыщенные и вёселые встали. У крыльца давно уже стоялъ подъ блестящимъ чепракомъ парадный конь Димитрія, стуча копытомъ о камни, какъ бы вызывая скорѣе всадника своего, два конюшіе насилу удерживали его стремленіе, держа подъ уздцы обѣими руками. Кони Абдрахмана и прочихъ стояли поодаль также совсѣмъ приготовленные. Сошедъ съ крыльца, легко и быстро вскочилъ Димитрій на своего коня, за нимъ прочіе потянулись на охоту. За стремена Княжескія, по тогдашнему обыкновенію, держались идуча два саповника его Двора. Толпы народа какъ волны катились за добрымъ Княземъ своимъ, рукоплеская и крича ему привѣты свои и бросая верхъ шапки.

Подъѣхавъ къ *Кучкову полю* 14) Димитрій остановился на курганѣ, который застилалъ могилу *Никоматы и Ивана Прекраснаго* 15); тутъ было очищено мѣсто для карусели, обнесенное загородкой. Часовой стоялъ у отвора и когда отъ свиты отдѣлились два Княжескихъ отрока и въѣхали за загородку, отворъ замкнули. Всѣ намѣревающіеся биться окружили ее, и наступило молчаніе, мертвое какъ предъ бурей. Противники, поклонившись Князю и поднявъ устремленныя

другъ противъ друга копья, разъѣхались и сильно ударившись тупыми концами, упали оба навзничь. Ихъ перемѣняли другіе. Княжіе отроки, Татары и даже Бояре смѣшались въ поединкахъ, всѣ наперерывъ кипѣли нетерпѣніемъ сразиться: побѣдителями были то Татаринъ, то Русскій; отроки Княжіе тутъ вполнѣ показали свою ловкость и силу и побольшей части оставались *вызывальщиками*; побѣжденные же, опустивъ забрала, скрывались далеко, унося взоръ отъ насмѣшливыхъ взоровъ.

Уже нѣсколько разъ могучій Бешаръ очищалъ мѣсто поединка, никто и ничто не могло сопротивляться жилистой рукѣ его; далеко проникалъ двуострый мечъ его Дамасской стали, данный ему Абдрахманомъ для поединковъ, сильно и мѣтко вонзалось копье его, размашисто пущенное, и осаждало противника сбросивъ его съ лошади. Онъ былъ изъ первыхъ бойцовъ Мамаевыхъ воиновъ и данъ Абдрахману для удивленія и страха Москвитянъ.

Человѣкъ высокаго роста, незнакомый по виду и одеждѣ, наглухо охваченный кольчугой и крѣпко вооруженный, на бѣсящемся конѣ, смѣло въѣхалъ на мѣсто каруселя; прогалопировавъ около рѣшетки нѣсколько разъ, дабы усмирить коня своего, молніеносно бросился онъ на Бешара. Копья ихъ засвистали въ сильномъ летѣ, разсѣкая воздухъ; незнакомецъ погнулся, а Бешаръ насилу усидѣлъ на конѣ, схватясь обѣими руками за луку сѣдла. Опустивъ поводья и выхвативъ мечъ, наперъ было сильно незнакомецъ на

Бешара; но конь его, почувствовалъ свободу, взвился на дыбы и когда онъ ловилъ поводья, Бешаръ поправился и улучивъ время, не оружіемъ, но почти рукой спихнулъ его подъ неукротимую лошадь.

„Славно, славно, Бешаръ,“ закричалъ обрадованный Абдрахманъ, дико визгнувъ отъ смѣха. „Я подарю тебѣ за это золотыя стремяна, а лошади твоей серебряныя подковы! Каково?“ прибавилъ онъ, относясь къ Димитрію: „легче, чѣмъ перчатку съ руки своей, скидаетъ онъ съ сѣделъ богатырей твоихъ.“

— Но законны ли поступки его? — возразилъ больно огорченный Димитрій.—Вѣдь не въ рукопашный бой вступили они, оружіемъ бы и надобно рѣшить это; къ тому же непредвидимый случай, а не сила и искусство твоего стремяннаго оказались побѣдителями; ты самъ видѣлъ, что онъ зашатался какъ былинка, какъ бы оглядывая всѣ стороны, чтобъ выбрать мѣсто гдѣ бъ помягче лечь; я велю опять возобновить сраженіе.—Но бѣшеная лошадь такъ измяла незнакомца, что онъ едва могъ шевельнуться, и стража, поднявъ его на щиты вынесла за загородку, гдѣ скинувъ съ него оружіе, положили въ отдаленіи на траву у ручья, чтобъ дать ему отдохнуть и освѣжиться.

Гордо, какъ феодольная башня, стоялъ исполинъ—Бешаръ, облокотясь о лошадь свою и самодовольно отирая потъ съ надменнаго лица, или лучше сказать, искры, поскакавшія изъ глазъ его при ударѣ незнакомца, межъ тѣмъ какъ сей стра-

дая не столько тѣлесными, сколько душевными ранами и слыша издали несправедливую похвалу своему противнику отъ земляковъ его, напрасно хватался за рукоять меча, стискивая ее и напрягая послѣдніе остатки силъ, которые, истощившись, не могли уже болѣе ему повиноваться. Между тѣмъ Бешаръ презрительно потряхивалъ головою и оружіемъ, вызывая охотника извѣдать силу руки его; но никто не являлся еще.

Димитрій, примѣтя не боязнь, но рѣшительность своихъ, кого бы избрать достойно отомстить за претерпѣнный позоръ, рѣшился самъ на это и пока шло преніе между нимъ и боярами, недонускавшими его къ сему, вдругъ явился во весь опоръ скачущій всадникъ; конь его, закусивъ удила и крутясь подъ нимъ, фыркалъ и храпѣлъ и копытами отгонялъ народъ, тѣснившійся около величаваго сѣдока его.

Опущенное забрало занавѣшивало лицо его; но стройный станъ, крѣпкое вооруженіе и ловкость, съ коею управлялъ онъ конемъ своимъ внушали къ нему довѣрчивость всѣхъ.

Разскакнувшись, не дождался онъ, пока отворятъ ему загородку, и перескочивъ черезъ нее, мигомъ натянулся на Бешара и осадилъ своего коня. Снявъ съ руки желѣзную перчатку благоговѣйно перекрестился онъ, потомъ поклонился Князю, на всѣ четыре стороны и поднявъ концемъ копья вызовъ противника отшвырнулъ его. Межъ тѣмъ какъ укрѣплялся онъ въ стремянахъ, Бешаръ вымѣривалъ его глазами и самонадѣянно улыбнувшись, съ медлительною лѣностію началъ

готовиться къ вѣрной побѣдѣ. Сначала онъ хотѣлъ только защищаться; чтобъ истощивъ рвеніе противника, принудить его добровольно къ сдачѣ; но когда послѣ перваго удара копья, выбитый щитъ изъ рукъ его загремѣлъ въ своемъ паденіи, онъ остервенился, съ ненасытною яростію бросился на соперника своего, мечи ихъ скрестились—и запрыгали по кольчугамъ; со стороны Татарина дѣйствовала сила, со стороны противника его—ловкость и увертки.

Всѣ окружающіе ихъ притаили дыханіе и всѣ чувства слили въ одну точку зрѣнія, дабы не упустить ни одного движенія сражающихся; утомясь долгимъ сраженіемъ Бешаръ размахнувши въ обѣихъ рукахъ мечъ свой, опустилъ его на голову противника; кажется неминуемая смерть вилась уже надъ жертвой своей, но проворный богатырь ослабилъ этотъ ударъ отраженіемъ; скользнувъ мечемъ своимъ по наносчивой рукѣ Бешара, ранилъ онъ ее проникнувъ подъ зарукавникъ, однако не отвратилъ всего удара: мечъ Бешара коснулся сильно его головы и раздвоилъ шлемъ, который распавшись скатился; освобожденныя кудри разсыпались—и открыли Всеслава. Поразивъ другъ друга они остановились на новомъ полувзмахѣ какъ бы сговорясь.

„Сдайся!“ вскричалъ Бешаръ

— Прежде ты —отвѣчалъ ему Всеславъ примкнувъ щитъ къ груди своей.

„Юноша, ребенокъ! не раздражай меня, пока еще я жалѣю тебя“ сказалъ Бешаръ. „Тебѣ ли мѣрить плечо твое съ моимъ?“

— А я такъ не жалѣлъ тебя и давича—отвѣчалъ Всеславъ—вложивши въ твое ухо такую заповѣдь, которая тебѣ вѣрно долго памятна будетъ, даромъ что ребенокъ сочинилъ ее.

„Такъ это ты-то?“ перервалъ его Бешаръ остервенясь. „О! такъ я посмотрю, такъ ли проворно летастъ голова твоя, какъ рука, когда выброшу ее за загородку. На смерть!“

— На смерть, на смерть!—вскрикнулъ раздраженный Всеславъ:—и я посмотрю, что чернѣе: борода ли твоя, душа, или кровь, двигающая этотъ нахальный языкъ!

Сказалъ и прикрывъ голову свою щитомъ, устремился на Бешара; сей встрѣтилъ его съ равнымъ ожесточеніемъ, искры брызнули изъ ихъ оружій—и Бешаръ палъ; но такъ несчастливо, что запутался въ стремянахъ; испуганная лошадь понесла его кругомъ всей карусели, волоча висящимъ на боку своемъ. Всеславъ, не удовольствуясь пораженіемъ его, довершилъ оное крайнимъ позоромъ: догнавши бѣгущую лошадь, началъ онъ прихлестывать плетью, то ее, то сѣдока ея, который тщетно барахтаясь поправиться, скалилъ озлобясь зубы и жегъ проклятіями всю природу; а Всеславъ приговаривалъ: „ты уже оглодалъ всю славу, теперь тебѣ остался одинъ остовъ ея, грызи же съ досады воздухъ, дарю тебѣ жизнь, ибо желѣзо мое заржавѣетъ отъ твоей крови: не мечемъ, а плетью я сотру тебя съ сего мѣста, ты недостоинъ и того, чтобъ трупомъ твоимъ вымести его“ и продолжалъ свое поученіе до тѣхъ поръ, пока запуганная лошадь не выскак-

пула въ отворенную загородку и, бросясь въ сторону, не попала въ болото, гдѣ погрязнувъ, сбросила съ себя бремя въ тину онаго.

Не равнодушно смотрѣли земляки Бешара съ своимъ начальникомъ на такое посрамленіе его и не спокойно слышали громкіе крики смѣха Москвитянъ, раздающіеся вслѣдъ изгнаннику: „Клянусь Магометомъ, это противъ устава!“ завопилъ Абдрахманъ, и рванулся съ обнаженнымъ мечемъ мстить Всеславу, а за нимъ вся рать его, но Димитрій заслонилъ ему собой дорогу, сказавъ: — Я вѣдь давича снесъ противозаконный поступокъ его, теперь онъ достодолжно наказанъ.—Между тѣмъ въ продолженіе ихъ спора Татары бросились на мѣсто поединка, но стража уставила противъ нихъ копья свои и почти началась уже завязка драки, какъ ихъ повелители стали разнимать каждый свою сторону, Димитрій одной силой слова своего, а Абдрахманъ угрозами и побоями; и такъ свита его кинулась искать удовлетворенія въ болотѣ, откуда вытащили совсѣмъ преобразившагося Бешара.

ГЛАВА IV.

Охота въ Сокольникахъ. Условія охотниковъ.

За отчизну, за Царя,—
Хоть за дальнія моря!

Политическіе виды Димитрія простирались не къ тому, чтобъ обидѣть Абдрахмана, и чтобъ загладить случившееся предложилъ онъ ему заняться охотой, которую пріостановили поединки. Не хотя показать явно обиду и посрамленіе свое, онъ согласился и вся толпа двинулась къ Сокольникамъ.

Скоро лѣсъ огласился рогами. Круторогія лани и хищные волки не скрылись въ дебряхъ своихъ и, пронзенные стрѣлами, падали предъ искусными ловчими. Абдрахманъ показалъ свою храбрость пораженіемъ огромнаго медвѣдя, съ которымъ онъ вступилъ почти въ рукопашный бой; но зоркій глазъ Димитрія слѣдилъ высоковьющихся надъ нимъ птицъ и ему добывалъ ихъ соколъ, пущенный съ лѣваго плеча его. Всѣ тѣшились, какъ кто хотѣлъ, и любимое занятіе нашихъ предковъ доставило бы имъ много удовольствія, если бы

всѣ были въ согласіи; но свита Абдрахманова тянулась только за нимъ, а Дмитріева, бывъ отдѣлена, окружала только его.

Солнце опускалось уже златистымъ пламенемъ на западъ, дробя въ озерахъ разсыпчатые лучи свои, которые, вонзаясь въ нихъ, все болѣе и болѣе истаявали. Усталые и обремененные добычею охотники, подостлавъ подъ себя плащи, отдыхали на пространной лужайкѣ въ ожиданіи прочихъ, ибо это было сборное мѣсто. Всѣ были безмолвны въ отдохновеніи подобно молчаливому вечеру. Одинъ охотникъ, отдѣлясь отъ своихъ, взошелъ на пригорокъ и вперилъ взоръ въ отдаленіе.

—Что, братъ,—спросили нѣкоторые изъ толпы—далеко ли наши?

„Да не видать еще ихъ!“ сказалъ смотрѣвшій.

—Ну а Ордынцы гдѣ?—спросилъ одинъ изъ охотниковъ.

Другой охотн. Я видѣлъ ихъ въ лѣсу около Яузы, тутъ они брали отдыхъ.

Трет. охотн. Прямые волки, все къ лѣсу глядятъ. Экъ давича расхорохорились, видно по климату кровь то у нихъ горяча!

Четвер. охотн. Ну что за дѣло, пожалуй мы бы поохладили ее, выпустивъ...

Трет. охотн. А ужъ давно меня забираетъ охота окунуть руку свою въ ихъ толстое чрево. Вотъ житье-то имъ тамъ, приволье за нашей шеей, а они и въ усъ не дуютъ.

Перв. охотн. Да, откармливай ихъ какъ на

убой, послѣдними крохами, а все на свою гололову и то не довольны, давай еще имъ дани.

Четвер. охотн. И мнѣ что-то хочется помыть ихъ кровью мечъ свой, а то ужъ онъ заржавѣлъ, — охъ, пора бы!

Втор. охотн. Ахъ братцы, давно горитъ мое ретивое на этихъ поганцевъ, особливо когда раздумаешься. — Знаете ли, какъ бывало поразскажетъ покойный дѣдъ мой, что передала ему изустная молва о нашихъ предкахъ: въ старину Князья то наши сами ходили *по дань* и брали золотомъ, серебромъ и всякой мягкой рухлядью, инда подъ Царь-градъ подступали, а были-то еще невѣрны, и тутъ Господь миловалъ, а теперь видно прогнѣвался на насъ грѣшныхъ!

Пятый охотн. Вѣстимо прогнѣвался, а то гдѣ бы этимъ челядинцамъ, — некрестямъ, властвовать надъ православными!

Втор. охотн. А каково было раздолье во градѣ *Китавѣ* 16), при Русскомъ солнышкѣ Князѣ Владимірѣ? Изъ далекихъ земель ходили на поклонъ къ нему; бывало, говорятъ, сидитъ въ высокомъ теремѣ своемъ окруженный *Добрынею*, *Рогдаемъ* и другими богатырями, да опѣняетъ съ ними заздравные кубки сладкимъ медомъ, вспоминая о побѣдахъ своихъ, или, глядя изъ окна своей гридницы, довольствуется радостными пѣснями своихъ подданныхъ, прославляющихъ его имя громкое, любуется ихъ веселыми лицами, тучными пажитями и цвѣтущими полями. Минутами жали наши праотцы!

Пят. охотн. А нашъ добрый Князь рѣдко,

рѣдко просвѣтитъ лице свое улыбкою; видно, думу крѣпкую замышляетъ онъ!

Втор. охотн. А что, братцы, вѣдь я догадываюсь о чемъ онъ мѣкаетъ, (*оглядываясь на всѣ стороны*) вѣдь онъ думаетъ... чуръ никому не вымолвить заповѣданнаго, не испытавши прежде хорошенько.

Многіе охотники стѣснились около его. Ну, ну, о чемъ же?

Втор. охотн. Дайте же слово до времени быть молчаливѣе рыбы.

Всѣ охотники окружаютъ его. До времени никому, Богъ порукою, никому!

Втор. охотн. (*къ стоявшему на пригоркѣ*). А ты карауль, чтобъ не подкрался кто прислушать. *Обращается къ охотникамъ.* Кажется догадки мои справедливы,—Князь нашъ думаетъ—о насъ.

Охотники съ нетерпѣніемъ. Что жъ о насъ, что жъ такое?

Втор. охотн. Ужли вы не догадываетесь? (*Понизя голосъ*). Онъ думаетъ какъ бы ему стряхнуть съ себя и насъ владычество Моголовъ; онъ ищетъ способа и, можетъ быть, находитъ.

Перв. охотн. Взаправду, взаправду Князь нашъ силенъ духомъ и тѣломъ; кому же и выдумать какъ не ему такое важное и славное предпріятіе. О! найди его, пошли и намъ, Господи, милости Твоей. Слава тебѣ, землякъ, слава твоей прозорливости!

Охотники съ восторгомъ. Слава тебѣ, землякъ, слава твоей прозорливости!

Трет. охотн. Эки мы не догадливые! да это чтожъ за причина, что Князь таится отъ всѣхъ; какъ бы задумалъ о худомъ дѣлѣ?

Втор. охотн. Экой ты! Пусти птицу къ подъ небесью, а кто знаетъ, можетъ быть она попадетъ и въ лужу. Недавно я стоялъ на карауле близь Княжеской спальни; ужъ давно было за полночь, вокругъ меня храпѣли всѣ *Гридни* и у меня смыкались уже глаза, а у Князя былъ еще огонь; я подкрался къ двери, глядь въ скважину, а тамъ и сидитъ: братъ его Владиміръ Андреевичъ, Димитрій Константиновичъ Суздальскій съ братьями своими Борисомъ у Димитріемъ Ногтемъ и съ сыномъ Симеономъ, Боярин Окольничій Тимофей, Іоаннъ Ларіоновичъ *Квашня*, Стольникъ Левъ Морозовъ и многіе другіе. Въ углу подъ божницей сидѣлъ митрополитъ Алексѣй, держа въ рукахъ крестъ животворящій; всѣ по одиночкѣ подходили къ оному прикладываться и принимать отъ него благословеніе; послѣ Димитрій цѣловалъ каждаго въ лобъ и они со слезами стали прощаться, я отскочилъ, но они вышли какою-то потайною дверью и послѣ все опять утихло. Я догадался, что это была присяга, всѣхъ словъ хорошенько не могъ разслышать, кромѣ какъ каждый восклицалъ: *Я столько-то пѣшихъ и столько-то конныхъ.* Теперь всѣ Князья живутъ въ согласіи; на когожъ имъ идти войною, какъ не на общаго врага?—Да, еще я позабылъ сказать самое важное-то: подъ пятою Димитрія лежала какая-то грамота и когда послѣ бесѣды онъ поднялъ ее и повернулъ къ

дверямъ, я разглядѣлъ, что она была Ханская. Такъ вотъ видите, не всѣмъ закрыта душа его, авось дождемся и мы теперь скоро какъ воззоветъ онъ насъ такъ: вѣрные рабы мои! за родину и вѣру православную! кто за мной?

Охотники. Мы всѣ, всѣ за нимъ! (*Выхватываютъ мечи свои*).

Втор. охотн. За раззореніе нашихъ родимыхъ гнѣздъ, за разграбленіе храмовъ Господнихъ, за убіеніе отцовъ, за безчестіе женъ нашихъ, за притѣсненіе насъ, за рабство дѣтей нашихъ!

Охотники. Мы, мы мстители! (*Машутъ мечами*).

Втор. охотн. И да будетъ проклятъ нами, и нашими потомками, отринутъ небомъ, не принятъ землею тотъ, кто не будетъ дѣлиться жизнію и кровію съ нами!

Охотники. Проклятъ! проклятъ!

Втор. охотн. Да поможетъ намъ Богъ! Слушайте жъ, братцы: мы привыкли клонить выю предъ чужими, почему же не повиноваться своему, понимаете-ли вы меня? Это значитъ: изберемъ теперь же кого нибудь изъ среды нашей, разумнаго и храбраго, воеводою, чтобъ быть готовымъ на всякой случай; черезъ это мы отвѣтимъ Княжеской заботливости о насъ, какъ нельзя лучше.

Охотники. Тебя, тебя, ты красно говоришь и сильно...

Втор. охотн. Нѣтъ, мнѣ не снесть этого, есть по достойнѣе меня, я буду его соподручникомъ. Гдѣ Всеславъ?

Одинъ изъ охотн. Вонъ онъ, бѣдняжка, от-

дыхаетъ; давича я засталъ его на *голубой долинѣ* подъ черемухой, что близь Сокольничьей усадьбы; онъ такъ задумчиво и пристально смотрѣлъ въ даль, какъ будто ожидалъ кого-то оттуда и встрепенулся отъ моего прихода какъ тать ночной; я уговорилъ его порыскать по лѣсу, но онъ и такъ измучился давишнимъ поединкомъ и теперь отдыхаетъ, не замайте его.

Втор. охотн. Почтимъ его отдыхъ, онъ выкупилъ намъ славу побѣдою своею. Вотъ намъ воевода! Всѣ ли согласны?

Охотники. Всѣ, всѣ, онъ славный молодецъ; взглянетъ-ли, скажетъ-ли, такъ сердце и льнетъ къ нему.

Подкинувъ подъ голову щитъ, лежалъ Всеславъ безмолвно, но не спалъ; мечты его витали надъ *голубой долиной* (прозванной такъ по множеству незабудокъ, цвѣтшихъ на ней), гдѣ видѣлъ онъ мелькъ вчерашней бѣглянки. Слушая слова и клики товарищей своихъ, онъ такъ растрогался, что не могъ выговорить ни слова отъ слезъ, и когда услышалъ выборъ ихъ, падающій на него, вскочилъ, явился предъ ними—и восклицанія радости посыпались ему навстрѣчу. Никакъ не могъ онъ отговориться отъ сего и принялъ *цѣлованіе* отъ каждаго въ знакъ вѣрности и повиновенія.

„Вонъ и наши показываются!“ закричалъ смотрѣвшій съ пригорка.

— Тсъ!—раздалось всюду и опять условились до времени держать тайну на душѣ и никому не ввѣрять ее, не испытавши прежде хорошень-

ко, а сходбища свои назначили въ Сокольникахъ *у семи дубовъ* при каждомъ полнолуніи.

Отблески закатывающагося солнца, скользя по свѣтлому вооруженію Княжеской дружины, обозначали шествіе ея. Тотчасъ всѣ соединились. „Гдѣ же Абдрахманъ?“ спросилъ прибывшій Князь.—Угомонивъ медвѣдя,—отвѣчалъ ему Тимофей—онъ растянулся, подобно ему, у *чернаго Озера*.—„А гдѣ жъ тотъ храбрый юноша, который побѣдилъ надменнаго Бешара?“ спросилъ опять Димитрій и Всеславъ, потупя взоръ, выступилъ.—„Отъ лица всѣхъ подданныхъ моихъ благодарю тебя, молодой воинъ“ сказалъ Князь Всеславу, скинувъ съ себя золотую цѣпь и подавая ему. Преклоня колѣна принялъ ее Всеславъ и поцѣловалъ почтительно руку подателя.—„Скажи также мое благоволеніе отцу твоему Михаилу“ прибавилъ Князь обнявъ его, и восхищенный Всеславъ оперенной стрѣлой пустился въ Москву обнять, успокоить и обрадовать родителя своего.

Между тѣмъ показался и Абдрахманъ. Лѣниво тянулся онъ со свитой своей, какъ на погребальномъ шествіи; на лицѣ его отпечатывались слѣды глубокихъ размышленій и взоръ, выкатясь порой, вспыхивалъ какъ вечерняя зарница. Соединясь всѣ вмѣстѣ и неохотно вынудивъ себя къ разговорамъ, Димитрій съ Абдрахманомъ ѣхали до самаго Кремля, гдѣ разставаясь, каждый замѣтилъ, что ни имъ самимъ, ни Москвитянамъ съ Татарами долго не ужиться въ мірѣ, хотя они изъявляютъ другъ другу наружные знаки согласія.

ГЛАВА V.

Первое свиданіе. Отъѣздъ. Троицынъ день. Дѣвичьи игры. Дождикъ. Пріютъ любовниковъ.

Что, красотка молодая,
Что ты, свѣтикъ, плачешь?
Что головушку, вздыхая,
Къ бѣлой ручкѣ клонишь?

Прекрасное утро предвѣщало прекрасный день, выводя за собою пламенное солнце; въ пятнадцатый разъ освѣщало оно голубую долину съ тѣхъ поръ, какъ Марія въ это время увидѣла отдыхающаго Всеслава. Покинувъ ложе свое пошла она къ грановому ручейку освѣжить лицо и послѣ побродить по темному бору, послушать щебетанія птичекъ и нарвать незабудокъ. Надежда нашла ее сидящею задумчиво на холмѣ; какъ лилія поникла головою на грудь, внимая ропоту ручья, крадущагося мимо ногъ ея.

„Не стыдно ли тебѣ, милая сестра, темными очами смотрѣть на свѣтлый міръ Божій?“ сказала пришедшая Надежда обнявъ ее.

— Моя задумчивость,—отвѣчала Марія,—есть слѣдствіе сердечнаго умиленія. Посмотри, моя

милая, на пташекъ поднебесныхъ: какъ онѣ счастливы, всѣ попарно витаютъ надъ нами.

— „Попарно? А мы-то съ тобой развѣ разною жизнію дышемъ?“ спросила ее Надежда. „Не вмѣстѣ ли и мы съ тобой встрѣчаемъ и проводимъ дни, не вмѣстѣ ли?..“

— Вмѣстѣ,—отвѣчала Марія,—вмѣстѣ мы съ тобой сиротки.

„Я не понимаю тебя, Марія; съ тѣхъ поръ какъ ты мнѣ сказывала о какомъ то видѣніи, точно не на яву живешь ты, полно же задумываться, ну о чемъ, будь по прежнему рѣзва какъ ласточка; право я не узнаю, или не понимаю тебя,“ говорила удивленная Надежда,

—Если это сонъ, то не пробуждай меня отъ него, онъ милъ мнѣ; впрочемъ я и сама себя не понимаю,—сказала разсѣянно Марія.

„Посмотри“ продолжала Надежда: „какъ улыбчивъ нонче день, скоро и Троицынъ праздникъ. Какъ весело мы будемъ тогда плести вѣнки и кумиться *), они у насъ будутъ одинакого цвѣта, не правда ли? Я совью себѣ изъ васильковъ, а ты изъ незабудокъ; пойдемъ же, пора собираться къ обѣднѣ!

Давно уже Ольга, мать Маріи, дожидалась ихъ поправляя зажженную лампаду предъ праздничнымъ образомъ. „Одѣвайтесь, дѣти,“ сказала она увидя ихъ, „скоро заблаговѣстятъ, а дорога не близка!“ Дѣвушки перевили свои распущенныя

*) Кумиться, зн. цѣловаться черезъ вѣнокъ.

косы широкими лентами, талію обтянули узенькою кофточкою, а на грудь повѣсили ожерелье изъ стекляруса; тонкіе лѣтники, унизанные блестящими пуговками, и красненькіе черевички съ серебряными прошивками на ногахъ составляли ихъ праздничный нарядъ. Въ руки взяли онѣ по букету цвѣтовъ, на голову вскинули широкія покрывала. Старушка разрядилась въ праздничную фату, сверху накинувъ на себя тѣлогрѣйку, и такимъ образомъ отправились онѣ въ церковь Преображенія 17), лежавшую отъ нихъ на порядочномъ разстояніи. Марія стала повеселѣе: рѣзвясь съ сестрою опереживали онѣ старушку, несшую на плечахъ своихъ нѣсколько десятковъ лѣтъ поболѣ ихъ. Такимъ образомъ достигли онѣ села и церкви деревянной и не высокой, укромно стоявшей на отлогомъ мѣстѣ подъ лиственными щитами двухъ исполинскихъ елей. Вокругъ ея тянулась ограда, въ центрѣ коей мелькали кресты, обозначавшіе кладбище. Народъ уже сбирался, Марія сомкнула сгибы своего покрывала и стала въ уголкѣ церкви съ матерью своею и сестрою. Началась обѣдня; она молилась съ жаромъ, ни одна мечта не набѣгала на ея воображеніе, вдругъ головы стоявшихъ подлѣ нея обратились назадъ; слѣдуя движенію прочихъ и она невольно оборнулась, откинувъ нѣсколько покрывало отъ глазъ, чтобъ лучше разсмотрѣть то, за чѣмъ оборнулись многіе. Прекрасный юноша въ блестящей одеждѣ, съ ярмой золотою цѣпью на шеѣ, съ букетомъ благовонныхъ цвѣтовъ на груди, вошелъ и сталъ недалеко отъ клироса, недалеко и отъ

Маріи. Сдѣлавъ три низкіе поклона, онъ бросилъ мимолетно взоръ свой въ сторону, на него обернулись всѣ, но онъ встрѣтилъ только взглядъ Маріи. Нужно ли описывать первую встрѣчу взоровъ, ищущихъ другъ друга отъ ранней колыбели, обреченныхъ судьбою быть свѣтильниками другъ другу до поздней могилы!

Есть взгляды рѣшающіе судьбу на цѣлую жизнь: это двѣ, въ одно время воспламенившіяся искры, исторженныя изъ двухъ сердецъ, падающія каждая не въ свое; тогда происходитъ обмѣнъ и рождается таинственное сочувствіе. Это онъ! шепнула Марія въ душѣ своей. Это она! подумалъ Всеславъ, ибо это былъ онъ. Они узнали другъ друга, они уже давно знакомы—симпатіею.

Голубая долина представилась ихъ воображенію и память прочла имъ тотъ день, тотъ часъ мимолетнаго свиданія, когда каждый изъ нихъ видѣлъ только почти одну тѣнь предмета ежеминутной думы своей. Долго бы продолжалось ихъ пенаглядное созерцаніе другъ друга, но Ольга тихонько толкнула дочь свою, напоминая ей, что она стоитъ истуканно и не перекрестится. Опомнясь какъ отъ дивнаго сна, собралась она съ собою, отвела взоры свои и потупилась перебирая пальчиками концы распахнутаго покрывала. Всеславъ также опомнился, но это для того, чтобъ потеряться навсегда, чтобъ проститься съ былою жизнію и встрѣтить новую. Обѣдня кончилась, а влюбленные стояли еще погруженные въ сладкую самозабывчивость, порой робко пос-

матривая другъ на друга. Сколько юношей впивали взоры въ прелестное Маріино лицо, обвитое то алымъ румянцемъ, то блѣдною лилією, это была сіяющая призма, это споръ измѣнчивыхъ цвѣтовъ, трудно отдать первенство какому-либо изъ нихъ, блескъ ихъ утомителенъ, но всѣ они прекрасны! Сколько дѣвушекъ выглядывало на Всеслава изъ подлобья, но они были единственны другъ для друга—всѣ прочіе для нихъ—ничто. Ольга опять толкнула Марію. „Пора“! сказала она. Нехотя повиновалась ей кроткая Марія, вскинула еще взоръ такой горестный, прощальный на Всеслава и пошла—оставляя ему себя. Онъ все смотрѣлъ ей въ слѣдъ и когда она скрылась, онъ пробудился и бросился за нею. Онѣ уже удалялись, онъ замѣтилъ какъ Марія обернулась, встрѣчный вѣтерокъ встрепенулъ ея покрываломъ, вскинувъ его назадъ; онъ отвязалъ свою лошадь, бросился на нее и мигомъ достигъ ихъ. Въ тогдашнее время укрывали женщинъ отъ мущинъ, особливо отъ незнакомыхъ. Татары властвовали и обычаями нашими, научивъ стѣснять женскую свободу; и потому Всеславу непристойно было ѣхать съ ними вмѣстѣ; поровнявшись, скинулъ онъ онъ свою шапку и поклонился имъ низко, взглянувъ на Марію такъ ласково, умильно, и быстро понесся окольными путями въ Москву, какъ бы желая вытряхнуть изъ своего воображенія все видѣнное имъ.

Ольга, отвѣчая на поклонъ Всеслава, сказала: „Какой вѣжливый этотъ молодецъ, только что не богомоленъ, а жаль, лицо у него такое доброе“.

— Какъ онъ хорошъ и наряденъ!—произнесла Надежда. — Какъ онъ милъ! подумала Марія, смотря ему въ слѣдъ, но этого она не сказала, любовь робка; да что нужды, достоинства его она знала болѣе всѣхъ. Она хотѣла казаться веселою, но напрасно, не обманывай себя, милая дѣвушка, гдѣ онъ, тихій сонъ яснаго дѣтства твоего, гдѣ твое спокойствіе?..

Что-то на сердцѣ лежитъ
Что-то душу тяготитъ!

„Нонче ужъ четвергъ, Машенька,“ весело сказала Надежда чрезъ несколько дней послѣ того Маріи, нашедъ ее въ задумчивости. „Скоро Троицынъ день, будь повеселѣе!..

— Еще четвергъ — отвѣчала Марія вздохнувши, — однако скоро праздникъ, авось я увижу его!

„Богъ съ тобой! что ты?“ сказала Надежда испугавшись, не зная кого она имѣла въ намѣреніи увидать. „Ужь-ли ты не надѣешся дожить до него?“ Обѣ замолчали: Надежда напѣвала какую-то пѣсенку, а Марія облокотясь на руку задумалась; наконецъ, подошедъ къ сестрѣ своей и перебирая ея волосами сказала:

— Милая Надежда, какъ назвать это чувство... что вотъ такъ шевелитъ сердце; такъ, двигаетъ душу... такъ нудитъ взглянуть... быть вмѣстѣ— поближе?

„Да къ чему, къ кому это, мой другъ?“ спросила ее Надежда.

— Къ мущинѣ, — отвѣчала Марія, запинаясь и скрывая лицо свое на груди сестры,

„Къ мущинѣ!“ вскрикнула Надежда. „Ахъ! это страшно, что ты, что ты! Говорятъ, ихъ должно бѣгать какъ хищныхъ звѣрей; говорятъ, взоры ихъ, какъ у змѣя василиска, тянутъ невольно къ себѣ на добычу, голосъ ихъ, какъ карканье надгробнаго ворона, непремѣнно накличетъ бѣду, — говорятъ...“

— Полно, полно, не души меня этими предвѣщаніями! — прервала ее Марія. — Все это только говорятъ, почему же матушка сказывала намъ, что она была такъ счастлива съ батюшкой, что онъ такъ нѣжно любилъ ее. Ахъ! еслибъ ты высмотрѣла тотъ взоръ, какимъ онъ взглянулъ на меня — вотъ какъ будто пролилъ имъ что-то въ грудь мою, хорошенько я не умѣю высказать всего; но какъ сравить съ тѣмъ ужаснымъ, что помнишь тебѣ сказывала недѣли за двѣ тому назадъ, какъ прибѣжала домой блѣднѣе осенняго облака, гонимаго вѣтромъ — тамъ, недалеко отъ чернаго озера, — страшный татаринъ вонзилъ въ меня свой взоръ, такой свирѣпый, насилу я скрылась, однако и теперь страшно подумать. — Вотъ, милая Надежда, какая разница между всѣмъ! Взгляни теперь на весенее небо, какою теплотою нѣжитъ оно землю, а пасмурное зимнее какъ прикосновеніе устъ мертвеца, обдаетъ холоднымъ содроганіемъ. — Марія замолчала; Надежда, покачавъ головою, также ни произнесла ни слова, послѣ, посмотрѣвъ другъ на друга, безмолвно сковались онѣ объятіями — и Маріи стало легче;

она сдвинула тяжесть съ груди своей, передавъ сестрѣ задушевную тайну и вспрыснула слезами отдохнувшее сердце свое.

„Здравствуйте, дѣти!“ сказалъ весело вошедшій Михаилъ, переобнявши дѣтей своихъ. „Я сей часъ лишь изъ Дворца. Князь не наказомъ, но просьбою назначилъ меня Посадникомъ 18) въ *Стародубъ*. Ему хочется окружныя мѣста Москвы оградить укрѣпленіями, а особливо придорожныя къ Золотой Ордѣ,“ произнесъ онъ значительно: „и потому просилъ меня позаботиться о семъ; подлѣ города пожаловалъ онъ мнѣ большую усадьбу и повелѣлъ нынѣ же туда ѣхать. Сбирайся, Анна, и ты, Ѳедоръ, со мной, а ты, Всеславъ, останешься здѣсь съ слугою Аѳанасьемъ; люби его, какъ онъ тебя любитъ, мы будемъ видѣться не рѣдко, ибо я стану сюда ѣздить съ отчетами къ Князю. Блюди себя при немъ и заглазно, а онъ уже отличаетъ тебя, ты славно началъ свое поприще, но помни: всякое дѣло вѣнчается концемъ.“

Разлука съ близкими сердцу, хотя и не продолжительная, все горестна. Недавно соединился Всеславъ съ отцомъ своимъ и уже долженъ разстаться. Со слезами переобнялись всѣ разстающіеся и въ тотъ же день къ вечеру Всеславъ остался одинъ съ тоскующимъ сердцемъ. „Судьба, судьба!“ говорилъ онъ самъ съ собою: „ты даришь меня все обновками, но не радостными.

Давно ли тиранство моихъ родственниковъ такъ тяжко налегало на мое сердцѣ, послѣ улыбка счастія стерла гнетъ его, ярко блеснула она мнѣ и скользнувши мимо—скрылась опять въ туманъ неизвѣстности,—какъ падучая звѣзда въ воздухѣ! Сердцу хочется воли, воли располагать собою, но ея-то мнѣ и нѣтъ. Такъ вотъ то чувство—то, которое называютъ любовью? Это оно закралось въ душу мою и настроиваетъ ее попеременно, то радостью, то горестью. то надеждою, то отчаяніемъ. Прекрасная змія сосетъ грудь мою больно и сладостно. Отецъ мой все твердитъ мнѣ о повышеніяхъ, о блестящей будущности. а я трепещу при мысли, что онъ не согласится на мое счастіе, на соединеніе съ нею. Кому уподобить тебя, сестра Ангеловъ? Какъ увлекательна сила взоровъ твоихъ, какъ отрадно мнѣ присутствіе твое!“ Такъ мечталъ Всетлавъ задумавшись, а еще болѣе, еще грустнѣе—кинувшись на одинокую постель свою.

Любовь молчитъ—но нѣжный взоръ
Не говоритъ ли и въ молчаньи?
Вздохнетъ—вотъ сердца разговоръ!..

Вотъ наступилъ и Троицынъ день, день обѣщавшій ему свиданіе съ Маріею; ибо онъ вѣрно думалъ, что опять она придетъ въ ту же церковь помолиться празднику и она про него тоже. Радостно, какъ птичка весну, встрѣтили юные любовники торжественный день сей. Какъ великолѣпно выступило солнце на небосклонъ, разсыпавъ золотистыя кудри свои на пробужденную

землю! Вездѣ виднѣлись веселыя лица съ буке-
тами узорчатыхъ цвѣтовъ, повсюду раздавался
гудящій звукъ колоколовъ. Насилу дождался Все
славъ этого времени. Опередивъ просыпающійся
день, сидѣлъ онъ у окна, подстерегая восход
солнца. Когда же собравшись совсѣмъ хотѣл
отправиться, Афанасій, старый слуга его, вошел
къ нему.

„Боярин!“ спросилъ онъ Всеслава: „вы ѣдет
въ Успенскій Соборъ?“

— Да, можетъ быть, и нѣтъ,—отвѣчалъ Все
славъ.

„Поѣзжате туда, тамъ будетъ нонче весь Двор
и всѣ Московскія красавицы,“ произнесъ съ ус
мѣшкой Афанасій.

— А мнѣ-то что за дѣло, — сказалъ равно
душно Всеславъ.

„Еслибъ вы взглянули хоть разъ на лѣпоо
разную Елену Тимофеевну, дочь Боярина Тимо
фея Васильевича, то не сказали бы: что мнѣ з
дѣло?“

— А ты гдѣ видѣлъ ее?—спросилъ Всеслав

„Я видѣлъ ее два раза, въ первый, какъ на
медни велъ коня во Дворецъ вашему батюшк
мимо боярскихъ хоромъ, она стояла на крыль
и кормила голубей изъ своихъ ручекъ пшеницей
а во второй, какъ ходилъ въ самый домъ к
нимъ съ какою-то грамотою отъ моего Боярина
а вашего батюшки; меня допустили тогда въ с
мую опочивальню Тимофея Васильевича, вотъ
и вижу: она сидитъ у него на колѣнихъ, да п
ребираетъ свои наряды, а онъ ее украшаетъ им

одна цѣпь чего стоитъ, какою онъ обвѣсилъ ее, вотъ словно жаръ горитъ, а кольца-то на всѣхъ суставчикахъ обѣихъ рукъ такъ и полосятся, какъ—чему бы уподобить-то?.."

— Какъ обручи на бочкахъ, хотѣлъ сказать ты, мой добрый Афанасій!—перервалъ его, смѣясь Всеславъ.

„Нѣтъ, ужь и разсказать не умѣю,—такъ все на ней вычурно да хитро! А сама-то полная, какъ молодой мѣсяцъ, щечки-то у ней, словно двѣ половинки наливчатаго яблочка, а ротикъ алый, какъ спѣлая малина," продолжалъ Афанасій живописать Всеславу изображеніе Елены.

— Полно, полно, можетъ быть, глаза твои заблудились, или такъ обморочены старостію, что видятъ все на изнанку вмѣсто лица. Прощай, мнѣ нѣкогда, я спѣшу, я хочу, видѣть—не ее—сказалъ Всеславъ и вышелъ поспѣшно, оставя краснорѣчиваго старика своего съ распахнутыми руками въ разсужденіяхъ и съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія.

Не трудно угадать, что Всеславъ поѣхалъ въ ту же церковь, гдѣ видѣлъ Марію. Какое чувство облило грудь его, когда онъ завидѣлъ издали колокольный крестъ, мелькавшій ему такъ привѣтно изъ за лѣса. Стремительно вошелъ онъ въ церковь, но она еще была пуста, мѣсто Маріино также; съ благоговѣніемъ онъ сталъ на него. Скоро раздался и тутъ благовѣстъ обѣдень, Всеславъ вздрогнулъ, двери отворяются, онъ вковываетъ въ нихъ взоры свои, но это не она, вотъ входитъ еще, еще, все не она; церковь сдѣлалась

тѣсна, но сердце его пусто.—Куда не взглянетъ, вездѣ встрѣчаетъ веселыя лица. Богомольцы толпами подходятъ прикладываться къ образамъ, ставятъ свѣчи празднику, глядитъ и предъ тѣмъ образомъ, предъ которымъ онъ стоялъ, затеплился также цѣлый пукъ свѣчь; онъ собрался съ собою и началъ усердно молиться.

Немного погодя взоръ его опять невольно сталъ обводить всѣхъ, искавши одну, перепрыгивалъ чрезъ головы, скользилъ по лицамъ и — вотъ она! Лицо ея было замкнуто сгибами покрывала, но звѣзды глазъ мелькали сквозь его, какъ лучи солнца сквозь тонкое облако; вотъ и мать ея, вотъ и сестра; но кто этотъ молодой мущина подлѣ нея, который такъ упрямо поводитъ глазами? Черты лица его миловидны; онѣ знакомы Всеславу, подобно Маріинымъ, это вѣрно братъ ея; но взоръ его разительно не схожъ съ ея взоромъ, онъ подернутъ какою то мрачностію и все лице его занавѣшено задумчивостію пасмурною, ихъ обоихъ можно уподобить одинаковой формѣ корзинамъ, сплетеннымъ изъ цвѣтовъ, изъ коихъ одна покрыта печальными вѣтвями кипариса.

Взоръ Маріи пробился сквозь густое полотно и разсыпался на Всеславѣ. Глядя другъ на друга они забыли весь міръ, всѣхъ людей; чувства нѣжности, умиленныя благоговѣніемъ, переполняли ихъ души. Чистая молитва—это прямой проводникъ къ небу, это священныя нити, соединяющія небесное съ земнымъ. Такъ нечувствительно кончилась обѣдня. Прикладываясь къ образамъ

Марія не обошла и того, предъ которымъ стоялъ Всеславъ; какъ-то случилось, что и ему вздумалось въ это же время приложиться къ нему — и щеки ихъ коснулись... Кто ощущалъ самъ электрическую искру любви, тотъ поймётъ, какое дѣйствіе произведетъ первое соприкосновеніе любовниковъ, какое новое чувство привьютъ они другъ къ другу, сольнувшись устами!

Александръ, братъ Маріи, подозрительно посмотрѣлъ на Всеслава; но сей не замѣтилъ ничего, упитанный очарованіемъ; безмолвно слѣдилъ онъ Марію до паперти, и въ то время, когда долженъ былъ отойти отъ нея, чтобъ отвязать коня своего, она довольно вслухъ сговаривалась съ подругами сбираться послѣ полдней на голубой долинѣ плести вѣнки и Всеславъ далъ ей обѣтъ взоромъ въ это время быть тамъ же. Вотъ онъ опять, давъ имъ отойти, поѣхалъ за ними — вдругъ усматриваетъ, что-то выпало изъ опущенной руки Маріи, понуждаетъ коня своего и видитъ незабудку, лежащую на дорогѣ. „Теперь ты не будешь сироткою“ сказалъ онъ поднявъ ее и проѣзжая мимо Маріи поднесъ ее къ губамъ своимъ такъ, что она замѣтила.

Напалуйся, насмотрись
На милаго друга!
Какъ узнать, — что завтра намъ
Будетъ то же счастье!

Настала — и прошелъ полдень. — Жаръ былъ несносный, солнце лило распаленные лучи свои на поверхность земли такъ сильно, что Всеславъ

противъ воли выждалъ, когда зной утомитс
обдавать своимъ пламенемъ природу. Вотъ на
чалъ спускаться и освѣжительный вечеръ, он
былъ уже на дорогѣ, вездѣ ему встрѣчалась раз
гульная молодежь, всѣ спѣшили скорѣй пре
даться разнообразной веселости и голубая до
лина давно ужъ была застлана группами разря
женныхъ дѣвушекъ, нѣкоторыя изъ нихъ, сид
въ кружкѣ, пѣли пѣсни, а нѣкоторыя плели вѣн
ки изъ цвѣтовъ и просовывая въ него свое лиц
накликали пѣснями *покумиться* съ собой, т
есть поцѣловаться чрезъ него. Подъ кудрявою
березкою, обвѣшанною лентами и перевитой гир
ляндами изъ цвѣтовъ, сидѣла красавица празд
ника, всѣ мимоходящія подходили къ ней поодн
ночкѣ, кланялись ей, цѣловали и клали въ ко
лѣни по цвѣтку, короновали ее вѣнкомъ изъ роз
и лилій и разубравъ всю цвѣтами, поднимали с
мѣста и водили, неся надъ ней разукрашенну
березку съ пѣснями и подъ звономъ игорнаг
колокольчика.

Мущина не могъ присутствовать въ дѣвичьих
играхъ и сборищахъ, и потому Всеславъ издали
подъ наклономъ душистой липы, любовался доли
красавицей праздника, своею Маріею; все лико
вало съ играющими, природа была какъ бы н
заговорѣ съ ними, блистая лучезарно; только ли
бовники были молчаливы какъ думы печали
между радостями бытія. Вдругъ встрепенулся вѣ
теръ и по его зову, какъ по манію волшебника
тучи скликнулись минутно въ одну кучу, скита
вшись прежде вдалекѣ, прыскулъ дождикъ и гл

хо раскатился громъ. „Ливень! 19) ливень!“ вскрикнули дѣвушки, покинули игры свои, разсыпались туда, кто гдѣ успѣлъ сыскать лиственные щиты для прикрытія своего. Марія испугалась, оглянулась, никого ужь нѣтъ около ея. „Такова то дружба людей лишь до чернаго дня“, подумала она и трепещущими руками совлекла съ себя украшеніе и бросилась искать пристани, сама не зная куда. Гармонія любви производитъ созвучность желаній, намѣреній, однимъ словомъ, всего. Измокшая отъ дождя, умученная бѣгомъ, насилу могла Марія доплестись до той липы, гдѣ стоялъ Всеславъ, порывавшійся бѣжать къ ней на помощь, не разглядывая ничего она кинулась почти въ его объятія, испугавшись еще болѣе нечаянному обвитію рукъ своихъ около мущины, чувствуя его заботливое дыханіе, согрѣвающее ее, она вскрикнула.

Нечаянная радость, стыдливость, робость, все это такъ смѣшало ее, что она, хотѣвши вырваться изъ объятій Всеслава, замерла въ нихъ.

— Ты ли это, милое созданіе прекрасной природы? — вскричалъ Всеславъ, упоенный восторгомъ.—Громъ и бури даютъ мнѣ тебя!

— Ахъ это ты тотъ незнакомецъ, знакомый мнѣ давно! — произнесла трепетно Марія выпутываясь изъ рукъ его.

„Милая дѣвица, тебя люди называютъ Маріею, что слышалъ я находившись здѣсь,“ прервалъ ее восхищенный Всеславъ: „но я не выкину изъ души моей такого наименованія, которое было бы тебя достойно. Мнѣ кажется, что Творецъ

точно создалъ тебя для прославленія могущества Своего, для дней торжества и славы!

— Какъ памятенъ ты мнѣ! — отвѣчала заминаясь Марія.— Отъ чего это въ первый еще разъ я узнала тебя, никогда не видавши?...

„Стало быть чувства наши согласны. Ангелъ, ангелъ, гдѣ-жъ небо твое?—Мое вотъ здѣсь, на груди твоей!“ вскричалъ Всеславъ, опустивъ голову свою къ ней на плечо.

— Въ минуты молчанія всей природы я говорила съ тобой, я слышала твой голосъ во всемъ, я видѣла тебя вездѣ, ненаглядный мой, — такъ говорила невинная дѣвушка, играя его кудрями. Онъ стиснулъ ее еще крѣпче въ своихъ объятіяхъ, она также довѣрчиво опустилась на грудь его и на нѣсколько времени, отдавшись чувствамъ упоенія, погрузились они въ молчаніе выразительное, ничѣмъ не выразимое.

„Ау!“ раздалось пронзительно въ глубинѣ лѣса. „Ау! ау!“ послышались отклики во многихъ мѣстахъ.—„Ахъ! это наши!“ вскрикнула Марія, вздохнувши какъ пробужденная.

— Минутный сонъ счастія, зачѣмъ ты не вѣковой! —сказалъ вздохнувши Всеславъ. Слышанные голоса вынудили ихъ приготовиться къ разставанью. Они не чувствовали, что сильный дождь пробился сквозь ихъ платье, сколь долго обливалъ онъ землю раскаленную зноемъ, взглянули—и сквозь сѣтчатые вѣтви деревьевъ, небо, какъ голубой яхонтъ улыбнулось имъ. Природа какъ будто стряхнувши съ себя что-то, освѣжилась, капельки дождя сверкали на листахъ и

цвѣткахъ какъ жемчужинки, какъ слезы радости на пушистыхъ рѣснидахъ. Опять солнце разсыпалось въ огнистыхъ лучахъ, но уже прощально истаевая на западѣ. Тихо спускался молчаливый вечеръ, только комары и мухи пронзали воздухъ однообразнымъ жужжаніемъ своимъ.

„Плѣнитель бытія моего, какъ ты обворожительна!“ сказалъ Всеславъ разставаясь съ Маріею.

— Какъ хорошо мнѣ было здѣсь, въ твоихъ объятіяхъ!—произнесла тихо Марія, потупя глаза свои и спѣша боязливо уйти отъ него.

„Волшебница, какъ сильно двигаешь ты душу мою!“ продолжалъ Всеславъ не выпуская руки ея.

— Постой, пора мнѣ,—отвѣчала Марія.—Что скажетъ матушка, тщетно отыскивая меня вездѣ? Что подумаютъ подруги мои, заставъ меня съ тобою? Говорятъ, не пристойно дѣвушкѣ быть такъ близко съ мущиною... а я... о какъ я виновна!

„И ты уже раскаеваешься, милая Марія? Не всему вѣрь, видитъ Богъ, люди злы! Такъ наслышанъ я, а самъ боюсь ироникать ихъ двуличіе.“

Тутъ они наскоро разсказали другъ другу мѣста своего жительства, своихъ родителей, заповѣдали другъ другу сохранять въ тайнѣ это свиданіе, любовь свою, условились въ какое время видѣться и разстались, упитанные новыми чувствами. Всеславъ побрелъ домой, пробираясь въ чащу лѣса, чтобъ не попасться кому, а Марія, выбравшись на долину, увидѣла, что подруги ея всѣ уже собрались, узнала, что сестра ее ищетъ

и старушка мать; каждая изъ нихъ разсказыва
ла, гдѣ укрывалась отъ дождя и Марія сказал
что-то, получивши легкій упрекъ отъ матери з
продолжительную отлучку. Такимъ образомъ дѣ
вушки заключили этотъ день рѣзвыми горѣлками
направляя бѣганье къ усадьбѣ домовъ своихъ
гдѣ распрощавшись и разбрелись каждая въ свой
домъ.

ГЛАВА VI.

Ночь въ Сокольникахъ, толки и разсказы Татаръ.

Боръ черный побѣдѣлъ—и плавала луна.

„Кто идетъ?“ — *Ногаши!* *) — слышались нѣсколько разъ спросы и отклики около чернаго озера. Густая тьма ночи налегала на землю, холодная луна, прорвавшись сквозь дымчатое облако, выступила и покатилась по обширнымъ долинамъ небосклона, свѣтъ ея отводилъ длинныя, черныя тѣни отъ рогатыхъ сосенъ, посреди коихъ столпъ наскоро поставленный шалашъ изъ воткнутыхъ крестъ на крестъ копій, обвѣшанныхъ плащами и кожами. Татаринъ—часовой дозорилъ около его, курлыча отечественную пѣсню и порой окликая товарищей своихъ, которые, собираясь туда въ условленное время порознь, мелькали при блескѣ луны бѣдные, какъ привидѣнія. Это были избранные новѣренные Абдрахмана, дожидавшіеся его.

*) По татарски значитъ: *земляне.*

Всѣ молчали—гармонируя безмолвію природы, ни одинъ листикъ не колыхнулся, даже озеро, прозванное чернымъ, по угрюмости своего мѣстоположенія отъ нависшихъ надъ нимъ тѣней сосенъ и плакущихъ березъ, не колыхнуло ни одной волны на поверхности своей, какъ бы приросло къ землѣ.

„Да кой чортъ!“ сказалъ одинъ изъ Татаръ, переставши дремать на подпирающемъ его копьѣ и соскучившись долгимъ ожиданіемъ и однообразною тишиною, „или день потерялъ свое начало, или ночь конецъ, тянется какъ година“.

— Да и нашъ Князь Абдрахманъ тянется какъ скотина на пуховикѣ своемъ,—промолвилъ другой,—а насъ здѣсь заставляетъ спать наизусть.

„А что, братцы“ сказалъ третій: „житье-то намъ становится тугонько“.

— А развѣ прежде-то было пошире сего?— спросилъ одинъ изъ нихъ всѣхъ помоложе.

„Да, съ тебя только что сняли пеленки, да надѣвъ вериги вооруженія и послали сюда“ сказалъ третій; „гдѣ жъ тебѣ знать, что было и что есть!“

— Да, Одинъ,—началъ говорить первый:— прежде-то раздолье гудевое было нашимъ душенькамъ; на что я старикъ, у меня бы давно пора зачерствѣть ей отъ старости, да житье-то привольное вспрыскиваетъ ее славно живой водою. Я былъ здѣсь еще съ прежнимъ Баскакомъ; когда же Ханъ, вызвавъ его къ себѣ и за что-то накинувъ на него пеньковое ожерелье, велѣлъ, вопреки нашимъ обычаямъ, прицѣпить къ висѣ-

лицѣ, отъ чего у него съ этихъ качель и жизнь выпрыгнула изъ тѣла, то и я, бывъ съ нимъ также въ это время и видѣвъ, какъ его передергивало, струсилъ, съ тѣхъ поръ старымъ костямъ моимъ и стало холодно грѣться родимымъ солнышкомъ, женъ моихъ почти не стало, потому что одна умерла, другая, въ бытность мою здѣсь, бѣжала оттуда съ какимъ-то забѣглымъ Гречиномъ, а третья осталась ужъ старуха; я подумалъ,—на что мнѣ ее,—не сюда же тащить наканунѣ смерти, правда, остались еще дѣти, да они еще ползали какъ черви.—И всѣхъ ихъ покинулъ, да и задумалъ опять сюда, позариться на здѣшнихъ красотокъ.

„Ишь ты, старый коршунъ“ проворчалъ второй: „не пожалѣлъ покинуть старуху и малыхъ дѣтушекъ, да еще смышляетъ поживиться здѣшними. Нѣтъ, братъ, онѣ тебѣ не по зубу, мы и не тебѣ чета, *да голодаемъ*“.

— Такъ чтожъ,—началъ опять первый: „старая-то женщина какъ пустой орѣхъ, сколько ни грызи, все скорлупа одна,—а какъ разгрызешь, то еще поперхнешься. Прежде бывало здѣсь какъ полвишься гдѣ, да гаркнешь молодецки—всѣ пріосанятся, тутъ и выбирай любую, никто и пикнуть не смѣетъ, а теперь куды—и не подступайся,—нашелъ одинъ Москаль чуть было не выдернулъ у меня бороды, да еще... ну, да я лучше помолчу, а за что, за то, что я только хотѣлъ приголубить, должно быть, его жену

„Разскажи же, чтожъ такое еще то съ тобой случилось?“ спросили его нѣкоторые.

— Ну, быть такъ, признаться ужь вамъ во всемъ, — продолжалъ второй Татаринъ: — Разъ я забрелъ, тамъ — въ посадѣ, въ чей-то садъ чрезъ заборъ, призарясь сквозь его на спѣлыя ягоды; ужъ разумѣется, душилъ что ни почало: работники, копавшіе тамъ гряды, только что косились на меня, не говоря ни слова; вотъ я какъ-то и сломилъ сукъ съ яблони, они и заголосили на меня; что, дескать, ты, или совѣсти не знаешь, пришелъ незваный, да и хозяйничаешь своевольно; ужь добро бы мамонъ-то набивалъ, а то все ломаешь какъ медвѣдь; а я имъ въ отвѣтъ: пыпъ! вѣдь мы у васъ и гости и хозяева! Тѣмъ бы и кончилось, да на бѣду пришла какая-то молодая женщина, такая смазливая, съ ведромъ къ колодцу и накачавъ воды, пошла назадъ. Она мнѣ приглянулась, я и остановилъ ее, прося напиться; она мнѣ молча подала, а я прихлебываю водицу, да похваливаю ее; послѣ началъ прихватывать и ублажать ее всякими словами: какая молъ ты молодушка красивая, касаточка румяная, а она не глядя на меня и пошла себѣ; я схватилъ ее за руку, она вырвала ее, я за другую, она то же; я разсердился, хотѣлъ ее силою притянуть къ себѣ, а она какъ закричитъ да плеснетъ на меня изъ всего ведра, я хотѣлъ отшатнуться, да и упалъ, а на крикъ-то ея прибѣжали какіе-то люди съ вилами, да и поднимаютъ меня ими, какъ навозную кучу; нечего грѣха таить, поелозили они ими по спинѣ моей вдоволь, да еще одинъ изъ нихъ послѣ уцѣпился мнѣ въ бороду, да такъ скомкалъ ее въ кулакѣ своемъ, какъ онучу, вы-

жимаютъ. Я кричу во всю пасть, а они подъ мою же музыку подняли меня, раскачали, да какъ швырнутъ черезъ заборъ, словно бревно, съ приговоркой: какъ дескать откуда пришелъ, такъ и выходи, а я не вспомнился; послѣ какъ отдохъ, хотѣлъ бить на нихъ челомъ нашему Князю Абдрахману, да подумалъ: онъ же запопитъ на меня за то, что я самъ поскалилъ зубы на красотку, а не донесъ ему по его наказу; гдѣ ни примѣтишь, давать ему знать, или во чтобы ни стало самое доставлять.

Всѣ громко засмѣялись окончанію его разсказа и совѣтовали ему лучше ѣхать къ старой женѣ, лечить старыя кости свои отъ случившагося перешибу.

— Да ужъ коли пошло на разсказы про проказы, такъ и я признаюсь вамъ, что случилось со мной,—произнесъ съ усмѣшкой третій:—Однажды въ какой то здѣшній праздникъ, шатался я по площади, зѣвая на народъ; вотъ и вижу идетъ дѣвушка подъ покрываломъ съ берестянкой въ рукахъ. Судя по походкѣ и стану ея, должна быть молодая, подумалъ я и давай потираться около нее, она же сошедъ съ площади, удвоила шаги свои и выбралась въ поле. я не выпускалъ ее изъ вида и все крался сторонкою; на дворѣ ужъ вечерѣло. Она знать догадалась, что я ластю за ней и ну оглядываться, а мнѣ и пришло на мысль, вѣрно она меня поджидаетъ, а не подумалъ того, что это со страха. Я и подвернулся къ ней, откинулъ ея покрывало и сказалъ: „здорово, красная дѣвица!“ а она какъ вздрогнетъ

и поблѣднѣла подъ цвѣтъ полотну своему. Я и такъ и сякъ около нея, а она молчитъ, да улепетываетъ. Вотъ меня за сердце и взяло, я ухватилъ ее крѣпко, да и не пускаю, а у нея на глазахъ и выступили слезы; экъ думаетъ чѣмъ отыграться, подумалъ я, да и началъ было посильнѣе къ ней приставать, она и вымолвила: „пусти меня, добрый человѣкъ, я вѣдь тебѣ ничего худаго не сдѣлала“—да и я тебѣ не обижу—отвѣчалъ я,—только будь со мной поживѣе.

— Вотъ она порывается, да оглядывается, видитъ помощи выпросить не у кого, задумалась и сказала: „быть такъ, я пойду съ тобою, только своротимъ отсюда, потому что здѣсь попадется кто нибудь, пойдемъ лучше поправѣе“. Я обрадовался ея зову и хоть въ адъ пошелъ бы за нею. Мы шли, шли.—Да куда же, спросилъ я, мы идемъ?—Въ мою юрту,—отвѣчала она;—дорога становилась все уже, лѣсъ чаще, а на дворѣ темнѣе. Наконецъ достигли мы юрты ея. „Постой же,“ сказала она: „я посмотрю нѣтъ ли кого въ ней?“ выпустила мою руку и—пропала; я слышу ея голосъ, кого-то выкликала она тихонько, а ей грубымъ отвѣчали голосомъ. Послѣ загремѣли цѣпями, оружіемъ, я оробѣлъ и защолкалъ зубами какъ съ озноbу. Куда дѣться? назадъ, догонять, а предо мной на верху показались какія-то палати, я уцѣпился за перекладину, страхъ пырнулъ меня къ верху и я очутился на сѣнникѣ. Тутъ же въ это самое время растворилась изъ избенки дверь и выскочили изъ нее два дюжихъ мужика въ овчинныхъ полукаф-

таньяхъ съ рожнами. „Гдѣ жъ онъ? куда дѣвался?“ закричали они и разсыпались по лѣсу искать меня съ пылающими лучинами, но не нашедъ около дома тотчасъ и воротились проклиная меня же. Я и самъ себя проклиналъ, что дался обмануться дѣвчонкѣ. Притаясь къ стѣнѣ — слышу кто-то пыхтитъ во снѣ недалеко отъ меня, я обернулся и чуть, чуть разглядѣвъ что-то бѣлое, подумалъ: вотъ еще дѣвушка и какъ отдохъ отъ страху, то новое желаніе испытать еще своего счастія, подвинуло меня къ ней. Короче сказать: мѣсяцъ, пробившись сквозь худую крышу, освѣтилъ у меня въ рукахъ демона—старую колдунью, глядѣвшую на меня съ удивленіемъ. „Чтобъ те исчезнуть, проклятая!“ закричалъ я толкнувъ ее отъ себя изъ всей силы такъ, что изъ нея я думаю просыпались всѣ кости; она завизжала какимъ-то дебелымъ голосомъ крича: „чуръ меня! чуръ меня!“

— Да, чортъ, тебя!—сказалъ я испугавшись своей неосторожности; соскочить было поздно туда же, откуда я вознесся, ибо дверь опять растворилась; я подбѣжалъ къ другому концу сѣнника, раздвинулъ рукой навѣсъ его, рѣшился и бухнулся самъ не зная куда, въ погребъ что-ли какой, или въ помойную яму, только что окунулся въ тину по горло; преслѣдователи мои отыскали меня по шуму моего паденія, прибѣгли къ моему логовищу и видно не меня, а мѣсто сіе пожалѣли, которое было выкопано вѣрно для волковъ и медвѣдей, кинули мнѣ веревку, которою я обвившись вышелъ на свѣтъ еще въ бѣд-

нѣшемъ положеніи, чѣмъ при рожденіи своемъ. „Что нонче съ нимъ возиться“ сказалъ одинъ изъ мужиковъ: „подъ котелъ его!“ Вотъ и въ самомъ дѣлѣ, насилу приподняли они огромный котелъ, и погнавъ меня подъ него какъ собаку въ конуру кулаками и пинками—захлопнули съ шумомъ.

— Я думалъ что я уже въ могилѣ, темно, душно, однако не помню заснулъ или обезпамятѣлъ, только очувствовавшись услыхалъ какъ сидя надо мною, чинили мнѣ приговоръ.— „Пришибить что ли его?“ говорилъ кто-то.—„Да что толку-то—лучше... тутъ я не дослышалъ, и—признаюсь обмеръ. Вотъ протянутъ мнѣ голову, подумалъ я, подкатятъ подъ нее плаху, сей часъ звякнетъ топоръ—но котелъ отвалили и меня вынули изъ него съ какою то радостію, какъ кладъ изъ заговореннаго сундука, спеленали всего веревкою и оставивъ отъ нее длинный конецъ, прикрѣпили его къ лошадиному хвосту и разъярив ее ременными бичами, съ громкимъ смѣхомъ пустили по кочкамъ и буеракамъ.—Я поволокся, а они мнѣ кричали вслѣдъ: „вотъ тебѣ, дѣвушка, треклятый поганецъ, за чужой кусъ не хватайся, ступай теперь свою отыскивать въ тартарары, да вламяйся отъ насъ чертямъ!“—Эхъ, братцы! закричалъ послѣ одинъ зубоскалъ,—вы бы ему на бритую то башку надвинули хоть мѣшокъ, а то обстрекнется крапивой!

— Долго бы, земляки, досталось вамъ собирать кусочки моего тѣла по всѣмъ пнямъ лѣснымъ, развѣ бы съ помощію воробьевъ, еслибъ

веревка не обвилась какъ то около дерева, лошадь дернула, я думаю: — ну! теперь перехватитъ или перешибитъ меня совсѣмъ! — однако какъ то къ счастью веревка соскочила съ лошадинаго хвоста, та осталась безъ провожатаго, а я одинъ, уткнутый лицемъ прямо въ муравейникъ. Представьте мое положеніе: руки у меня были не глухо скручены, а проклятыя животныя всякаго рода заживо обснимали меня и начали точить уже, однако я собрался кой-какъ съ собою и откатившись съ этого мѣста, какъ съ горячей сковороды, по долгимъ усиліямъ, точно какъ вывертилъ одну руку изъ сомнутыхъ челюстей веревки, потомъ другую и растянулся умученный на окровавленной землѣ!

— Когда же отдохъ, мщеніе закипѣло въ груди моей, но взять было не съ кого, по неволѣ я и остылъ. Впрочемъ надобно признаться, я и стоилъ этого, ибо много дѣлывалъ самъ зла нашимъ непріятелямъ всякими нахальствами и они еще не всѣмъ поплатились со мною. Вотъ я потащился въ городъ, а на меня тамъ мальчишки хохочутъ да швыряютъ грязью, такъ я былъ узорчать: кой какъ ужъ ввалился на нашъ дворъ чрезъ заднюю калитку, убрался на конюшню, гдѣ и проспалъ богатырски цѣлые сутки.

„Ну, братъ, досталось же и душѣ твоей и оберткѣ ея, видно ужъ и чертъ-то отказались отъ тебя!“ сказалъ первый. „Кто бы эти были сорванцы, которые тебя такъ изувѣчили? Сокольники что-ли изъ Княжескаго звѣринца, или ужъ самъ дѣвіе?“

— Нѣтъ, думается мнѣ,—отвѣчалъ третій,— что это были разбойники, которые, говорятъ, въ глубинѣ этого лѣса таятъ гнѣздо свое. Чу! — слышишь ли позади шорохъ?

„Тебѣ все еще чудится“ перервалъ его оглядываясь второй: „а что ни говорите“ продолжалъ онъ: „эти Москали стали ужь ничче смышленѣе и дерзостнѣе, они насъ ужь начинаютъ почитать просто за собакъ, которые за хлѣбъ ихъ стерегутъ домы и пожитки.“

— Да, какъ бы то нибыло,—сказалъ четвертый Татаринъ,—мы не стережемъ, а подстерегаемъ, да погрѣваемся около ихъ; здѣсь все-таки потеплѣе, чѣмъ на Ордѣ; тамъ горячѣе-то только солнце, а на немъ вѣдь яйца не испечешь.

„Измѣнникъ, предатель—ты готовъ вродать не только себя, но и свое отечество!“ вскричалъ съ сердцемъ молодой Олимъ. „Стыдитесь, товарищи, слушать его, не только быть его обезьяной. Не сами ли вы причиною тому насилію, которое дѣлаютъ надъ вами Русскіе; вы сами раздражаете ихъ; зачѣмъ напоминать коню о копытахъ его? Не дѣлятся ли они съ вами послѣдними крохами? Не чтили ли они васъ прежде какъ высшихъ себя? а вы, непасытные, все хотите болѣе и болѣе, по губѣ вамъ пришло лакомиться чужими кусками да трудами, смотрите, не отрыгнулось бы чѣмъ горькимъ. Вотъ такъ я жду не дождусь, когда бы опять на родину, тамъ у меня молодая жена, а можетъ быть, уже и дитя,“ прибавилъ онъ сквозь слезы.

— Экъ онъ и въ самомъ дѣлѣ размякался

своею любовью къ женѣ, да къ родинѣ!—прервалъ его четвертый—намъ такъ...

„Тсъ!—полноте ссориться!“ вскричалъ пятый, приклонясь ухомъ къ землѣ: „мнѣ слышится лошадиный топотъ.“ И точно, скоро показался Бешаръ, предвѣстникъ Абдрахмана, ѣдущій во всю прыть и оглашая лѣсъ пронзительнымъ свистомъ, ему отвѣчали тѣмъ же прочіе стражи. Подъѣхавъ къ шалашу закричалъ онъ: „по мѣстамъ, по мѣстамъ! ѣдетъ, ѣдетъ!“

ГЛАВА VII.

Прибытіе и свирѣпость Абдрахмана. Невѣдомый. Ужасъ. Странныя истины. Исторія Елисея. Объясненіе и заговоръ.

Воронъ ворону не выклюетъ глаза.

Послышался топотъ еще сильнѣе и тотчасъ примчался Абдрахманъ съ двумя тѣлохранителями. Его сняли съ лошади и онъ кинулся на войлоки, разостланные въ шалашѣ.

„Всѣ ли назначенные здѣсь?“ спросилъ онъ.

— Всѣ здѣсь! — отвѣчали ему всѣ въ одинъ голосъ.

„Порознь ли вы ѣхали, чтобъ не возбудить въ комъ подозрѣнія?“ спросилъ онъ опять.

— Порознь! — отвѣчали ему опять всѣ.

„Ну хорошо“, продолжалъ Абдрахманъ. „А не принесъ ли мнѣ кто извѣстія о той дѣвушкѣ, которую видѣлъ я на голубой долинѣ и которую давно уже наказалъ вездѣ подсматривать, самъ не найдя нигдѣ? Сколько разъ уже мы собираемся здѣсь для совѣщаній, а про нее никто ни слова!“

— Я подстерегъ ее, — сказалъ одинъ Татаринъ, выступивъ предъ него раболѣпно изъ толпы. — Всеславъ, прозванный удалымъ, сынъ боярина Михаила, посадника Стародубскаго, который стряхнулъ съ сѣдла сподручника твоего Бешара, гулялъ съ ней рука въ руку по долинѣ, цѣловалъ ее въ уста и очи, и она его также, послѣ...

„Полно, стерва — да разлетится языкъ твой въ дребезги!“ перервалъ его свирѣпо Абдрахманъ: „это ли я спрашивалъ у тебя? — Что-жъ ты, подлый рабъ, не закатилъ ему ножа въ горло?“

— Онъ самъ опаясанъ былъ мечемъ, а подкрасться было нельзя, мѣсто открытое, — отвѣчалъ Татаринъ.

„Ну довольно, трусъ — вотъ тебѣ обѣщанное“, сказалъ онъ, бросивъ ему презрительно нѣсколько серебряныхъ денегъ; „сгинь же теперь съ глазъ моихъ, ты самъ не стоишь ни одного *пула*, Дьяволъ!“ сказалъ онъ помолчавъ немного: „все зарево ада раздулъ онъ въ душѣ моей своими разсказами. Слушайте!“ и всѣ притаили дыханіе.

„Всеславъ, да повиснутъ надъ нимъ горы всѣхъ громовъ, обидѣвшій въ лицѣ Бешара всѣхъ насъ, еще осмѣливается похищать у меня эту дѣвушку, которая такъ приглянулась мнѣ“, говорилъ онъ, блистая дико взорами, „Всеславъ долженъ умереть всѣми смертями. Обѣщаю тому золотую гривну, кто принесетъ ко мнѣ эту головку и еще болѣе тому, кто заорканитъ этого мальчишку, и приволочетъ его ко мнѣ живаго. О! какъ

напитаюсь я мученіями его, выжимая изъ него по каплѣ кровь, или вдругъ, какъ этотъ напитокъ," сказалъ онъ, стиснувъ зубы и крѣпко сжавъ серебряный кубокъ въ рукѣ; жидкость хлынула вверхъ фонтаномъ и скомканный кубокъ зазвеня покатился на землю.

— А мнѣ что дашь, князь, если я представлю къ тебѣ моихъ?—послышался вдругъ сиповатый голосъ недалеко отъ шалаша.

„Громъ и буря!—это кто рякнулъ?" вскричалъ удивленный Абдрахманъ.—Стража бросилася на то мѣсто, откуда послышался голосъ и тщетно ощаривши руками и глазами всѣ окружныя мѣста, возвратились въ страхѣ къ повелителю своему, донося, что некому другому подавать голосъ кромѣ лѣсовика *).

— Бредни!—закричалъ въ сильной досадѣ Абдрахманъ, поднявъ на ноги огромное туловище свое. — Не предатель ли какой подстерегаетъ насъ? Осмотрите хорошенько, не осѣдлалъ ли онъ какого-нибудь дерева, — откуда надсматриваетъ за нами?—Огня?—живѣе!

Бешаръ вынулъ изъ сумки своей трудъ и кремень, провелъ имъ по обуху меча своего,— искры полились и вздули огня. Одинъ изъ свиты Абдрахмановой, распахнувъ полы плаща своего, вынулъ оттуда потаенный фонарь съ погруженной въ него лампадой и зажегши ее, отправились чинить поиски.

„Осмотрите всѣ деревья и если кого увидите,—

*) Лѣшій.

пронзите стрѣлой, или снимите копьями. Если же это лѣсовикъ, — пусть его обратится въ песошинку, — ошарьте его и тогда, испалите весь лѣсъ, только изведите, или достаньте мнѣ его!“ кричалъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва.

Стража отправилась въ безмолвіи, освѣщали каждое дерево, поджигали листья для большаго свѣта и готовы были испепелить весь лѣсъ, тщетно искавшія; но Абдрахманъ, видя неудачу поисковъ, самъ отозвалъ ихъ, кликнувъ предъ себя. Надумавшись въ продолженіи ихъ отлучки, онъ рѣшился лучше посредствомъ хитрости, заклятіями и обѣщаніями вызвать невѣдомаго и потому произнесъ: „человѣкъ ли ты, демонъ, или забѣглая душа съ того свѣта, отринутая адомъ и бродящая во тьмѣ ночной — алкая человѣческой крови, — явись ко мнѣ смѣло и требуй чего хочешь!“

— Вотъ такъ то бы лучше — засопѣлъ опять тотъ же голосъ. — Сейчасъ я предстану предъ тебя, только дай мнѣ слово не употреблять противъ меня никакого насилія, если не хочешь, чтобъ я опять исчезнулъ и унесъ съ собою мщеніе, которое будетъ тебя преслѣдовать вездѣ и всегда, точивъ постепенно жизнь твою. — Знай, что оружіе земное не дѣйствуетъ на меня, да и къ чему употреблять его? Мы будемъ полезны другъ другу, я это знаю.

„Даю тебѣ слово мое!“ произнесъ рѣшительно Абдрахманъ: „да окаменѣетъ языкъ мой какъ зубы и приростетъ къ подпебесью, если я говорю неправду!“

Съ шумомъ затрещали сучья и хворостъ подъ ногами невѣдомаго.

„Зажмурьтесь же всѣ теперь, если не хотите видѣть вѣчной ночи зеницами своими, сказалъ онъ и всѣ повиновались трепетно его угрозѣ. Вдругъ раздался хохотъ совы, грохотъ иволги и стоны филина, сопровождаемые щелканьемъ зубовъ и тотчасъ, однимъ скокомъ, кто-то очутился подлѣ Абдрахмана.

„Ну, теперь познакомимся, пріятель!“ шепнулъ полуголосомъ новоявившійся, ударивъ его по плечу и протянувъ ему руку.

Всѣ вздрогнувъ взглянули и — черный ужасъ одѣлъ всѣхъ! Человѣкъ низенькаго роста, — сгорбленный, съ блѣднымъ лицемъ какъ у остова, съ однимъ впалымъ и раскаленнымъ глазомъ, окутанный чернымъ саваномъ, — стоялъ предъ Абдрахманомъ, протянувъ къ нему косматую лапу свою съ загнутыми верхъ когтями. Неустрашимый Абдрахманъ весь потерялся, волосы его взъерошились горой, лицо вытянулось и разомкнуло бездонный зѣвъ въ удивленіи, смѣшанномъ съ ужасомъ.

„Чего ты хочешь отъ меня?“ спросилъ онъ невѣдомаго, собравшись нѣсколько съ собою.

— А ты чего? — язвительно привидѣніе. — Вѣдь не я тебя, а ты меня приглашалъ къ себѣ; видишь, я послушливъ и явился предъ тобой, какъ листъ предъ травой. Чѣмъ же ты наградишь меня за это? Да будь повеселѣе, ну, по прежнему, меня бояться нечего, мы свои, — коршунъ коршуну глаза не выклюетъ.

„Залилъ бы тебѣ глотку свинцомъ, о сю пору ужь дьяволъ называетъ меня своимъ!“ подумалъ про себя Абдрахманъ.

— Что, что ты бормочешь! — запищалъ опять невѣдомый. — Отъ меня вѣдь не скроется и зародышъ твоей мысли, я все знаю: тебѣ не любо, что я назвалъ тебя своимъ, да какъ же, развѣ ты не совмѣстникъ мнѣ по дѣяніямъ и даже желаніямъ? — Мы оба жаждемъ крови человѣческой. Вспомни, — произнесъ онъ ему почти на ухо, — лѣтъ двадцать тому назадъ, не ты ли задушилъ отца своего на томъ сундукѣ, который начиненъ былъ сокровищами и которыхъ онъ хотѣлъ тебя лишить, проклявши за убіеніе тобою его сына, а твоего брата кровнаго, роднаго, чтобы онъ не былъ участникомъ въ нихъ? Не ты ли сдернулъ собственными руками головы съ двухъ женъ своихъ, которыя тебя упрекали за невѣрность? Не ты ли?..

„Постой, полно — адское чудовище, не изрыгай на меня всего пламени твоего — или я!..“

— Ничего, — продолжалъ невѣдомый вслухъ, — прожженый сосудъ отъ огня не лопнетъ, только позакоптится, — такъ что-жъ, чернѣе то души твоей все не будетъ, — произнесъ онъ опять, понизя голосъ. — Пожалуй, довольно про старое, теперь — не ты ли замышляешь извести Князя Димитрія, родъ и племя его, бояръ и всѣхъ подозрительныхъ тебѣ людей? Не для того ли ты собираешь здѣсь частенько-таки клевретовъ своихъ, чтобъ совѣтываться съ ними, какъ бы это привести въ дѣйствіе получше, похитрѣе, поза-

крытье? Да ишь вы всѣ любите подкрасться, да сзади, чтобъ лучше не дрогнула рука у заклятыхъ убійцъ, а то жутко имъ, страшно! Не ты ли хочешь высосать кровь изъ невинной дѣвушки, насильной любовью своею и послѣ обрызнуть ее кровью любезнаго ея! Да и много кой чего еще насказалъ бы я тебѣ, но время-то коротко,— скоро запоютъ пѣтухи. Такъ вотъ въ заключеніе прибавлю: нашъ сатана приготовилъ для тебя мѣстечко тепленькое, можно въ немъ будетъ и безъ шубы ходить во всякое время года, тебѣ бояться нечего, ты обожженъ, хлопочи только здѣсь больше, за то и тамъ будешь Васькакомъ.— А тамъ привольное житье, съ женами небось не встрѣтишься, носа тебѣ онѣ не откусятъ,—крови сколько хочешь,— душеньки же вашихъ братій грѣшниковъ, особенно отличившихъ поприще свое на земномъ быту, нанизаны на ниточкѣ, которую сатана надѣваетъ вмѣсто ожерелья въ торжественные дни для ада.— Что—понравилось?— продолжалъ онъ, взглянувъ съ коварною усмѣшкой на дрожащаго Абдрахмана, отъ которой покривились уста его,— еще то ли будетъ! Ну что-жъ, помочь что ли тебѣ уловить дѣвушку-то съ любовникомъ?—прибавилъ онъ значительно,— такъ давай задатку, а не то пусть ихъ милуются—славная парочка!—Прощай же,—сказалъ онъ искусно перевернувшись нѣсколько разъ на одной ногѣ, и взмахнулъ руками, какъ бы приготовляясь лететь!

„Рѣшено, я твой!“ громко вскричалъ Абдрахманъ: „за живое тронулъ ты меня. Говори, тре-

бый смѣло — я не боюсь тебя — со всѣмъ адскимъ причетомъ твоимъ; — чего хочешь — души что-ли?“

— Души земной — золота; — сказалъ помолчавши нѣсколько невѣдомый. — Я думаю у тебя его не меньше грѣховъ?

„Золота!“ вскричалъ удивленный Абдрахманъ. „О! я обсыплю тебя имъ такъ, что ты захлебнешься, но мнѣ странно то, что ты миришься со мной на такихъ выгодныхъ условіяхъ для меня. На что тебѣ такой тлѣнъ? — Ты, могущій, предъ тобой каждый камень долженъ разсыпаться всякими монетами.“

— Да чего жъ у тебя просить-то. — Я знаю, что у тебя дороже золота ничего нѣтъ, душа то ежели хоть и есть въ тебѣ, все не надобно ее покупать, когда она и безъ продажи твоей — будетъ наша. Нонче вѣдь и мы стали скупы, — прибавилъ онъ, прищуря единственный глазъ свой. „На же понамѣсть задатокъ!“ произнесъ нетерпѣливо Абдрахманъ, вынувъ ему пригоршню золотыхъ монетъ, послѣ получишь гораздо болѣе ежели только отслужишь вѣрно свою службу, — а не то я отыщу тебя и въ тартарѣ.

Глазъ невѣдомаго точно какъ вынялъ изъ гнѣзда своего и хотѣлъ выпрыгнуть изъ него, чтобъ встрѣтить идола своего — золото, такъ ненасытно пожиралъ онъ сокровище и схватя его жадно — опаленными руками, пустилъ за полу своей мантіи. — Задатокъ полновѣсенъ, — сказалъ онъ. — Ты, я вижу, крѣпокъ въ своемъ словѣ и кажется созвученъ мнѣ во всемъ — теперь дай мнѣ слово: не выспрашивать на мнѣ за то, что я

тебѣ открою, и быть для меня тѣмъ же, чѣмъ есть,—ну! руку—хоть пустую.

„Вотъ на, даю, все даю, ты какъ-то властительно двигаешь мою душу!“ отвѣчалъ Абдрахманъ: „точно какъ ужъ о сю пору ваша задѣнка продѣта сквозь нее.“

— Отойдемъ же отъ свидѣтелей, я обнажусь предъ тобой, но умѣй оцѣнить мою откровенность, а я даю тебѣ слово, что буду полезенъ для тебя во всѣхъ отношеніяхъ!

Тутъ они отошли нѣсколько шаговъ въ сторону подъ тѣнь одной колоссальной сосны, раздвоенной громомъ почти до половины; Абдрахманъ шелъ твердо за товарищемъ своимъ; вдругъ невѣдомый размахнувши, сбросилъ съ себя мантію, сдернулъ съ руки окоченную перчатку, засмѣялся (но уже не по совиному) и явился человѣчкомъ.

„Непостижимый!“ воскликнулъ Абдрахманъ; „за чѣмъ ты принимаешь новый образъ? Не думай испугать меня, я уже свыкся съ тобою.“

— Теперь я постижимъ,—отвѣчалъ преобразившійся—потому что вынулъ самъ себя изъ всего накладнаго и явлюсь въ собственномъ видѣ предъ тобой. Знай: я такой же человѣкъ, какъ ты съ тою только разницею, что если насъ свѣсить,—ты больше потянешь и обломишь вѣсы, а я уставлюсь у тебя на ладонкѣ. Увѣрился ли ты во мнѣ?—взгляни повристальнѣе—только помни уговоръ, вѣдь я...

„Мошенникъ!“ вскричалъ удивленный Абдрахманъ, не давъ ему договорить, „да я тебя зарѣжу однимъ вулакомъ своимъ!“ и хотѣлъ за-

махнуться на него, но сей повисъ почти на его рукѣ какъ колокольчикъ на дугѣ, напоминая ему о выгодахъ, какія можетъ ему доставить, и Абдрахманъ удержался. „Ну, еслибъ я не надѣялся сего,“ прибавилъ Абдрахманъ: „то не смотря на слово мое, велѣлъ бы выдвинуть изъ тебя языкъ, или приковать къ каменному утесу, чтобъ хищныя птицы выклевали изъ тебя глаза. Смотри пожалуй, какъ онъ забавлялся, какъ игралъ мною,—словно вихорь легкимъ перышкомъ!“

— Да, вельможный Абдрахманъ — отвѣчалъ неизвѣстный, преклоня предъ нимъ колѣна.— увѣнчай меня достодолжно, перехитрилъ дьяв...

„Цыцъ дерзкій пахалъ!—теперь я тебя тотчасъ отправлю къ тѣмъ чью личину сей-часъ надѣвалъ ты!“ свирѣпо завопилъ Абдрахманъ. „Ахъ, мошенникъ! мошенникъ!“ продолжалъ онъ. „да вотъ еще что мнѣ непонятно; ты вѣрно свелъ дружбу съ чертями, когда они тебѣ за панибрата открыли вѣрныя черты изъ моей жизни?“

— Только вовсе терпѣніе меня выслушать, а я разскажу тебѣ все подробно. Посмотри ка, что твои олухи-то зѣвають на насъ, вели имъ подалѣе отшатнуться.

Абдрахманъ двинулъ повелительно рукой, какъ Зевесъ бровями,—и вся толпа его отступила за шалашъ.

„Слушай же,“ началъ неизвѣстный „и дивись какъ нѣжно лелѣютъ черти вѣрнаго питомца своего, качая въ люлькѣ счастія: я природный Лихъ, имя мое Елисей. Во время набѣга Ольгерда,

нашего Князя, на Москву, а былъ въ его свитѣ, вступя предъ тѣмъ къ нему въ услуги въ званіи парадного потѣшника, а вступилъ подъ знамена его чрезъ ходатайство одного моего товарища, который, вѣчная ему память! теперь вѣрно бражничаетъ за однимъ столомъ съ Сатанаиломъ, подлѣ себя оставя и мнѣ мѣстечко; ибо ему казенный топоръ давно ужь откусилъ голову за дѣла, кои называются здѣсь недобрыми,—такъ я давно слышалъ объ немъ.

„Я потому тебѣ не сказываю о моихъ родителяхъ, что не знаю, имѣлъ ли я ихъ. Меня нашли маленькимъ комочкомъ, лежащимъ на камнѣ близъ рѣки и нѣкоторые думали, что меня высидѣла кукушка изъ крокодилова яйца, унеся его возвращаясь съ теплыхъ водъ въ лѣтнее гнѣздо свое. Но какъ бы то ни было, а и выросъ, кой-какъ мыкаясь по чужимъ людямъ, и гонимый мачихой моей—судьбой, по всѣмъ почти закоулкамъ свѣта, какъ осенній листъ, оторванный непогодой отъ роднаго стебля, перекатывается съ поля на поле безостановочно. Природа обидѣла меня жестоко наружностію, создавъ ошибкою непарочно на свѣтъ бѣлый, давши маленькій, сутуловатый ростъ, одинъ глазъ и къ ношѣ моего сиротства прибавя двѣ, то есть два горба, спереди и сзади, отъ этого я и похожъ на треугольникъ. Что имѣешь, съ тѣмъ и живи, взаймы ни у кого взять ничего нельзя.—Съ малолѣтства закралась въ меня страсть—воровать и хитро обманывать, потому я нигдѣ и не могъ ужиться, кромѣ какъ у одного человѣка, съ которымъ

дѣлился похищеннымъ и соревновался во всякомъ удальствѣ и который доставилъ мнѣ мѣсто шута при Дворѣ Князя Ольгерда.

„И такъ, я сказалъ уже тебѣ, что былъ здѣсь съ нимъ и когда погнали его войско и насъ тутъ же Москали отъ стѣнъ своихъ, какъ соколъ стадо галокъ, я отставъ отъ бѣгущихъ съ заболѣвшей полюбовницей Ольгердовой,—улучивъ время—обобралъ ее какъ липочку и направился въ противную сторону. На бѣду повстрѣчался я съ какими-то земляками твоими, которые довольно насмѣясь надъ моей кукольной фигурой и отнявъ у меня добытое моимъ пронырствомъ, не удовольствовались тѣмъ, но зацѣпивъ веревкою погнали предъ собой, какъ ледащую лошадь на живодерню, прихлестывая нагайкою. Невыгодна была для меня дорога и я, не снеся сего путешествія, палъ какъ верблюдъ въ знойныхъ степяхъ Африки. Мои провожатые, не хотя покинуть меня, связали и бросивъ поперегъ повозки, дотащили до Золотой Орды, куда они ѣхали бывъ посланы къ Хану съ какими-то грамотами твоимъ предмѣстникомъ Баскакомъ. Ужъ я не говорю, сколько побоевъ вынесли тамъ смиренные горбы мои за разныя проказы, которыя я не оставлялъ живши у привезшихъ меня вмѣсто диковинки.

„Какъ ты думаешь, вѣдь нашлась же тамъ одна Татарка, соблаговолившая мнѣ отдать въ полное владѣніе уродливое существо свое, которая была, я думаю, самый послѣдній оборышъ изъ вашихъ женщинъ, за то также единственна въ своемъ родѣ! Ходивъ къ ней потаеннымъ хо-

домъ, я замѣтилъ въ домѣ хозяевъ ея дорогія ткани, камни и всякія вещи, и потому однажды, залѣзши подъ кровать въ кладовой конурѣ, я выжидалъ ночи какъ сычъ, чтобъ приняться набивать свои карманы попухлѣе горбовъ. Догадался ли ты, что это было въ домѣ стараго отца твоего и на ту бѣду тебѣ также захотѣлось полакомиться отцовскимъ стяжаніемъ; я слышалъ, какъ онъ, пряча отъ явнаго твоего напора свое сокровище, упрекалъ тебя смертію твоего брата, женъ и еще кого-то и высмотрѣлъ, какъ заносилъ ты на него руку и пр. и пр. Вслѣдъ за твоимъ уходомъ и я, отворивъ плохо притертый тобою въ поспѣшности сундукъ и расхованный уже порядкомъ пощечился около его такъ, что меня карманы притягивали къ землѣ, однако я прыгнулъ въ окошко и тутъ же задумалъ бѣжать изъ Орды, имѣя съ чѣмъ.—Боясь чтобъ не навязалось на меня другое сокровище, моя красавица, я стреганулъ скоро и окольными путями, шатаясь изъ мѣста въ мѣсто, достигъ Россіи. Тутъ меня принялъ къ себѣ Бояринъ Тимофей Васильевичъ, я понравился ему за мою ловкость, остроту, смѣтливость и чудное строеніе тѣла. Долго мы были довольны другъ другомъ, но однажды онъ приказалъ сдѣлать большое деревянное блюдо и обривши меня наголо, разубрать во всякое тряпье и навѣсивъ на меня погремушекъ и бубенчиковъ, поставить на оное блюдо и нести двумъ слугамъ на показъ Князю Дмитрію. Я билъ самъ себя кулаками по лицу и горбамъ своимъ, смотря на стеченіе народа, на ихъ рази-

нутые рты, и слыша ёдкой на меня хохоть, плевать на всѣхъ, и такимъ образомъ достигъ я Князя, отъ коего несли уже меня въ избѣ черезъ плечо съ выставленной только головой. Дома опять при собраніи гостей бывало поставить меня Тимофей спеленатаго на полку и сквозь всѣ смотря, что я не могу пошевельнуться. Мщеніе всегда мнѣ было сладостно, такого же рода насмѣшки пробудили его вполнѣ и я, поклявшись отомстить, успѣлъ сколько могъ.

„Однажды ночью пробрался я въ спальню прекрасной Елены, дочери хозяина моего, на которую давно уже скалился,—она, выслушавъ признаніе мое, захохотала и хотѣла будить свою няню, но я, выступивъ изъ себя съ досады, бросился на нее и хотѣлъ оторвать у нее косу, чтобъ удавить на ней — спотыкнулся и только успѣлъ одной рукой зажавши ей роть скользнуть ножемъ по рукѣ ея, искавъ груди.—Видно чортъ попуталъ меня, ужъ и въ немъ благодарности нѣтъ, я ли не служилъ ему вѣрою и правдою? Я хотѣлъ повторить ударъ—но руку мою скомкала судорога и я, бросивъ ножъ, сорвалъ съ нее жемчужныя бусы и пользуясь ея нѣмымъ ужасомъ, кой-какъ выбрался изъ дома въ садъ, вскарабкался на яблонь, примыкавшую къ забору и спустясь по ней на улицу, пустился безъ оглядки въ поле, тамъ въ лѣсъ и сыскавъ здѣсь хибарешку, оставленную вѣроятно какимъ нибудь крестьяникомъ, преобразилъ себя сколько могъ и сталъ накликать людей чародѣйствомъ. Въ городѣ меня видали мало, гдѣжъ кому узнать? Къ тому же я

принимаю разные образы на себя: то надѣваю шкуру волка, то медвѣдя, то выворотивъ наизнанку тулупъ и прикрѣпивъ къ головѣ козьи рога, сяду на дерево, свѣшу съ него вмѣсто хвоста рукавъ, размахиваю имъ и ухаю—какъ филинъ. Меня боятся и уважаютъ, а знаютъ сдѣсь подъ именемъ знахаря-ворона, ты видишь меня, я чуть ли не смуглѣе души своей.

„Смѣльчаки ходятъ гадать ко мнѣ о судьбѣ своей и носятъ на поклонъ всякую всячину. Такимъ образомъ живу я привольно и сыто. Недавно подстерегъ я съ дерева, тамъ у семи дубовъ, собраніе Княжескихъ отроковъ подъ предводительствомъ Всеслава.

„Они замышляютъ васъ извести и съ Ханомъ-то и каждый разъ собирается ихъ шайка все болѣе и болѣе. Молчи, я знаю, что съ ними сдѣлать, наши непріятели истребятъ сами себя. Я поглядѣлъ также любовныя шашни Всеслава съ Маріею: такъ называется та дѣвушка, которая заполонила твое сердце. Я также вижу давно и тебя съ клевретами твоими и вызнавъ въ тебѣ молодца по себѣ и зная, что отъ тебя можно поживиться болѣе, чѣмъ отъ другихъ, вздумалъ нынѣ переговорить съ тобою въ образѣ демона, чтобъ отвратить отъ себя опасность; ибо ты опрометчивъ, иначе нельзя бы было и подступить къ тебѣ. Я спрятался въ большомъ дуплѣ дерева, которое давно мнѣ знакомо и которое я прикрываю особенной закладкой, чтобъ не было примѣтно другому, и порой посѣщаю его. Вотъ

тебѣ вкратцѣ моя исторія, напичкованная происшествіями немаловажными!“

Со вниманіемъ слушалъ его Абдрахманъ и послѣ самъ разсказалъ ему, что выкупилъ себѣ милость у Хана за убіеніе отца и за присылку сюда въ качествѣ Баскака уступаю ему сестры своей. Тутъ они уговорились, когда и какъ видаться и дѣйствовать для похищенія любовниковъ. „Я буду душею дѣйствій, а ты дѣлопроизводителемъ!“ говоритъ Елисей; „и мы какъ разъ сомнемъ ихъ въ кулакѣ нашей власти.“

— Смотри, чтобъ не опрокинулась твоя голова съ плечъ, подлый наемщикъ! — сказалъ кто-то и вдругъ зажужжала стрѣла и пронзенная шапка Елисея, сдернутая съ головы его, откатилась на нѣсколько шаговъ.

Оба злодѣя трепетно взглянули другъ на друга. „Стража!“ закричалъ Абдрахманъ: „слышите ли вдали шелесть шаговъ? Настигните и — понимаете? придавите безъ шуму.“ Тотчасъ всѣ бросились на коней, но въ темнотѣ и густотѣ лѣса невозможно было догнать бѣгущаго и они тщетно поплутавши по мраку, воротились отъ неудачныхъ поисковъ своихъ. „За полвершка предъ собой ничего не разсмотришь, вельможный Абдрахманъ!“ сказалъ Бешаръ.

— Эге! ужь занимается заря! — произнесъ Елисей нараспѣвъ: — пора, прощай Князь; это я знаю кто шалитъ, я съ нимъ помирюсь, обо мнѣ не заботься, я умѣю свернуться въ клубокъ и докатиться въ нору свою ежикомъ. Не забудь же къ будущему свиданію вспомнить о прибавкѣ къ

задатку, а при блескѣ луны я люблю считать деньги также, какъ при солнцѣ.

„На лошадей! по одиночкѣ въ разныя стороны!“ произнесъ громко Абдрахманъ. „Ну, смотри же, работай, чертенокъ,“ сказалъ онъ обращаясь къ Елисею: „да не вымолвись кому, а не то я велю тебя превратить стрѣлами въ рѣшето.“

— Нѣтъ! еще поклонишься мнѣ не разъ, — подумалъ про себя Елисей и въ знакъ вѣрности онять протянулъ руку Абдрахману; они обнялись, что-то пошептавши, и луна, какъ бы подслушивая ихъ заговоръ, испугалась или устыдилась быть свидѣтельницей судорожныхъ объятій закоренѣлыхъ злодѣевъ, уплывъ за облако.

Конецъ первой части.

Примѣчанія

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

1) *Охобень*—лѣтнее верхнее платье мужское.
2) *Лѣтники*—женскія лѣтнія платья.
3) *Опашни*—верхнія женскія платья.
4) *Загородьемъ*—называлась одна изъ четырехъ усадьбъ, составлявшихъ Москву.
5) *Окольничій*—происходитъ отъ слова *около;* такъ назывались ближніе къ князю, это званіе было важное. Тимофей былъ любимцемъ великаго князя Димитрія и главнымъ воеводою надъ его войскомъ.
6) *Посадомъ*—называлась другая усадьба и также часть Москвы.
7) *Баскаками*—назывались сборщики податей, уполномоченные отъ хана еще присматривать и вникать почти во всѣ дѣла нашихъ удѣльныхъ князей.
8) *Гридница—комната*, происходитъ сіе названіе отъ древняго нѣмецкаго слова: Chierd-

mann—*дворянинъ; Гридни*—комнатные служители.

9) *Корзна*—плащъ и всякая длинная одежда.

10) *Флоровскія вороты—это нынѣ Спасскія.*

11) *Печатникъ*—чинъ также весьма важный, ибо въ тогдашнее время не было обычая, чтобъ великіе князья прикладывали руку свою къ какому нибудь письменному дѣлу, то печатникъ и утверждалъ оное приложеніемъ велико-княжеской печати; онъ былъ хранителемъ ея.

12) *Константино-Еленскія вороты*, гдѣ находился застѣнокъ.

13) *Золотая гривна.* Гривны были золотыя и серебряныя; ихъ носили на шеѣ вмѣсто ожерелья. Онѣ были также въ числѣ монетъ, вѣсили фунтъ; тогда существовали и рубли, но были ни что иное, какъ простые обрубки серебра безъ знака и клейма, вѣсомъ около 22-хъ золотниковъ.

14) *Кучково поле*, гдѣ нынѣ Срѣтенскій монастырь.

15) *Иванъ прекрасный и Никомата* были виновниками войны, бывшей въ 1375 году съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ, котораго Димитрій побѣдилъ и упомянутыхъ виновниковъ сей войны казнилъ на *Кучковомъ полѣ.* Это была первая казнь въ Москвѣ; народъ смотрѣлъ съ сожалѣніемъ на смерть ихъ. См. *Ист. Карамз.* Томъ V.

16) *Китавай еще Куйсыемъ* звали въ древности Кіевъ.

17) *Церковь Преображенія Господня* тогда была деревянная, теперь вмѣсто ее выстроена

каменная во имя Петра и Павла въ Преображенскѣ.

18) *Посадникъ*—градоначальникъ.
19) *Ливень*—дождикъ.
20) *Пулы*—мѣдныя деньги.

ЧАСТЬ II.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой.
Пушкинъ.

ГЛАВА I.

Новыя лица. Разговоръ Елены съ няней ея. Признаніе Маріино въ любви матери своей. Строгій наказъ Ольги.

Радость тихая летитъ
Перелетной пташкой,
А злодѣйка—грусть живетъ
Гостемъ вѣковалымъ!

— Милая моя нянюшка, собери моихъ сѣнныхъ дѣвушекъ, пусть споютъ онѣ мнѣ пѣсню веселую, а я скажу вамъ вѣсточку радостную! Такъ говорила, вбѣжавши въ свою свѣтлицу дѣвичью, Елена, дочь окольничьяго Тимоѳея, старой нянѣ своей Ѳоминишнѣ, заставъ ее на половинѣ зѣвка и превративъ его въ цѣлый отъ удивленія.

— Что, что такое тебѣ попритчилось радостное, птенчикъ мой крохотный, лебедушка моя бѣлогрудая, рѣзвушечка ты моя ненаглядная?— спрашивала старая няня, заботливо охорашивая свою питомицу,—ужъ не новый ли какой заморскій камушекъ подарилъ тебѣ родитель твой ми-

лостивый, такой же свѣтленькій, какъ глазки твои ясные?

— Нѣтъ, нянюшка, ну что мнѣ въ этихъ каменяхъ, во всѣхъ украшеніяхъ драгоцѣнныхъ, когда и такъ ихъ много у меня, когда и такъ сердце мое давитъ все камень тягостный! — отвѣчала Елена ей, перемѣнивъ веселый голосъ на протяжный.

— Ангелы хранители надъ тобой! Да что за камень, что за кручина была у тебя на сердцѣ, чего тебѣ недостаетъ, всякія забавы и потѣхи — и голубчики-воркуночки твои сизокрылечькіе, и чижечки-то пестренькіе, и соловушки-то сладкогласные, и подруги-то веселыя — всѣ игры дѣвичьи, и пѣсни-то ихъ закатныя, и пляски-то хороводныя. Соскучилась ли всѣмъ этимъ, вышла въ садъ, тамъ и цвѣточки-то благовонные и яблочки-то наливные, и малина-то алая, и земляника-то вкусная, и вишенка-то спѣлая, и смородина-то сочная; ну, чего-жъ недостаетъ тебѣ? Бояринъ, родитель твой, такъ любитъ и нѣжитъ тебя, что души не чаетъ и даритъ подарками дорогими и называетъ словами ласковыми: родное мое чадо, сокровище неоцѣненное, Леленька ненаглядная, дѣтище единственное, не такъ ли ублажаетъ онъ тебя на колѣнахъ своихъ? Правда, нанесь, однако давно уже, попустилъ нечистый наругаться надъ тобой Елеськѣ проклятому, чтобъ душѣ его окаянной, не принятой небомъ и землей, повиснуть на воздухѣ и вѣчно мотаться въ немъ, но Господь спасъ тебя невидимой силой Своей, хоть и сорвалъ онъ съ шейки твоей бусы

выписныя, хоть и поранилъ ручку твою бѣлоснѣжную ножемъ своимъ разбойничьимъ, но на мѣсто бусъ-то у тебя откуда ни взялись, а явились еще лучшія, ручка-то зажила скорехонько, только напугалась сильно твоя душенька; за то ужь за голую башку этого урода, родитель твой батюшка положилъ цѣну велику,—найдутъ, такъ ужь небось пораспетляютъ добрымъ порядкомъ мошенника этого, супостата заклятаго, не миновать ему... такъ раскудахталась было болтливая старуха.

— Да полно, перестань няня, какая ты говорливая; вмѣсто того, чтобы меня выслушать, ты сама ворчишь безъ умолку! — прервала ее упросительнымъ тономъ Елена.

— Да, да, ну что-жь такое, чему-жь зарадовалась такъ твоя душенька Ангельская? разскажи все старой твоей нянюшкѣ, любо мнѣ слушать, когда говоришь ты слова пріятныя, любо мнѣ видѣть, когда усмѣшка отворяетъ уста твои сладкія. Особливо съ тѣхъ поръ, какъ ты стала призадумываться надъ работою своею златошвейною, я все ужь и думаю, не черный ли глазъ чей взглянулъ на тебя, чтобъ ему!...

— Ахъ не брани его, у него точно черные глаза! — сказала испуганная Елена, схватя за руку няню свою, декламировавшую съ жаромъ.

— У кого это? — спросила удивленная старуха, пристально вперивъ глаза въ питомицу свою.

— У моего суженаго... произнесла стыдливо прелестная дѣвушка, застилая рукой зардѣвшееся лицо свое.

—У суженаго, твоего суженаго, залилась опять еще болѣе удивленная няня: да кто это, да развѣ ты знаешь его, да развѣ ты о прошлыхъ святкахъ видѣла, дождалась его въ гаданьяхъ своихъ, или во снѣ вѣщемъ? И ты ничего не молвила нянѣ своей, которая такъ горячо любитъ тебя, которая пестала тебя на рукахъ своихъ, съ малолѣтства до сихъ поръ, или ужь ты перестала любить меня? Пришлось мнѣ горькой потерпѣть на старости лѣтъ, Богъ же съ тобой— говорила няня всхлипывая отъ слезъ.

— Да что ты безвинно упрекаешь меня словами обидными?— сказала Елена сама прослезившись: я вѣдь тебѣ и хотѣла теперь все высказать, но ты сама мнѣ мѣшала не допуская разсказать.

— Ну разскажи же, разскажи, моя крошечка все безъ утайки. Ахъ ты моя родная, не даромъ же въ прошлую ночь я видѣла во снѣ, будто бы...

— Ну вотъ ты опять свое, прервала ее Елена. Что мнѣ до твоихъ сновъ, я разскажу тебѣ, что было на яву, но ты все мѣшаешь, эдакъ я не дождусь конца твоихъ разсказовъ, ни ты начала моихъ; лучше пойду да соберу моихъ дѣвушекъ и начну имъ съ радости разсказывать все, что лежитъ у меня на сердцѣ, а ты ужъ не пеняй на меня — когда сама виновата. Прощай, а то опять съ тобой заплачешь.

— Нѣтъ, замолчу, замолчу, отсохни языкъ не пикну ни слова!—говорила старуха, удерживая Елену.

— Ну прошу же тебя не прерывай меня бо-

лѣе, а то право уйду и ты ни чѣмъ меня не выкликнешь къ признанію.

— Молчу, матушка, молчу, не проронюю ни словечка.

— Въ Троицынъ день, въ самые полудни, — начала Елена опять прервавъ ее, — возвратясь отъ обѣдни, помнишь ли я жаловалась на головную боль отъ жару, который утомилъ меня въ Успенскомъ Соборѣ отъ множества народа; ты обвязала мнѣ тогда голову полотенцемъ, намоченнымъ какой-то нашептанной водой и перекрестивъ уложила въ постель, а сама и ушла изъ моей свѣтлицы, чтобъ дать мнѣ успокоиться. Кровь моя была въ такомъ волненіи отъ продолжительныхъ горѣлокъ, бывшихъ наканунѣ того дня, что я никакъ не могла заснуть, сколько разъ не замыкала глазъ. Вотъ мнѣ и стало скучно, даже жутко одной; что дѣлать? идти къ батюшкѣ, его не было дома и онъ не велѣлъ себя дожидаться къ обѣду, потому что еще изъ церкви пошелъ трапезовать къ князю, я и кликнула тебя, но ты не откликаешься, я вскочила и побѣжала искать кого нибудь изъ домашнихъ нашихъ, пробѣжала образную, дѣвичью, сѣни — нѣтъ ни души, я сошла съ лѣстницы и мнѣ послышался чей-то голосъ въ саду.

— Ну какъ же, родная, помню, помню, а я спала тогда въ чуланѣ такъ крѣпко, да еще заперлась отъ тебя, чтобъ...

— Ну вотъ и я пошла въ садъ — еще таки прервала ее Елена. — Свѣтлый день, цвѣтущія деревья и приготовленное для нашихъ игръ мѣ-

сто, родило во мнѣ желаніе начать заплетаніе вѣнковъ прежде времени; я оставила тебя досыпать твою усталость, скинула съ головы своей повязку, ибо знала, что безъ тебя некому было журить меня, скликнула моихъ дѣвушекъ, послала за подругами и велѣла нанести подъ зеленую бесѣдку всякихъ овощей и *гостинцевъ* 1) и начала подчивать всѣхъ. Послѣ мы начали свои игры, пѣли пѣсни завѣтныя, плели вѣнки цвѣточные, запускались въ горѣлки и...

— Да ужь не мало я ругала себя, знать лукавый надоумилъ меня завалиться спать, легко ли до самыхъ вечеренъ, а ты тутъ все бѣгала, рѣзвушка моя, безъ моихъ глазъ-то? Ну да кабы что попритчалось съ тобой, куда бы мнѣ дѣть свою головушку, да я бы...

— Помни же уговоръ, няня. Мы бѣгали, бѣгали, вдругъ Аннушка, моя *комнатная дѣвушка* 2), которую я услала на другой конецъ сада нарвать мнѣ душистой зари для вѣнка, прибѣжала къ намъ въ страхѣ и запинаясь разсказала, что она, услыхавши чей-то шорохъ у забора, что близъ пруда, взглянула сквозь разщелину его и встрѣла чей-то страшный, сверкающій глазъ, не вспомнилась и откинувшись назадъ, на колеблющихся ногахъ едва доплелась до насъ.

— Мать Пресвятая Богородица! воскликнула Ѳоминишна, всплеснувъ руками, ну да кабы это былъ опять бѣсенокъ Елеська! ахъ я...

— Вмигъ голоса наши замерли и руки опустились. Нѣсколько времени глядѣли мы другъ на друга, молча спрашивая: чей бы это былъ глазъ?

— Чтобъ ему ослѣпнуть! Ну чьему быть кромѣ...

— Да помолчи же, няня. Одна изъ дѣвушекъ моихъ, Настя, была всѣхъ посмѣлѣе и взялась сбѣгать туда посмотрѣть хорошенько. За ней выбралось много охотницъ, въ томъ числѣ и я всѣхъ позади. Вотъ немного не добѣжавъ до забора Настя и остановилась и ну окликать: кто дескать тутъ такой, кто смѣетъ подсматривать на потѣхи красныхъ дѣвушекъ, да еще здѣсь въ саду Тимофея Васильевича, стало быть не добрый человѣкъ? и слышимъ кто-то потихоньку отошелъ. Настя пріободрилась успѣху словъ своихъ, подошла ближе къ забору, глядь, кто-то подходитъ къ лошади, она обернулась, такая веселая и говоритъ намъ: ахъ, дѣвушки! да какой это славный молодецъ, Анпушкѣ знать привидилось, будто онъ страшенъ, однако я его проучу, прибавила она, да какъ пуститъ въ него скомканный вѣнокъ свой, тутъ подхватили другія и почали швырять въ него всякой всячиной черезъ заборъ, приговаривая: не подглядывай, не подсматривай, вотъ какъ мы спустимъ на тебя лихихъ собакъ, онѣ и отрызутъ тебя до косточки, а онъ и засмѣялся; вотъ и меня взяла охота взглянуть на него. Трепеща всѣмъ тѣломъ, подхожу, оперлась на заборъ, хотѣла взглянуть и— ты помнишь недавно ночевалъ у насъ въ саду какой-то бѣглый, еще его приказалъ изловить батюшка, а онъ искусно скрылся, сломавъ заборъ; доски были кой-какъ складины, какъ я оперлась и покатилась вмѣстѣ съ ними. Незнакомецъ, сѣвши было уже на лошадь, тотчасъ со-

скочилъ, дѣвушки перепугались отъ его движенія и разбѣжались, думая что онъ приближается мстить за ихъ проказы, а я ужь и не помню, какъ очутилась въ его рукахъ. Онъ поднялъ меня и я думала увидѣть себя въ когтяхъ чудовища, которое примется душить меня, зажмурилась, закричала—но бывъ ободрена пріятнымъ голосомъ его—взглянула...

— Ахти мои батюшки, какъ только тебя Господь помиловалъ, легко ли это, была въ рукахъ какого нибудь серванца, висѣльника!

— Нѣтъ, няня, я увидала себя въ объятіяхъ прекраснаго молодца и лишь только взглянула на него,—сердце мое такъ и взорвалось выпрыгнуть къ нему, а онъ такъ нѣжно, такъ заботливо спросилъ у меня: не ушиблась ли ты, Елена Тимофеевна? Я изумилась еще болѣе, почему онъ знаетъ имя мое,—а онъ, пользуясь моимъ нѣмымъ удивленіемъ и замѣшательствомъ, наговорилъ мнѣ много привѣтливыхъ словъ, изъ которыхъ я поняла то, что онъ любитъ меня болѣе жизни, и еслибъ было можно, желалъ бы быть вѣчно неразлучнымъ со мною; потомъ спрашивалъ меня, люблю ли и я его? Я сказала, что мнѣ не за что его не любить, что онъ такой вѣжливый и еще что-то; вѣрно слова мои ему понравились: онъ держалъ мою руку и поцѣловалъ ее, послѣ прикоснулся къ губамъ моимъ и такъ сильно, такъ горячо, какъ будто обжегъ меня.

— Какъ ужъ и до губъ-то дѣло дошло, ну еще что, ахти, родные мои, ну что если бы уви-

дали добрые люди, что дочка перваго боярина княжескаго милуется съ какимъ-то бродягою, и это все я, окаянная, виновата, при моихъ глазахъ не подойти бы ему, не коснуться бы до тебя,—и бы...

— Да полно же, няня, эдакъ я никогда не доскажу. Все, о чемъ я тебѣ говорила, сдѣлалось въ одну минуту, ибо когда дѣвушки подкрадывались освѣдомиться обо мнѣ, онъ уже тронулся ѣхать и оглядывался такъ умильно на меня. Что съ тобою было, что такое случилось? осыпали меня подруги мои вопросами. Ничего, ничего, отвѣчала я имъ разсѣянно. Отъ чего это нянюшка: предъ тѣмъ мнѣ хотѣлось веселиться, а послѣ того случая стало такъ скучно, грустно, что хотѣлось выплакать всѣ глаза. Я сыскала опять ту повязку, которую ты мнѣ надѣла на голову, прокралась мимо дѣвушекъ въ свѣтлицу, тамъ уткнулась поглубже въ подушки, чтобъ не слыхать звонкихъ пѣсенъ подругъ моихъ, раздирающихъ душу, лежу, а уснуть не могу; зажмурюсь ли, открою ли глаза, все вижу его какъ онъ наклонился поцѣловать меня, все слышу какъ онъ...

— Знать онъ колдунъ проклятый, вѣдь обвелъ словно нечистой силой, знать онъ заговорилъ тебя къ себѣ, что...

— Нѣтъ, онъ только и говорилъ мнѣ, что любитъ меня много. Я слышала, какъ ты входила ко мнѣ и нарочно притворилась спящей, чтобъ ты не зазвонила въ ушахъ моихъ своими прибаутками и распросами, у меня и такъ тер-

пѣнія не стало. Ну вотъ, кой-какъ дотянулся день—насталъ и прошелъ другой, третій, я ужъ начала нѣсколько отвыкать думать объ немъ, прошла недѣля и въ тотъ же день спустя ея прошествія, какъ мы видѣлись съ нимъ, въ тотъ же часъ, я вышла на крыльцо, гляжу въ садъ, на улицу, выйти никуда нельзя было, потому что моросилъ дождикъ, гляжу — сердце и обмерло, онъ ѣдетъ весь мокрый, а самъ глазъ не отводитъ съ нашего дома, а особливо съ верху, гдѣ моя свѣтлица, завидѣлъ меня, хоть было и далеко, однако поклонился такъ низко, послѣ черезъ недѣлю опять въ то же время проѣхалъ онъ, и такъ продолжалось нѣсколько разъ. Однажды, вотъ ужь въ послѣдній разъ, онъ разговорился со мною черезъ заборъ, спрашивалъ многое, не упомню всего, потомъ просилъ, чтобъ я его поцѣловала, еще чтобъ...

— Мало ли чего, да какъ ты увертывалась отъ глазъ-то моихъ, какъ меня попуталъ?...

— Сейчасъ кончу, няня, послѣ говори сколько хочешь. Однажды батюшка, увидавъ меня задумчивою, позвалъ къ себѣ и спрашивалъ: что это такое значитъ? Я молчала, признаться что-то боялась, а солгать не смѣла; наконецъ онъ и спросилъ меня: хочу ли я съ нимъ разстаться? Я заплакала и сказала, что не хочу. Ну, а ежели я отдамъ тебя замужъ? сказалъ онъ цѣлуя меня. Я опять отвѣчала, что не хочу, вспомнивъ о незнакомцѣ, а батюшка продолжалъ, что выбралъ уже мнѣ достойнаго жениха, сына знатнаго боярина, что мой суженый разуменъ и красивъ,

имѣетъ такой-то ростъ и окладъ лица, такіе-то черные глаза, ну вотъ точно мой... ну тотъ-то, что его зовутъ Всеславомъ, я не дала докончить и вскликнула:—знаю, батюшка, знаю его лучше васъ!—Онъ изумился, спросилъ: почему? Я и высказала ему все. Ну, сказалъ онъ, еслибъ я не былъ такъ расположенъ къ нему, то досталось бы и тебѣ и старой кукушкѣ, нянѣ твоей.

— Да что я за кукушка, ужъ мнѣ же за мою службу и другаго названія-то нѣтъ, да я...

— Послѣ обнялъ меня батюшка и сказалъ, что самъ приведетъ ко мнѣ моего суженаго, что мѣшкать не долго будутъ свадьбой,—а прежде,—да я забыла сказать: я еще-таки видѣла его и разсказала ему все съ восхищеніемъ, а онъ поблѣднѣлъ и почти молча простился со мною, сказавъ только: *я все развѣдаю*. Ахъ какъ страшно засверкали глаза его! Я такъ огорчилась его холодностію, но утѣшилась тѣмъ, что можетъ ему это не вѣрится, а когда батюшка приведетъ его ко мнѣ, о! тогда я при всѣхъ обниму его! Вотъ тебѣ моя радость, милая, вотъ тебѣ!...

— Ну, коли ужъ пришелъ часъ воли Божіей, то суженаго своего и конемъ не объѣдешь. Охъ, ты моя ненаглядная, отнимаютъ тебя у меня, да лихъ-нѣтъ, я все отъ тебя не отстану!—завопила Ѳоминишна сквозь слезы. Послѣ какъ водится, развеселилась, созвала дѣвушекъ и начала разливаться имъ въ подробныхъ разсказахъ даже съ прибавленіями, заставляя напослѣдокъ пѣть пѣсни;—да что-жъ, какую же, *подъ липою что ли?* нѣтъ, нѣтъ, не приходится, затяните-

ка свадебную. Стыдливая Елена зардѣлась, а старуха продолжала: теперь я съ эдакой радости десятка два лѣтъ какъ съ плечъ долой спихнула, — такъ и сама могу начать! — оправилась и задребезжала скрипучимъ голосомъ своимъ: *Отставала лебедушка* и проч. Всѣ дѣвушки хоромъ подхватили ее—закатились!...

Нѣтъ, лежитъ тоска иная
У тебя на сердцѣ!
Нѣтъ, кручинушку другую
Ты вложила въ мысли!

Б. Дельвигъ,

Тихій и прохладный вечеръ румянилъ уже землю предъ раствореннымъ окошкомъ Маріи; грустна и задумчива сидѣла она за пяльцами доканчивая себѣ бисерный поясъ къ воскресному дню; подлѣ нея сидѣла Надежда, донизывая головную повязку изъ стекляруса; старая Ольга также кропала что-то не далеко отъ нихъ, уткнувшись въ свою работу и временемъ пристально поглядывая на дочь. Нѣмая тишина, казалось, передвинула царственный престолъ свой въ ихъ мирную хижину изъ столицы гробовъ—кладбища, только изрѣдка ныряли мимо ихъ рѣзвушки—ласточки съ своими трелями, да перекликались порою пеночки съ малиновками, трепеща крылышками.

— Что съ тобою стало, Маша, не недугъ ли какой поселился въ тебя? Вѣдь ты на себя не похожа съ нѣкотораго времени?—спросила вдругъ Ольга Марію.—Я все думала, вотъ признаешься,

ты мнѣ, что сдѣлалось съ тобою, а ты словно ужъ отворочена кѣмъ отъ матери, не скажешь ни слова ей.

— Ничего, матушка, я, кажется, всѣмъ здорова, зачѣмъ вамъ безпокоиться обо мнѣ по пустому, — отвѣчала Марія, силясь улыбнуться, чтобъ нѣсколько оживить томные глаза свои; такъ молнія, блеснувши въ темную ночь, мгновенно разрѣжаетъ мракъ.

Опять наступило молчаніе. Маріи взгрустнулось еще болѣе, тоска сжала всю грудь ея и вытѣснила изъ глазъ слезу, которая, тихо спустившись по лицу, капнула на конецъ ея иголки и разсыпалась...

— Что это ты задумала вмѣсто бисера нанизывать слезы что ли на иглу?— опять спросила значительно Ольга дочь свою. Тутъ уже Марія не могла удержаться, склонила голову на грудь, волосы прикрыли лице ея и она зарыдала.

— Наконецъ,—сказала протяжно Ольга: кручина твоя вышла наружу и призналась мнѣ въ томъ, что ты хотѣла затаить отъ меня.

Марія продолжала рыдать въ томъ же положеніи.

— Надежда! — спросила Ольга, относясь къ ней: разскажи мнѣ обстоятельнѣе, кто этотъ незнакомецъ, какъ, вѣдь, его зовутъ-то, котораго Александръ раза два приводилъ къ намъ, и какъ онъ познакомился съ моимъ сыномъ, давно ли и для какой причины? Не думай же чего умолчать предо мной; я закляну Александра сознаться

во всемъ, тогда ужъ и ты будешь виновата въ непризнаніи,—вѣрно онъ вамъ все сказывалъ?

— Все, что я знаю объ ихъ знакомствѣ,— отвѣчала Надежда,—скажу вамъ чистосердечно: Александръ, ходивши на охоту, встрѣтился со Всеславомъ, такъ зовутъ этого юношу, онъ сынъ боярина Михаила, посадника Стародубскаго; сошедшись вмѣстѣ они преслѣдовали въ лѣсу какого-то дикаго звѣря, тогда наступала ночь, къ тому же они утомились, и Всеславъ, живши одинъ въ домѣ своемъ, упросилъ брата переночевать у него, чтобъ на другой день съ зарей выступить опять на добычу; братъ, полюбивши Всеслава за его радушіе и привѣтливость, согласился, и послѣ они подружившись условились чаще видаться. Ходя по лѣсу недавно, ихъ застигла туча, укрыться было негдѣ, а наша усадьба отстояла недалеко отъ мѣста; братъ въ свою очередь и зазвалъ товарища своего къ намъ, то есть къ собѣ, и съ тѣхъ поръ они посѣщаютъ другъ друга.

Со вниманіемъ слушала ее Ольга; когда же Надежда перестала говорить, она сказала: я сама разспрошу Александра, сама переговорю съ нимъ! потомъ обратясь къ Маріи, спросила ее строгимъ голосомъ: ты, кажется, ужь не въ первый разъ увидѣла его, когда онъ въ первый разъ еще пришелъ къ намъ, говори же правду.

— Матушка, матушка, родная моя! — вскричала Марія, бросясь предъ ней на колѣна и обнявъ ихъ—мы давно уже любимъ другъ друга... и поклялись другъ другу въ вѣчной вѣрности. Чтожъ

тутъ худаго? Вы сами сказывали, что нѣжно любили батюшку.

— Глупенькая,—произнесла Ольга, поднимая ее и отирая глаза ея отъ слезъ: давно бы тебѣ надобно было сказать мнѣ это, а теперь ты вдвойнѣ виновата: во-первыхъ, что полюбила его, не спросясь меня... можетъ быть прельстясь на сладкія слова, на красоту его; но знаешь ли ты душу-то его, что она чувствуетъ?

— Ахъ, матушка, да я не успѣла спроситься у васъ, потому что это случилось въ одну минуту, я увидала его и сердце мое такъ заколыхалось... оно дополнилось тѣмъ, чего ему недоставало. О! какъ тогда все обновилось въ глазахъ моихъ... чувствую, вотъ будто кровь, жизнь рѣзвѣе потекли во мнѣ, и все засвѣтлѣло, все освѣтилось предо мной!... Такъ выражалась невинная дѣвушка изъ полноты души своей, получившая не изъ романовъ, а отъ любви вдохновеніе чувствъ. Прекрасные вѣка необразованія, какъ прекрасны и счастливы были питомцы вами, взлелѣянные вами на лонѣ матери—природы!

— Полно, полно, — прервала ее мать: этотъ свѣтъ, который кажется тебѣ такимъ яркимъ, не заведетъ тебя ни къ чему доброму. Ну, подумай сама: можетъ ли Всеславъ быть тебѣ суженымъ? Соизволитъ ли родитель его на вашъ бракъ? Да и можешь ли быть довѣрчива къ юношѣ, который, не испытавъ себя, уже клянется въ вѣчной любви? Да и ты сама...

— Матушка! зачѣмъ вы такъ зловѣщи, я не могу, я не умѣю иначе владѣть собою, какъ не

любить его сильно, да и не привыкну думать, чтобъ онъ не отвѣчалъ мнѣ тѣмъ же; конечно, я грустна, но это отъ того, что не вижу его, не могу еще назвать своимъ; я чувствую, что начинаю жить снова и не понимаю, что это такое, что самыя слезы сладки для меня, они будто стираютъ съ сердца злую кручину, и какъ будто отдохнешь...

— И меня надобно было бы назвать глупою на старости лѣтъ, еслибъ я согласилась слушать молодыя бредни твои!—прервала ее опять мать. Отнынѣ навсегда запрещаю тебѣ не только видаться съ нимъ и говорить о любви да о вѣрности, даже запрещаю и думать объ немъ!

Напрасно цѣлуя руки матери и склоня лице свое, омоченное слезами, на колѣна ея, рыдала Марія, умоляя смилостивиться надъ ея чувствами, Надежда также истощала всѣ просьбы, но Ольга осталась непреклонною.—Что подумаютъ о насъ,—говорила она: мужчина не въ видѣ жениха, но любовника ходитъ въ тотъ домъ, гдѣ живетъ его любезная, да я лучше зарою тебя живую въ землю!

— Нѣтъ, матушка, не живую!—возразила Марія—скоро дождетесь вы!... Болѣе она не могла выговорить отъ удушающихъ ее рыданій и упала на руки къ строгой матери своей съ поникнутою головою.

ГЛАВА II.

Свиданіе. — Ссора кумовьевъ.—Объясненіе.—Сонъ Маріи.

Не смѣя никого обнять,
На чьей нибудь забыться груди,
Мнѣ страшно думать, грустно вспоминать,
Онѣ вѣдь люди!

Р—въ.

Одиноко и задумчиво сидѣлъ Всеславъ въ гридницѣ своей, устремивъ взоры въ отворенное оконце, откуда развертывались предъ нимъ живописныя мѣста еще *малозаселенной Москвы* 3); недалеко отъ него виднѣлись сады бояръ, убранные стройными подсолнечниками, перевѣшивающими цвѣтистыя головки свои за заборъ и пунцовыми гирляндами мака; вдали рисовались рощицы густыми букетами, окудрявленныя мелкими кустарниками какъ опушкою; наконецъ еще далѣе высились царственные исполины—*горы Воробьевы* 4), уиравшіяся теменемъ своимъ въ облака, какъ бы поддерживая сводъ небосклона, онѣ стояли

въ зеленыхъ вѣнцахъ; изъ луговъ и долинъ—коронованныя позлащеніемъ вечерняго солнца, и представлялись обширнымъ и великолѣпнымъ амфитеатромъ, — кое-гдѣ по бокамъ и хребту ихъ лѣпились хижинки, а у подножія блистала Москва-рѣка, растягиваясь серебряною лентою между бѣлопесчаныхъ береговъ своихъ, облегающихъ ее какъ бахрамою.—Ландшафтныя красоты природы сильно увлекли его душу къ мечтаніямъ и онъ задумался еще болѣе. Онъ только что возвратился домой съ голубой долины печальнымъ: уже сколько дней не видавши тамъ Маріи въ условленное время, онъ не зналъ чему приписать ея скрытность. Тысячи разныхъ думъ налегали на грудь его попеременно: „любитъ она меня? понимаетъ ли мою любовь? вѣритъ ли ей? не увлекъ ли ее неопытность чей нибудь взоръ коварнѣе моего? и Александръ, мрачный Александръ, не появляется болѣе ни на охотѣ, ни на вечернихъ прогулкахъ. Не догадался ли онъ о возникающей любви между мною и сестрою своею и не хочетъ ли прекратить знакомство наше, чтобъ тѣмъ подавить и зародышъ любви? не въ заговорѣ ли онъ съ матерью своею, чтобъ общими силами довести беззащитную Марію до отчаянія?— не наклеветали ли ей на меня? — люди злы, завистливы!“ — Всего надумался онъ; но что можетъ сдѣлать раздука тѣмъ, кто любитъ кого сильно, чье сердце забьется такъ сильно отъ первой встрѣчи и до послѣдняго вздоха существованія?—Таковъ порывъ вѣтра: онъ не потушитъ пожара, но раздуетъ его еще болѣе. Слеза дро-

жала уже на рѣсницѣ Всеслава, въ уныломъ раздумьѣ чувствъ — грудь его не разъ уже волновалась отъ вздоховъ, — вдругъ послышался рокотъ въѣхавшей повозки на дворъ его, устланный камнями — и Всеславъ, вышедъ посмотрѣть на пріѣзжихъ, встрѣтилъ Михаила, отца своего, сопровождаемаго Ѳеодоромъ и Анною. Какъ ни сильна бываетъ горесть души, но свиданіе и притомъ неожиданное, съ родными, застилаетъ ее на время радостью бнотрою и наслади тельною; таковы цвѣты, покрывающіе могильный дернъ — они и завянуть — увлекутся вѣтромъ и обнаженная насыпь останется въ томъ же видѣ!

— Батюшка! — „Сынъ мой! — Братъ! — Сестра!“ всѣ сіи восклицанія слились въ одно произношеніе голоса, объятія и поцѣлуи продолжались нѣсколько минутъ въ нѣмой выразительности, наконецъ Михаилъ сказалъ:

„Что это? Я замѣтилъ, кажется, слезы на глазахъ твоихъ, любезный Всеславъ, при моемъ вшествіи сюда?“

— Это, батюшка, отъ радости — видѣть васъ нечаянно съ собою, — отвѣчалъ Всеславъ.

„Отъ радости, что прошла горесть, конечно; но мнѣ то-то и хочется знать, какая горесть выжала нѣсколько слезъ изъ глазъ твоихъ?“

— Что вы, батюшка, такъ мнительны о мнѣ? — произнесъ Всеславъ смутившись.

„Мой долгъ, долгъ всякаго отца вынуждаетъ требовать откровенности отъ сына. Послушай, любезный Всеславъ, мы теперь здѣсь всѣ свои и я тебѣ первый подамъ поводъ къ откровенности:

бывши отъ тебя далеко, ужъ я слышалъ отъ вѣрнаго человѣка, что ты начинаешь задумываться о чемъ-то, не скоро и невнятно отвѣчаешь на вопросы спрашивающимъ тебя о чемъ нибудь, предаешься какой-то разсѣянности даже во дворѣ Князя, да я и самъ вижу тебя совсѣмъ перерожденнымъ. Гдѣ свѣжесть лица твоего? гдѣ этотъ огонь, который искрился всегда въ выразительныхъ глазахъ твоихъ? — Блѣденъ — какъ осенній туманъ, вялъ—какъ чахлый репейникъ,— сынъ мой! я не узнаю тебя, не узнаю тотъ корень, который выдалъ изъ себя эти отпрыски. Я знаю припадки твоей кручины, ты плачешь и я увѣряюсь еще болѣе. Будь же ясенъ и открытъ предъ отцомъ своимъ, какъ солнце предъ всѣми, я приму всѣ тайны довѣрчивой души твоей, и онѣ замрутъ въ моей душѣ, недоступней ни чьему выклику. Скажи мнѣ, кого ты любишь?

Совсѣмъ не ожидая такого вопроса, Всеславъ смутился еще болѣе.—Кого я люблю, батюшка,— отвѣчалъ онъ,—вамъ извѣстно!...

„То-то и есть, что неизвѣстно!“ прервалъ его Михаилъ. „Да ты и самъ неизвѣстенъ о томъ, кто кажется для тебя милѣе всего на свѣтѣ, кого считаешь ты лучшимъ перломъ въ сокровищницѣ блаженствъ твоихъ, которыхъ надѣешься достичь въ жизни. Бойся вдаваться этому увлекательному чувству, оно гибельно, если выборъ будетъ несчастливъ, жестоко уязвятъ тебя терновыя занозы любви; поди ко мнѣ, обними отца своего, я самъ поплачу съ тобою и послѣ мы вмѣстѣ утѣшимся; только дай Богъ, чтобъ эти

слезы смыли совершенно съ сердца твоего черное пятно грусти!“ И въ самомъ дѣлѣ Михаилъ прослезился, а Всеславъ плакалъ на взрыдъ; когда же они нѣсколько успокоились, то Михаилъ, собравшись съ собою, опять началъ: „ужъ давно я имѣлъ въ намѣреніи оцвѣтить твою участь счастливымъ супружествомъ. Понимаешь ли ты этотъ новый родъ жизни? Шагъ рѣшительный, но часто опасный, но я растолкую тебѣ о семъ, когда ты будешь гораздо ближе къ этой мѣтѣ; теперь же скажу только то, что я давно уже условился съ добрымъ моимъ сотоварищемъ по жизни и службѣ, соединить тебя съ его дочерью и въ скорости приступить къ обрученію вашему. Я самъ выбралъ тебѣ суженую и потому не хвалю ее, ты самъ лучше оцѣнишь ея достоинства душевныя тѣлесныя; ты скоро долженъ приготовляться ѣхать къ ней съ дарами въ качествѣ жениха. Я думаю, ты слыхалъ о красотѣ ея, о богатствѣ же я не говорю, это послѣдній цвѣтокъ въ неувядаемомъ вѣнкѣ женскихъ добродѣтелей; суженая твоя—дочь боярина Тимоѳея—Елена!“

Вспомнивъ разговоръ свой съ старымъ слугою Аѳанасіемъ, вспомнилъ Всеславъ и объ Еленѣ.—Батюшка!—сказалъ онъ: я точно слышалъ о ней живописные разсказы, красота ея расплавила даже черствое сердце нашего Аѳанасія.

„Теперь я вижу“ отвѣчалъ Михаилъ. „что не она вдохнула въ душу твою чувство нѣжности; но ты самъ не видалъ ее, слѣдовательно и не можешь говорить зазорно и насмѣшливо; не зная людей, остерегайся обижать ихъ и даже мнѣні-

ями. Теперь хочу я знать, ктожъ такова твоя?..“ началъ было Михаилъ, принявъ на себя важный видъ.

— Да развѣ я говорилъ вамъ, батюшка, что имѣю кого, да хотя бы и имѣлъ, зачѣмъ мнѣ знать сторонніе обстоятельства ея происхожденія, когда она уже знакома душѣ моей, всѣ мы дѣти одной природы. Зачѣмъ, — прибавилъ онъ съ жаромъ, — розыскивать мнѣ, отъ какого сѣмени развился цвѣтокъ и кѣмъ взлелѣянъ онъ, когда любуюсь красотою его и вдыхаю благовоніе; не отъ одного ли солнца происходятъ лучи, заботливо нѣжащіе и нарядную розу и скромную фіалку; не одна ли земля...

„Постой, не распространяйся!“ прервалъ его въ свою очередь Михаилъ. „Твои сужденія здравы, ты цѣнишь достодолжно невинность и добродѣтель, но можешь ли знать то въ самой сущности; и на прекрасномъ цвѣткѣ ползаетъ паукъ, разстилая тенета свои, и изъ вкуснаго плода можно высосать ядъ мертвящій; помни же это. Но ты опять приготовляешься плакать, это знакъ раскаянія; одумайся же хорошенько и постарайся отвѣтить заботливости отца твоего. Прощай! всѣмъ намъ нужно успокоеніе“, сказалъ онъ обнявъ Всеслава и вышелъ въ сопровожденіи Анны и Ѳеодора.

— Вотъ — подумалъ Всеславъ оставшись одинъ — предчувствія мои сбываются; отецъ не согласился на мое счастіе, потому что не почитаетъ его надежнымъ. Старики, старики! виноваты ли мы, что въ васъ вымерзли всѣ чувства нѣжности?

Видно вы забыли, что сердце не повинуется холоднымъ уставамъ разсудка; — такъ наслышанъ былъ онъ о любви и могуществѣ ея, а теперь и самъ испытывалъ вполнѣ ея силу.

Наступилъ другой и третій день пріѣзда Михаилова, и Всеславу нельзя было отлучиться ни на минуту отъ отца своего; наконецъ Михаилъ, отдавъ подробный отчетъ Князю въ дѣлахъ своихъ и бывъ имъ обласканъ, уѣхалъ, заповѣдуя опять Всеславу внимательно подумать о разговорѣ ихъ и обѣщаясь не замедлить увидаться съ нимъ.

Упрекая самъ себя, Всеславъ радовался отъѣзду его и вздохнувши свободнѣе, помчался къ пристани любви своей: скоро вдали зачернѣлся предъ нимъ Сокольничій боръ, и душа его просвѣтлѣла; съ поспѣшнымъ нетерпѣніемъ проскакивалъ отъ стѣны деревъ, достигая знакомаго мѣста, которое бывало уже нѣсколько разъ пріютомъ для любовниковъ. Вотъ развернулась глазамъ его и голубая долина, онъ объѣжалъ ее кругомъ, вызывая тихо Марію, но ея не было; грусть опять закралась въ его сердце и онъ остановился; обводя взорами окружныя мѣста, примѣтилъ онъ на курганѣ, на который часто взбирался встрѣчать взорами шествіе своей Маріи, сидящаго человѣка, и взошедъ туда нашелъ Александра, неподвижно устремившаго взоръ въ безбрежный океанъ горизонта. Всеславъ обрадовался и ему, подкравшись тихонько обнялъ онъ его сзади и радостными глазами смотрѣлъ на его изумленіе.

„А, это ты, Всеславъ, здравствуй!“ произнесъ сухо Александръ.

— Здравствуй, милый мой! — отвѣчалъ Всеславъ.—Давно я не видалъ тебя, давно я порывался обнять тебя, но не могъ до сего времени. Что это ты печальнѣе обыкновеннаго? Можетъ ли дружба требовать отчета у чувствъ твоихъ? Здоровъ ли ты, здорово ли твое милое семейство?...“

„Знаешь ли ты, Всеславъ, что чувство дружбы часто уступаетъ и нѣмѣетъ предъ другимъ чувствомъ, сильнѣйшимъ его?“

— Никогда не понималъ я тебя совершенно, но теперь еще болѣе не понимаю; — вразуми меня.

— „А я такъ понялъ тебя, неопытный юноша, я проникъ тебя, твои чувства и душу — не занавѣшивай же ее личиною!“ прервалъ его Александръ.

— Ты понялъ меня и сомнѣваешься въ благородствѣ чувствъ моихъ что ли? — воскликнулъ Всеславъ въ негодованіи. — Докажи, можешь ли ты въ чемъ обвинить меня, обидѣвъ уже взоромъ и голосомъ упрека, — право не знаю, что удерживаетъ меня, другому тотчасъ бы далъ я извѣдать, холодна ли сталь меча,—сказалъ онъ схватясь за рукоятку онаго.

„Не къ обидѣ еще клонится рѣчь моя!“ возразилъ хладнокровно Александръ. „Я хочу еще тебя спросить; откровенно ли ты выскажешь все, что у тебя на сердце, а тамъ посмотримъ — можетъ

быть тебѣ придется защищаться, а не нападать“.

— Готовъ хоть сію минуту! — вскричалъ Всеславъ, обнаживъ до половины свой мечъ.

„Постой, началъ опять хладнокровно Александръ: береги свой пылъ до случая, прежде выслушай меня: ты любишь, я знаю кого, правда ли это? отвѣчай мнѣ чистосердечно; куда влечетъ васъ любовь эта? ну, говори!“ продолжалъ страшнымъ голосомъ Александръ и глаза его, внимательно устремленные на Всеслава, вспыхнули и запылали гнѣвомъ.

—Такъ этого-то признанія вытребовалъ ты у меня?—произнесъ Всеславъ успокоеннымъ тономъ.— Да, я люблю Марію и готовъ отвѣчать всякому бездушному свидѣтелю любви моей, словомъ и дѣломъ, мечемъ и копьемъ—выбирай что хочешь!— произнесъ онъ твердо.

Внимательно смотрѣлъ на него Александръ, не сводя глазъ, какъ бы хотѣлъ проколоть его насквозь испытующимъ взоромъ и выглядѣть въ немъ всю душу; но открытая и благородная физіономія юноши, спокойный и важный взоръ, которымъ отвѣчалъ на взглядъ Александра, дали ему вызнать и благородство души Всеслава, „ты добрый юноша“ сказалъ Александръ: „или природа лукавая обманщица — чего я не налѣюсь; обними меня, я теперь болѣе уважаю тебя, чѣмъ люблю“. Всеславъ обвилъ его своими руками и высказалъ ему все начало и продолженіе любви своей, а Александръ въ свою очередь разсказалъ ему, что мать его выспросила все у Маріи, и—

„не упрекай ее“ прибавилъ онъ, „за то, что она запрещаетъ вамъ видѣться; она мать, честь ея дочери нужнѣе для нея жизни, ибо она не знаетъ, какой конецъ будетъ имѣть любовь ваша, да и то же совѣтую тебѣ испытать себя. Я любилъ не менѣе тебя“ сказалъ онъ, тяжко вздохнувъ: „и около моего сердца вилась змія прекрасная, но она ужъ высосала изъ него всѣ чувства, охладивъ его мертвымъ забвеніемъ — не вѣрь, продолжалъ онъ: ни ей, ни себѣ, а разсмотри; сколько цвѣтовъ извивается на скользкой шеѣ змѣи—подумай-ка, червь времени источитъ и твои чувства, но если крылья его подожжетъ пламень твой, чтобъ онѣ не задѣли, не сдернули того прикрытія, подъ которымъ таится твоя будущность,—тогда позавидую тебѣ и скажу: счастливый юноша! ты все выдержалъ, все побѣдилъ — въ противномъ же случаѣ ты не минуешь моей участи“...

— Полно, полно — страшный вѣщунъ!—прервалъ его Всеславъ зажимая ему ротъ:—ты хочешь закабалить меня подъ холодный гнетъ оковъ безжизненной души твоей, или лучше сказать ледника, — отъ дыханія котораго я и такъ содрагаюсь.

Александръ молча взглянулъ на него, но обнялъ съ участіемъ и каждый возвратился домой задумчивѣе прежняго.

Сколько думъ навелъ мнѣ онъ,
Мой зловѣщій страшный сонъ.

„Ну вотъ, кума, сбываются наши думушки„?

говорилъ Аѳанасій Ѳоминишнѣ, сидя подлѣ нея на завалинкѣ Тимоѳеева дома.

— Да еще какъ сбываются-то, какъ сонъ въ руку, — отвѣчала Ѳоминишна на распѣвъ своему куму и старому знакомцу Аѳанасію.

„Вѣдь какой непризнательный мой молодой боярин-то“, сказалъ Афанасій: „какъ намѣсь я выкладывалъ предъ нимъ красоты твоей боярышни, такъ чего, и слышать не хочетъ, еще насмѣхался надо мною: у тебя, дескать, обморочены глаза — ты дальше носа не разсмотришь — да и не вѣсть что.

— Моя-то скромница какова!—разсыпалась Ѳоминишна въ разсказахъ и начала ему перетолковывать въ десятый разъ признаніе своей боярышни.

„Да полно трещать-то!“ прервалъ ее Аѳанасій, не имѣя силъ дотерпѣть ея разглагольствованіе и не видя конца ему; „я ужъ слышалъ отъ тебя не разъ эти вѣсти, ну что за диковинка слушать все старое да старое, да еще отъ старой“, прибавилъ онъ улыбнувшись. „Поберекаемъ-ка о томъ, какъ мы заживемъ съ тобой—когда наши господа“...

— А самъ-то будто молодой, ужъ кто бы говорилъ, да не ты, плюгавый сморчокъ, еще смѣется надъ хожатой Елены Тимоѳеевны, да меня и сама боярышня то знаешь какъ величаетъ, что тебѣ въ носъ кинется: Ѳоминишна, голубушка—а то легко ли, *обпльный холопъ* 5), да еще станетъ злоязычничать.

„Да что-жъ ты и въ самомъ дѣлѣ, не старая

ли крыса, вѣдь это правда, за что-жъ ты развор-чалась какъ сорока?“ сказалъ опять шутливый Аѳанасій, чтобъ раздразнить еще болѣе и глаза его сплюснулись поперечными лучами, а тѣло за-колыхалось въ сильномъ смѣхѣ.

Ѳоминишна завопила опять писклявымъ голо-сомъ несчетными ругательствами на обидчика своего, и можетъ быть вцѣпилась бы въ него, ибо была близка къ тому, быстро плавая руками по воздуху въ разныхъ позиціяхъ около головы его, такъ что единственный пучокъ волосъ Аѳа-насьевыхъ началъ раздуваться какъ флюгеръ, и онъ насилу удержалъ ея вопли и разлеты рукъ. „Да полно же“ говорилъ онъ: „Прасковья Ѳоми-нишна! чтимой нянюшкѣ боярской не довлѣетъ такъ озарничать, вѣдь я пошутилъ, угомонись же-прости меня“.

— Ну то-то же, — сказала отдохнувши и от-кашливаясь Ѳоминишна—обидѣть не долго.

„Послушай же, красавица моя“ началъ опять Аѳанасій: „вотъ что мнѣ не понятно: боринъ мой что-то все перекорялся съ батюшкой своимъ, когда тотъ въ другой разъ пріѣзжалъ въ Москву, и отклепывался, будто никогда не видывалъ твоей боярышни, когда старый боринъ уличалъ его ласками признаться, какъ онъ съ ней познако-мился, да еще прибавилъ: „по мнѣ все равно, знаетъ она меня или нѣтъ!“

— Ахъ онъ беззаконникъ, да слыхано ли, да видано ли, обманывать такъ, да кого же, роди-теля—кормильца своего, да еще такъ отзываться о честной боярышнѣ; что мнѣ, дескать, все рав-

но; жаль, не знала я того, когда былъ у насъ Михаилъ Ростиславичъ, твой старый бояринъ, я бы дала ему себя знать, а то эко дѣло, будто ужъ лучше его сынка и жениховъ-то въ Москвѣ нѣтъ!

„Да конечно-ста нѣтъ, подика поищи! отвѣчалъ обидясь Аѳанасій: „вѣдь и мы не навязываемся“.

— Такъ провалитесь же вы со всѣмъ домомъ своимъ и намъ васъ не надобно! — закатилась опять Ѳоминишна.

„Никшни!“ вскричалъ Аѳанасій: „вонъ видишь пробирается мой молодой бояринъ; укроемся-ка, да поглядимъ за нимъ, въ какую лазейку проскакиваетъ онъ къ твоей боярышнѣ!“

Въ самомъ дѣлѣ Всеславъ шелъ понѣся голову мимо Тимоѳеева терема и поровнявшись съ онымъ, даже не взглянулъ на него; кумовья, выглядывая изъ засады своей, изумились и уставились другъ на друга пристально, не зная что подумать о семъ.

Между тѣмъ Всеславъ бродилъ по городу, ожидая съ нетерпѣніемъ вечера; душно ему было дома какъ сироткѣ дышать одинокимъ воздухомъ, и вотъ уже багряный закатъ солнца отцвѣтился предъ нимъ огнистою полосою, на парусахъ поспѣшности помчался онъ къ мѣстамъ — свидѣтелямъ восторженной любви своей. Вечеръ тихо спускался на зарумяненную землю и скоро уже мракъ ночной началъ расширять свои крылья, но никого не было. Всеславъ хотѣлъ было пробраться въ усадьбу, чтобъ хотя издали отыскать взо-

ромъ Марію, вдругъ что-то зашевелилось въ отдаленіи, а такъ какъ неблизкіе предметы залиты были совершенно мглою, то Всеславъ отгадалъ сердцемъ, а не взорами приближающихся къ нему. Онъ укротилъ шествіе чьихъ-то двухъ фигуръ, бросясь къ нимъ на встрѣчу,—одна была Надежда, которая, завидя Всеслава, отошла въ сторону, чтобъ дать любовникамъ свободу въ радостномъ свиданіи, а другая — Марія, робкими стопами пробирающаяся къ своему любезному.—„Милый другъ, насъ разлучаютъ!“ вскричали они оба въ одинъ голосъ. Всеславъ одною рукою охватилъ станъ ея, а другую склонилъ ей на плечо, она обвилась около шеи его и прильнула къ нему.

— Нѣтъ—насъ не разлучатъ; мы обойдемъ всѣ козни вражескія и соединимся, такъ ли думаетъ твоя Марія? говорила молодая дѣвушка съ невинною довѣрчивостію, вперивъ умильные глазенки въ своего любезнаго.

„Другъ мой!“ сказалъ Всеславъ въ восхищеніи чувствъ, крѣпко сжимая ее въ своихъ объятіяхъ: „я все знаю, но ничего не страшусь. Пусть люди и судьба надвигаютъ горы препятствій между нами, любовь окрылитъ меня, и перешагну черезъ нихъ—и назову тебя моею!“

— Но твой отецъ?—возразила Марія—какъ я боюсь его.

„Хотя бы сто разъ былъ онъ мнѣ отцомъ, но запретить любить милую—это не въ его власти—я почитаю его, но чуждаюсь мыслей тщеславія какими напитана душа его — сердце мое тѣсно

вмѣстить въ себя другое божество, ты наполнила его все — другому ни чему нѣтъ мѣста въ немъ и не будетъ никогда!“

— Я сама такъ думаю и ничего не требую, ничего не молю у неба, кромѣ вѣчнаго продолженія любви твоей; я, затвержу, я привыкну знать всѣ желанія твои, сердце мое будетъ утолять жажду ихъ—всѣ блаженства, всѣ наслажденія жизни сольются для тебя въ поцѣлуй любви и дни наши потекутъ рѣзво и мирно. О! тогда мы безъ содроганія подвинемся къ могилѣ, только въ ней укроемъ наши существа—но души будутъ и тамъ любоваться другъ другомъ...

„Безцѣнная, несравненная моя!“ говорилъ Всеславъ, упоенный восторгомъ: „какъ ты плѣнительна, въ ликѣ ангела зрю я тебя,—вдохновенная свыше сіяешь ты—какъ въ лучахъ!—о! кто лишитъ меня этого сокровища? — Кто станетъ между нами? — Непаглядная моя! мы укроемся отъ людей въ какомъ нибудь дальнемъ уголкѣ земли; на уединенномъ отрывкѣ природы будемъ лелѣять счастіе свое и тамъ будетъ у насъ небо для принятія молитвъ, болѣе мнѣ ничего не надобно: солнце буду видѣть я въ глазахъ твоихъ, пищу найду въ твоемъ сердцѣ, въ объятіяхъ твоихъ—чего же болѣе? Есть любовь, а другія блага—избытки“.

— Я чувствую—произнесла Марія умиленная словами его—что и одна минута счастливой любви насладительнѣе безжизненныхъ вѣковъ сиротства — можетъ быть мы будемъ счастливы — но сколько препонъ между нами—люди, о! зачѣмъ

они не всѣ таковы, какъ ты! —Знаешь ли, мой милый, съ нѣкотораго времени я стала пугливѣе прежняго. Недавно мнѣ привидѣлось во снѣ, будто мы съ тобой идемъ рука въ руку по зеленому лугу, солнце свѣтило такъ ослѣпительно предъ нами, вездѣ незабудки высовывали узорчатыя головки свои сквозь пушистую траву—а по бокамъ дороги, по которой мы шли, нѣжились въ росписныхъ горшкахъ прекрасные розаны—вдали же раскидывалась долина еще прелестнѣе, посреди которой стояла бесѣдка, куда стремились мы отдохнуть; — недалеко отъ насъ такъ сладко журчалъ ручеекъ, что сталъ погружать меня въ дремоту—я опустилась въ твои объятія, вотъ какъ теперь же, закрыла глаза и ты поцѣловалъ меня такъ горячо, какъ будто прощаясь—я почувствовала огненное пятно, загорѣвшееся на щекѣ моей, хотѣла тебѣ отмстить тѣмъ же—прижать крѣпче къ себѣ, охватила руками—и обняла воздухъ.— Я встрепенулась! — открываю глаза, Боже мой! тебя нѣтъ—солнце померкло—закатилось—вдали глухо рокоталъ громъ и стоналъ вѣтеръ, завывая въ ущелинахъ—какъ труба Страшнаго Суда, или надгробная пѣснь;—волнистая трава подъ ногами моими огратилась въ горячую золу—незабудки исчезли, а на мѣсто ихъ выскакали какія-то иглы; горшки цвѣтовъ перемѣнились въ какія-то ужасныя рожи, кыторыя, прищурясь, смотрѣли на меня злобно; я хотѣла бѣжать—но предо мной вдругъ разступилась земля и оттуда выныряло чудовище и заслонило мнѣ дорогу— я онѣмѣла —а оно, разрастаясь все болѣе и бо-

лѣе, уставило въ меня глаза свои, страшные, раскаленные такіе, какъ волкъ вонзаетъ острые зубы свои въ овечку, расширилъ когти, двинулся броситься, я вскрикнула! — и проснулась — гляжу: матушка, наклонясь надо мною, шепчетъ молитвы, креститъ и стираетъ потъ съ лица моего, когда-жъ собралась я съ собою и разсказала ей зловѣщій сонъ мой, она испугалась и сказала: это не къ добру! Послѣ разсказывала мнѣ, какъ я металась на постели и глухо стонала — вотъ, милый мой, какое ужасное предвѣщаніе!

„Не бойся ничего другъ мой!“ сказалъ Всеславъ, заботливо утѣшая ее: „мы все отстранимъ, Богъ и природа за насъ, скоро будетъ перемѣна всему и тогда...“ но она не понимала къ чему клонились слова его. „Пора Маша“, сказала вдругъ подошедшая къ нимъ Надежда. „Ахъ! я и забылась!“ вскрикнула вздрогнувши Марія. „Время невидимкой прошло, такъ бы и вся наша жизнь протекла, еслибъ мы были неразлучны!“ Любовники молча сжались губами и объятіями. Всеславъ надѣлъ ей на руку кольцо свое и они разстались, разойдясь въ разныя стороны и оглядываясь нѣсколько разъ другъ на друга.

ГЛАВА III.

Собраніе и разсказы русской дружины при полнолуніи. Изумленіе. Убійства. Краткій обзоръ тогдашнихъ дѣлъ въ Россіи.

Гдѣ бѣда грозитъ клюкой,
Тамъ хранитель—Ангелъ твой.

Въ третій разъ уже собрались ловчіе и отроки княжескіе у семи дубовъ, при полнолуніи, подъ предводительствомъ Всеслава, чинить заговоры на враговъ своихъ—татаръ, число ихъ съ каждымъ собраніемъ умножалось.—Мѣры, предпринимаемыя ими, были отважны, но обдуманны, хотя по большей части юноши сочиняли проекты къ сему, имѣя камень основанія — любовь къ отечеству и месть къ врагамъ его. Цѣль ихъ была собирать болѣе и болѣе приверженцевъ къ себѣ, но не иначе, какъ по надлежащемъ испытаніи въ вѣрности и храбрости; нѣкоторые изъ нихъ осторожно наблюдали за поведеніемъ татаръ въ Москвѣ, и сносясь вѣстями въ условленное время, разсуждали о семъ; нѣкоторые же

были усланы въ родѣ гонцовъ во всѣ удѣльныя княжества возбуждать къ общему возстанію на общихъ тирановъ послѣ же, найдя себя довольно сильными къ мятежу, припасть къ ногамъ Великаго Князя и молить его вести ихъ на враговъ —и только бы онъ согласился, вспыхнуть во всѣхъ концахъ Русской земли и вытѣснять, и бить нещадно всѣхъ татаръ, находящихся въ сердцѣ Россіи. Все споспѣшествовало къ развитію близкаго мятежа—изъ всѣхъ мѣстъ неслись радостныя вѣсти объ умноженіи патріотовъ;—наступала осень и отложено было исполненіе сего до Новаго года, чтобъ собраться съ совершенными силами и дать рѣшительный ударъ монгольцамъ или принять самимъ обновку времени —будущаго.

„Ну, что новаго?“ спросилъ Всеславъ собравшихся.

—Все по-старому—отвѣчалъ одинъ изъ толпы. —Поведеніе Абдрахмана и свиты его все также подозрительно, какъ и прежде; его ночные разъѣзды сопровождаются многими всадниками изъ стражи его, хотя онъ и разсовываетъ ихъ въ разныя стороны, а дни проводитъ въ неумолкаемой попойкѣ; а часто бываетъ, что и днемъ не слыхать въ его теремѣ жужжанія мухи—всѣ спятъ упившись, за то ужъ въ ночь поперемѣнно вымѣщаютъ шумомъ и гамомъ: опять содомятъ безъ умолку и видно сквозь завѣсы оконъ мельканіе людей и слышенъ глухой ропотъ жарко разсуждающихъ о чемъ-то.

— Блюдите же за ними позорче, друзья мои!

сказалъ Всеславъ. „Вы знаете, что отъ сего зависитъ!—Не щадите трудовъ своихъ, жизнь и кровь наша принадлежатъ отечеству и Князю.— Какъ сладко искупить ею даже и мученическій вѣнецъ! Ну, что еще не разскажетъ ли кто изъ васъ?“

— Я такъ скажу замѣчательное событіе, случившееся въ прошедшую ночь около Абдрахманова двора, которое я примѣтилъ нечаянно,— молвилъ другой, — видно дьяволъ съ ними въ связи. Вчера вѣдь былъ не мой чередъ караулить въ томъ проулкѣ, куда вышла задняя калитка изъ сада этихъ челядинцевъ, однако я пошелъ мимо сего мѣста къ Загородью, гдѣ паслись наши лошади, чтобъ смѣнить старика, отца моего, со сторожки въ полѣ; ужъ время было заполночь, какъ я шелъ, вдругъ и встрѣчается мнѣ Сидоръ, чередовой того мѣста. „Что, молъ, ты еще все здѣсь?“ спросилъ я его.—Здѣсь еще,—сказалъ онъ,—да нѣтъ, видно пріугомонилась эта сволочь, тихо что-то въ ихъ логовищѣ, какъ подъ землею; пойти было и самому на солому,—и пошелъ, да только что ушелъ, а телѣга и шасть къ калиткѣ съ какой-то бочкою, лошадью правилъ только одинъ погонецъ; подъѣхалъ, соскочилъ, да и ну вынимать свою поклажу, вотъ только что скатилъ ее, а въ ней что-то и загомозилось; меня взяла охота посмотрѣть, что бы это было; подхожу, а татаринъ, какъ замѣтилъ меня, и ну работать скорѣй руками. „Покажь, братъ; не заморскую ли диковинку ты вывезъ откуда?“ спросилъ я его, щупая бочку.

— Не трошь, не твое дѣло! — зарычалъ онъ на меня, а самъ и скатилъ ее съ телѣги: дай-молъ я подтруню надъ нимъ, подумалъ я; чрезъ руку-то у меня была перевѣшана узда, я снялъ ее, да выгадавъ случай, когда татаринъ сложилъ на земь бочку, заарканилъ ее уздою — и пустился. Вотъ въ ней кто-то какъ завижжитъ, видно пробрало катиться по камнямъ-то — я оглянулся, а татаринъ-то побѣжалъ за мной, споткнулся, упалъ, насилу всталъ и ковыляетъ, а самъ оретъ стой! — стой! Вотъ мнѣ и было время разсмотрѣть, что за кладъ отбилъ я у него, гляжу — бочка-то съ отдушиной большой, а въ ней чьи-то глаза, какъ гнилушки и свѣтятся, я нагнулъ голову поближе къ ней, а тамъ опять кто-то какъ взгнетъ то по-кашечьи, то по-собачьи, вотъ меня дрожь и проняла, не быть тутъ добру, подумалъ я, нехристи развѣ станутъ съѣкшаться съ нимъ, сотворилъ крестное знаменіе, раскатилъ бочку, да прямо съ горы-то ее въ лужу, и съ уздой покинулъ, пропадай она совсѣмъ! — а самъ безъ оглядки и утянулъ.

„Я и самъ видѣлъ“ сказалъ третій: „что-то дивное, только ужъ съ недѣлю тому назадъ около того же мѣста, гдѣ и Никита усмотрѣлъ ночью, — да еще въ дождикъ, — небо вотъ такъ и разрываетъ молніею, страхъ, да и только, — я иду домой съ поля, да творю молитву, гляжу — кто-то и крадется точно монашенокъ маленькій, весь въ черномъ, да вѣдь какъ идетъ-то, словно катится — завидѣлъ меня и ну напѣвать: курлы-

мурлы, не человѣческимъ голосомъ—я въ сторону, да и былъ таковъ".

— А я видѣлъ тамъ тоже, такъ съ колокольню кого-то!—сказалъ четвертый,—шагаетъ по верстѣ, да разводитъ руками, словно вѣтряная мельница крыльями; а гудитъ-то какъ, что и разсказать нельзя.

Тутъ каждый началъ разсказывать свои видѣнья и дѣлать заключенія, что нечистая сила въ союзѣ съ татарами.

„Хотя бы весь адъ былъ съ ними въ заговорѣ —я не страшусь и его!" твердо произнесъ Всеславъ. „Богъ нашъ заступникъ и помощникъ!— Всѣ ваши разсказы возбуждаютъ во мнѣ большое подозрѣніе, я самъ нонче же высмотрю всѣ закоулки этихъ мѣстъ.—Но скажите мнѣ, что слышно изъ Новогорода? Отвсюду почти добрыя вѣсти, только тамъ что-то молчатъ.

— Далекъ ихъ разговоръ, оттого мы и не слышимъ,—сказалъ одинъ,—а вчера пріѣхали гонцы и объявили намъ, что тамъ-то и кипятокъ-то весь; народъ засуетился словно въ муравейникѣ муравьи и когда будетъ надобно, только пикни имъ—не выдадутъ, только въ Рязани ни то, ни се.

„Слава Богу!" воскликнулъ Всеславъ, перекрестясь: „всѣ русскіе соединятъ свои груди въ одну стѣну и примутъ или нанесутъ общій ударъ; авось и рязанцы пробудятся, когда грянетъ призывная труба. Вѣдь прошлаго года Олегъ, князь-то ихъ, бойко отстаивалъ свое княжество и небось еще не забылъ, жарко ли теплилась его

столица и *Городецъ* 6) татарскимъ огнемъ; ежели онъ не трусъ, то вдвойнѣ долженъ теперь дѣйствовать,—однако пора", продолжалъ онъ: ,,ибо мнѣ хочется самому удостовѣриться въ вашихъ разсказахъ. Прощайте, друзья мои, продолжайте быть таковыми же, сердце мое предвѣщаетъ вамъ успѣхъ славный, дѣла знаменитыя!" Тутъ всѣ переобнялись и Всеславъ, оставя всѣхъ, отправился одинъ.

Лишь только онъ отошелъ нѣсколько десятковъ шаговъ, предъ нимъ послышался голосъ: стой!—куда идешь ты?—произнесъ кто-то остановя его.

Всеславъ остановился изумленный, вглядывается и видитъ предъ собою высокаго человѣка, закутаннаго кругомъ въ широкій плащъ.

Собравшись съ собой, онъ отвѣчалъ:—я не намѣренъ никому давать отчета въ моемъ шествіи —и хотѣлъ продолжать путь свой.

— Пожалуй не намѣревайся, но я не пущу тебя,—сказалъ неизвѣстный, удерживая его.

— Посмотримъ!—возразилъ Всеславъ и, отступая назадъ, обнажилъ мечъ.

— Не трудись попустому,—продолжалъ неизвѣстный:—я не ищу твоей жизни, а сберегаю ее, а если-бъ захотѣлъ вынуть ее изъ тебя, то-бъ это мнѣ стоило одного только слова.

— Не морочи меня—сказалъ Всеславъ—и защищайся, если добровольно не хочешь уступить дороги!—и приготовился напасть на него.

,,А! ты не вѣришь словамъ, такъ я докажу тебѣ!" произнесъ незнакомецъ обиженнымъ то-

номъ и свистнулъ,—вдругъ изъ оврага, непримѣтно заваленнаго хворостомъ, выставилось нѣсколько головъ и нѣсколько рукъ натянуло на Всеслава стрѣлы.

— Разбойникъ!—вскричалъ Всеславъ, еще болѣе изумленный:—чего хочешь ты отъ меня и за что окружаешь подлыми убійцами?—Если я обидѣлъ тебя чѣмъ, то мы могли бы одни перевѣдаться.

— Въ первомъ произношеніи ты не ошибся, отвѣчалъ усмѣхнувшись незнакомецъ, — но въ послѣднемъ обманулся; опять повторяю тебѣ: я храню твою жизнь болѣе нежели ты самъ, такъ не поднимай руки на...

— Но кто ты?—спросилъ Всеславъ, вложивъ свой мечъ въ ножны.

— Не все вдругъ, покамѣсть скажу: оберегатель, другъ и защитникъ твой.

— Но за что и въ чемъ мнѣ твоя помощь?—спросилъ опять Всеславъ.

— Помощь моя нужна тебѣ наровнѣ съ жизнью; но за что? сейчасъ узнаешь: вспомни — болѣе двухъ мѣсяцевъ тому назадъ въ Кремлѣ, одинъ человѣкъ, защищаясь противъ татаръ, былъ схваченъ ими и влекомъ на вѣрную смерть; ты вышибъ его изъ рукъ ихъ, чмокнувъ одного полновѣснымъ ударомъ плети; послѣ, тотъ же человѣкъ былъ сбитъ съ бѣшеной лошади нахальнымъ Бешаромъ на поединкѣ, но ты и то помнишь, что не оружіемъ наоимѣшница судьба подшутила надъ нимъ, ты отомстилъ примѣрно

за него; честь тебѣ и слава, онъ одолженъ тебѣ имъ, этотъ человѣкъ есть — я.

— Ты непостижимый! — воскликнулъ Всеславъ. — Тогда забрало, а теперь ночной мракъ застилаетъ лицо твое, опять спрашиваю: кто ты?

— Постой, прежде я покажу тебѣ опасность, которую мы обойдемъ осторожностью, — сказалъ незнакомецъ, путеводительствуя имъ: — ступай за мной! — и Всеславъ, расплетая рукою соединившіяся вѣтви часто сросшихся деревьевъ, шелъ за нимъ молча, недовѣрчиво; ихъ сопровождало нѣсколько человѣкъ изъ шайки незнакомца, и они скоро подошли къ просѣкѣ лѣса, откуда днемъ можно было разглядѣть Москву. „Этой дорогой я всегда возвращаюсь домой!“ сказалъ Всеславъ.

— По этой бы дорогѣ тебя и повезли или поволокли бы ночне, — отвѣчалъ равнодушно незнакомецъ, — но молчи, накинь на себя мой плащъ, а меня и такъ не узнаютъ. — Всеславъ окутался и продолжалъ идти на цыпочкахъ за своимъ вожатымъ. Вдругъ сей, протянувши руку, остановилъ его и ударивъ три раза въ ладоши, произнесъ въ полголоса: „близко!“ Гдѣ, гдѣ! — отдались голоса — и Всеславъ, узнавъ въ нихъ двоихъ изъ своей свиты, хотѣлъ было подкликнуть къ себѣ, но незнакомецъ, приложивъ палецъ къ губамъ, подалъ ему знакъ молчать, подошелъ къ одному дереву и показавъ на него рукой, остановился; вдругъ жамкнуло нѣсколько стрѣлъ — и одинъ человѣкъ, пронзенный насквозь, скатился

съ дерева и воткнулся на водруженныя въ землю остріемъ вверхъ копья.

— Что ты? Что вы? — вскричалъ Всеславъ, оборачиваясь то къ незнакомцу, то къ людямъ, дѣйствовавшимъ по его мановенію, и въ ту же минуту стрѣла, пущенная съ другаго дерева, воткнулась въ полу его плаща.

— А, другой есть, самъ сказывается гдѣ! — сказалъ незнакомецъ и поднялъ руку.

— Измѣна! — послышался голосъ съ другаго дерева и кто-то, опрокинувшись съ него безъ чувствъ, повисъ на суку, зацѣпясь одеждой, а пущенный въ него огромный камень — рухнулся.

— Что — не усидѣлъ! — произнесъ незнакомецъ. Привяжите же его покрѣпче къ дереву, а убитаго-то бросьте подальше въ оврагъ на ращипку вороньямъ!

Тотчасъ одинъ, снявъ съ себя кушакъ и сдѣлавъ изъ него петлю, задѣлъ ею за шею повержениаго и приготовился было вздернуть его на самую макушку невысокаго дерева, наклонивъ оное, но сей, пришедъ въ чувство, началъ молить о пощадѣ.

— А, замяукалъ! да вѣдь ты самъ лѣзъ все кверху, — сказалъ незнакомецъ: — какъ же на тебя угодить? то не полюбилось ему, что мы его сняли, а теперь не по нраву, что возносимъ; впрочемъ скрутите его, да и туда — понимаете? Мы еще повытянемъ его языкъ на исповѣдь, еще онъ намъ пригодится.

Измѣнника, связавъ, потащили, а незнакомецъ, взявъ за руку Всеслава, сказалъ: „теперь бу-

дешь ли имѣть ко мнѣ довѣренность, видишь ли и въ срединѣ твоихъ приверженцевъ жизнь твоя была на караулѣ у смерти; ты ихъ знаешь: это два поляка, плѣненные еще въ младенчествѣ отцомъ твоимъ и вскормленные имъ. Вотъ благодарность за хлѣбъ за соль какая! Они знали по какой дорогѣ ходишь ты, и эти подкупленныя души, выжидая появленія твоего, ударились уже объ закладъ, кто цѣльнѣе попадетъ въ твое сердце; но теперь болѣе говорить мнѣ съ тобой некогда, чрезъ недѣлю въ это же время у *волчьяго оврага,* гдѣ нашелъ ты насъ, явись и свистни три раза, услышишь откликъ и иди смѣло на зовъ его, тогда я все разскажу тебѣ. Теперь прощай, держись все лѣвой стороны, а то еще наткнешься на цѣлую бусурманскую ватагу!— сказалъ незнакомецъ и, крѣпко сжавъ его руку, скрылся.—Всеславъ насилу опомнился отъ всего видѣннаго имъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ и мысленно возблагодаривъ Бога за спасеніе своей жизни отъ очевидной гибели, пошелъ и сталъ держаться лѣвой стороны, и хотя продолжительной дорогой, но счастливо добрался до Москвы и дома своего, гдѣ бросясь на постель, долго думалъ о приключившемся и остался при той мысли, что вѣрно судьба хранитъ дни его жизни для кого-нибудь. — Марія всегда имѣла первое мѣсто какъ въ сердцѣ, такъ и памяти его.

Происшествія, описываемыя мною, были въ 1379 году. Россія, запечатлѣнная непогодами другаго истекшаго столѣтія, была слаба, какъ

младенецъ, едва начинающій передвигать робкія стопы свои по землѣ; любовь къ родинѣ теплилась въ сердцахъ ея гражданъ, но безъ общаго соучастія оковывалась холодомъ, подобно зимнимъ лучамъ солнца, которые хотя и близко скользятъ къ землѣ, но косвенно, не согрѣвая оцѣпенѣвшей природы. Безпрестанныя междоусобія удѣльныхъ Князей поддерживали татаръ основывать владычество свое надъ ними еще болѣе, патріотизмъ въ духѣ хотя и угнетеннаго народа просвѣчивалъ и тогда, но его не поддерживали другіе—душили леденѣлымъ невниманіемъ; отмѣчивались люди въ особенномъ рвеніи поколебать властителей своихъ, вызывали изъ праха минувшаго бодрость и одушевленіе, развивали въ памяти свитокъ преданій — воспламенялись и гасли; духъ ихъ былъ могучъ и твердъ, но безъ опоры—недѣятеленъ, это были колоссальные скелеты безъ движенія, язвы внутреннія, неизцѣлимыя, еще требовали врачеванія, на это было потребно время и Димитрій, мудрый и проницательный властелинъ, старался только о томъ, чтобъ употреблять его въ свою пользу.

Ставъ не твердою стопою на престолъ самодержавія, чувствительно было ему раздѣлять его еще съ высшимъ себя или лучше сказать быть намѣстникомъ своего Княжества, временщикомъ могущества. Обводя взорами памяти, перебирая мыслями достославныя событія, которыми ознаменовались предки его, самолюбіе и личная гордость его сгорали со стыда и уничиженія. Отправляясь съ богатыми дарами въ Золотую Орду, онъ

краснѣлъ еще болѣе предъ собственнымъ судомъ совѣсти своей; ему не хотѣлось подпалзывать тогда, когда могъ бы парить,—но долгъ необходимости вынудилъ его рѣшиться на это, потому что онъ хотѣлъ чрезъ это утвердить незыблемо свое властительство надъ Московскимъ Княжествомъ, ибо чувствовалъ, что ему только опредѣлено водрузить его тверже на давнихъ развалинахъ и выступить для потомства образцомъ съ рѣзкою печатью величія и славы. Облагодѣянный ханомъ и крѣпко поставленный на Княжескомъ достоинствѣ, возвращался онъ изъ Орды, каждая милость, принятая имъ отъ хана, жгла его душу, мыслямъ его представлялись предки, глядѣвшіе на него съ насмѣшкою. Завидя башни Кремлевскія, ему показалось, будто и онѣ качаютъ на него головами, и вся природа, какъ бы разгнѣванная, вперяетъ въ него взоры упрека. Съ тѣхъ поръ онъ далъ себѣ въ тайникѣ души своей слово важное: если не истребить, то содрогнуть, сильно потрясть своихъ идоловъ, хотя начать славно стряхивать съ себя иноплеменное иго, сколько станетъ его силъ, чтобъ притупить только остріе ихъ силы, хотя-бъ и собственнымъ тѣломъ своимъ. Небо внимало слову его и сердце облегчилось—и совѣсть его просвѣтлѣла.

Княженіе его было славно; притѣсняя прочихъ удѣльныхъ Князей по ихъ распрямъ, онъ высился; побѣды надъ Нижегородскимъ Княземъ Димитріемъ Константиновичемъ и Тверскимъ Михаиломъ Александровичемъ дали ему полное право назваться *старшимъ братомъ* 7). Супру-

жество съ дочерью побѣжденнаго имъ Дмитрія примирило его съ тестемъ и оцвѣтило дни спокойнымъ счастьемъ, потому что онъ нѣжно любилъ супругу свою Ксенію. Наконецъ первая побѣда въ 1378 году надъ монгольцами успокоила его еще болѣе и дала ясно прозрѣть сквозь туманную завѣсу будущности, что враги его—не непобѣдимы; съ тѣхъ поръ и духъ народа ожизнился, казалось, что судьба уставала уже нянчить закоснѣлыхъ враговъ его, и хотя полуоткрытыми взорами, но все-таки блеснула на угнетенныхъ россіянъ.

Послѣ сей побѣды, принявъ мѣры еще дѣятельнѣе, онъ сталъ сноситься съ прочими удѣльными Князьями, но это шло все исподоволь, впрочемъ, всѣ обѣщались при общемъ возстаніи дѣлиться съ нимъ жизнью и кровью за избавленіе отъ позорнаго ига; искры разростались, огонь теплился, но еще тихо, подъ скорлупою осторожности,—всѣ глядѣли, подбавляли понемногу пищи—и дожидались вспышки съ тайною радостью.—Хитрый Мамай давно поглядывалъ за движеніями россіянъ, особливо за москвитянами, но не внимательно; ему не вѣрилось, чтобъ подавленные рабы (такъ называлъ онъ ихъ) могли сокрушить цѣпи, накинутыя его могуществомъ; но побѣда сія обратила его къ другимъ мыслямъ. Услыхавъ о совершенномъ пораженіи мордовцевъ, народа покровительствуемаго имъ, и кѣмъ же? только частью слабыхъ россіянъ, онъ встрепенулся какъ воронъ, почуя кровь, и двинулъ мощныя длани свои на мщеніе примѣрное, на

погубленіе повсемѣстное, безусловное. Сносясь съ Баскакомъ московскимъ, онъ еще болѣе удостовѣрялся къ чему клонятся намѣренія, тайныя вооруженія, сборища русскихъ, презрѣніе ихъ и обидное обхожденіе съ его подданными.

Надѣюсь, что читатели извинятъ меня за неумѣстное отступленіе отъ предмета и за подробное описаніе историческихъ событій тѣхъ временъ; ибо я пишу не исторію, не біографію князя Димитрія Донскаго, а только историческій романъ—и потому не подлежало бы мнѣ исчислять столько подробностей и дѣлать вводныя повѣствованія; я опираюсь не на то, чтобъ читатели мои сами не имѣли историческихъ свѣдѣній или изгладили изъ своей памяти эту эпоху блистательныхъ происшествій, но я какъ бы чту себя обязаннымъ дать отчетъ или сдѣлать бѣглый обзоръ о состояніи тогдашнихъ дѣлъ, по праву писанія историческаго романа и приготовить читателей къ описанію вѣрному, основываясь на правилахъ ясной истины; ибо мнѣ предстоитъ скоро высказать имъ дѣла, на которыя не смѣетъ налечь забвеніе запорошающимъ крыломъ своимъ.

ГЛАВА IV.

Посѣщеніе. Неожиданное происшествіе. Путешествіе кумовьевъ къ колдуну. Приключенія на дорогѣ, встрѣтившіяся съ ними.

Ты свѣтись, мое кольцо золотое.
Бу—инъ.

Участь моя горькая,
Вѣкъ мнѣ слезы лить:
Запрещаютъ милаго
Друга мнѣ любить.
Шевыревъ.

Наступилъ Сентябрь мѣсяцъ, Всеславъ только что оправился отъ болѣзни, коей былъ отягченъ около мѣсяца. Причина, ввергнувшая его въ оную, было извѣстіе о болѣзни Маріиной, которая почти полжизнію своею выкупила себѣ свободу отъ насильнаго замужества, къ которому принуждала ее мать ея;— она выстрадала себѣ позволеніе лучше вѣчно остаться дѣвицею, чѣмъ дѣлить жизнь свою съ немилымъ и пользуясь этимъ, стала дышать свободнѣе; однако подъ видомъ несовершеннаго здоровья ее не выпускали

изъ дома, чтобъ она не уловила случая видѣться со Всеславомъ, а Всеславъ, скитаясь по тѣмъ мѣстамъ, услыхалъ отъ Надежды о жестокостяхъ, какія претерпѣваетъ Марія изъ любви къ нему. Мысль, что у него исхищаютъ лучшее сокровище жизни, что безцѣнная его, милая Марія въ опасности, зажгла въ немъ ретивое еще болѣе: онъ стремился уже просить помощи у того незнакомца, который спасъ его жизнь, чтобъ похитить Марію; но предъ условленнымъ срокомъ свиданія съ нимъ, не выдержалъ глоданій сердечной тоски и сожигаемый горячкой палъ на ложе свое.

Старый Аѳанасій горько заплакалъ, видя молодаго боярина своего едва переводящаго духъ, въ получувствіи бормочущаго несвязныя слова. Окольничій Тимофей, узнавъ о семъ, тотчасъ навѣстилъ болящаго, пославъ увѣдомить о семъ отца его. Михаилъ примчался весь встревоженный, не отходилъ отъ постели сына своего съ Анною и Ѳеодоромъ, мольбы и заботливость ихъ призвали къ нему удаляющуюся жизнь, и нѣжныя попеченія, съ помощію знахарей, вдохнули ее въ цѣпенѣющія уже уста его. Только что развернувшаяся юность и природная сила его пересилили тяжесть болѣзни, внѣдрившейся и охватившей сильно все существо его. Боярынъ Тимофей, выбравши его въ зятья свои, также рѣдко покидалъ и отрадными увѣщаніями оправлъ надежду Михаилу. Елена, нечаянно услыхавшая отъ отца о тяжкой болѣзни своего суженаго, также изнывала тайно, а Марія, кроткая Марія и не вѣдала, что дѣлается съ ея милымъ. На-

силу выждавъ дозволеніе, по совершенномъ возвратѣ здоровья, хоть разъ дыкнуть чистымъ воздухомъ, выпорхнула она какъ птичка въ поле, въ надеждѣ, не увидитъ ли давно невиданнаго своего Всеслава; но это было еще въ продолженіи болѣзни его. Какія же произошли перемѣны по окончаніи оной, сейчасъ мы узнаемъ.

„Поѣдемъ къ Тимоѳею Васильевичу!“ сказалъ Михаилъ сыну своему, когда онъ былъ въ состояніи выйдти. „Мы много одолжены его заботливости о тебѣ; поблагодаримъ же его вмѣстѣ у него въ домѣ, и утѣшь тоскующую по тебѣ Елену появленіемъ своимъ—хотя взгляни на нее поласковѣе, поумильнѣе и я напередъ увѣренъ, что она полюбится тебѣ“. Всеславъ согласился отдать долгъ благодарности, если не любви, ибо сердце его тянуло въ другое мѣсто и—они отправились.—Тимоѳей предувѣдомилъ дочь свою о посѣщеніи женіха, и они приготовились встрѣтить первое посѣщеніе его церемоніально. Какъ сильно билось сердце Елены при каждомъ растворѣ двери. Она была разряжена по праздничному въ лоснящійся зеленый сарафанъ съ золотыми каймами, на коемъ алѣли красныя пуговки какъ спѣлая клубника на грядахъ; тонкія кисейныя ферязи прикрывали сгибами своими волнистую грудь ея; черные и блестящіе волосы, какъ шлифованный мраморъ, заплетенные въ длинную косу, перехваченную во многихъ мѣстихъ струистыми алыми лентами, опускались по таліи ея; желтые черевички на коблучкахъ съ выемками сзади охватывали статныя ножки ея;

бисерные зарукавники нестрѣлись на ней какъ двѣ радуги цвѣтистыми полосами; сверхъ сихъ украшеній драгоцѣннѣе изъ нихъ были бусы изъ крупныхъ жемчужинъ, обвитыя другими сіяющими бусами, ярко играющими на солнцѣ переливчатыми цвѣтами; къ довершенію же роскошнаго наряда жаркія кольца и очи блистаніями своими переспоривались у нее попеременно; Еленѣ оставалось только обвить свою голову покрываломъ и какъ предъ женихомъ не опускать его на лицо, но закинуть концы назадъ; вдругъ она, не спускавшая глазъ съ окошка, завидѣла кого то подъѣзжающаго къ нимъ и побѣжала ближе къ окну разсмотрѣть. Ѳоминишна, охорашившая ее, взглянула и увидавъ привязанную лошадь къ приворотному кольцу, — ахнула! а Елена въ сильномъ волненіи, не устоявъ на ногахъ, опустилась на скамью.

„Ахти, мои родные! женихъ на дворѣ, а мы еще и не приготовились ни встрѣтить, ни принять его, да что онъ раио, аль не терпится!“ вскликивала въ хлопотахъ Ѳоминишна раскачивая головою. И когда Елена приподнялась, она набросила на нее праздничное покрывало съ узорчатыми каймами и повлекла за собою, натверживая какъ должно привѣтствовать жениха; на лѣстницу ито то взбирался, и она запеслась: „милости просимъ, покорно, гости дорогіе — ужъ мы глаза проглядѣли, ждавши васъ“ и пока она разносилась въ такихъ выраженіяхъ и размахивала руками, Аѳанасій блеснулъ своей лысиной и наткнулся на нее.

— Полно кукышки-то казать, Прасковья Ѳоминишна—сказалъ онъ;—али нонче на твоей улицѣ праздникъ? ишь разрядилась, вся въ красномъ, какъ Божія коровка.

„Чтобъ-те сгинуть!“ воркнула Ѳоминишна: „а мы думали, что это женихъ. Да зачѣмъ тебя нелегкая принесла? Ну, видно не быть добру, съ перваго шагу—споткнулись!“ Елена уныло поплелась въ свою свѣтлицу, а Аѳанасій сказалъ:—сейчасъ и женихъ будетъ съ старымъ бояриномъ, а меня покамѣсть дослали они съ дарами. Вотъ—продолжалъ онъ показывая ящичекъ:—это боярышни твоей, а вотъ это (указывая на свертокъ полотна) вѣковой нянюшкѣ ея на тѣлогрѣйку, чтобъ было чѣмъ прикрыть старыя красы—а то призарится домовой, да еще всякую ночь во снѣ давить станетъ; а это (говорилъ онъ, вынимая кулекъ) краснымъ дѣвушкамъ боярышнинымъ сладкіе гостинцы, чтобъ громче закатывались въ свавебныхъ пѣсняхъ.

Ѳоминишна забыла и браниться, разбросивъ глаза на принесенное, вырвала она почти все изъ рукъ его и заковыляла отъ него, вскрикивая: „ужъ я знала, что женихъ-то нашъ милостивецъ, не забудетъ и меня грѣшную. Посмотри-ка моя родная!“ сказала она, вошедши къ Еленѣ и вынимая изъ ящичка поклажу: „вотъ тебѣ отъ суженаго серьги алмазныя, вотъ тебѣ ожерелье жемчужное, вотъ тебѣ и колечко обручальное!“ Елена любовалась не драгоцѣнностями, но заботливостію своего сердечнаго—вдругъ вкатилась повозка на дворъ и руки ея замерли сжавъ дары.

„Знать это дружки, да посаженные!“ воскликнула опять Ѳоминишна. „Ужли они ноиче хотятъ приняться и за *Божье милосердіе* *), да еще...—“ тутъ взошелъ Тимофей и крикнулъ на нее: „чтожь ты трясешься по пустякамъ, старая лихорадка, послѣ доврешь свои разсказы, убрала ли невѣсту? такъ веди,—женихъ дожидается“.

Ѳоминишна вдругъ умолкла, точно проглотила языкъ свой и сколько могла вытянула сутуловатую спину и опустивъ руки перетряхивалась чуть чуть, какъ ученая моська трясется стоя на заднихъ лапахъ.—Тимофей тотчасъ же ушелъ опять, приголубя дочь свою, а Ѳомииишна, покосясь на него, воспрянула у начала кличъ кликать: „Настасья! Анна!“ и проч. Тотчасъ собрались всѣ дѣвушки и выстроились по ея командѣ въ двѣ шеренги. Трепетную отъ радости Елену поставила она въ средину, махнула рукой и дѣвушки, сперва столкнувшись пантоминами, запищали пѣсню и поплелись въ этомъ порядкѣ въ пріемную комнату къ жениху; Ѳоминишна также поползла за ними какъ черепаха.

Задумчивъ и пасмуренъ сидѣлъ Всеславъ подлѣ стариковъ, отца и Тимоѳея, радующихся скорому укрѣпленію союза между дѣтьми ихъ; на рукѣ его горѣло обручальное кольцо, присланное ему наканунѣ того дня отъ лица невѣсты. По строгому наказу отца своего, надѣлъ онъ на руку свою предъ отъѣздомъ въ домъ Тимоѳея и поминутно перевертывалъ, какъ будто бы что нибудь раскаленное прикасалось къ пальцу его.

*) Благословеніе образомъ.

Михаилъ отъ его имени велѣлъ отдарить тѣмъ, что привезъ Аѳанасій; кольцо, присланное съ нимъ, было отдѣлено отъ цѣпи, подаренной ему княземъ—хотя Всеславъ напомнилъ ему, что онъ ѣдетъ благодарить, а не обручаться.

Съ веселымъ лицемъ, обвитымъ розами стыдливости, впорхнула прелестная Елена въ пріемную комнату къ ожидавшимъ ее; она взглянула на блѣдное лицо Всеслава, на его скромную, но выразительную физіономію, и остановившись, обмерла—она не могла не согласиться, что онъ прекрасенъ, что можетъ быть она полюбила бы его страстно, еслибъ случай подвелъ его къ ней перваго, или прежде того человѣка, который уже наполнилъ собою всѣ мысли—всю душу ея. Всеславъ изумился не менѣе, взглянувъ на нее нехотя; онъ представлялъ ее себѣ не съ выгодной стороны, потому что слышалъ отъ Михаила, будто она тщеславилась его любовью не видавши еще; но взоръ его, брошенный на нее въ первый разъ встрѣтилъ прекрасное твореніе съ невиннымъ и внушающимъ довѣренность видомъ—внутренно раскаялся онъ, и сожалѣя, что не можетъ отдаться ей, далъ себѣ слово быть для нея другомъ всеугождающимъ.

Старики, примѣтя ихъ изумленіе, подумали, что оно произошло отъ ненаглядной радости и любовались симъ; дѣвушки вошедши замолкли, и съ минуту царствовала тишина, ничѣмъ ненарушимая.

Наконецъ Елена нѣсколько очувствовалась, наклонилась къ плечу отца своего и трепеща

спросила у него потихоньку: „батюшка—гдѣ жъ женихъ-то, который...“

— Охъ ты моя скромоица!—отвѣчалъ ей съ усмѣшкою вслухъ Тимофей:—будто не узнаешь, который женихъ—оставь стыдъ дѣвическій, подойди,—да выбери сама, ужь я знаю, что ты не ошибешься.

Елена все еще не приходила совершенно въ себя и изъ подлобья поводила глазами по комнатѣ, какъ бы искавъ того, кого недоставало ей; между тѣмъ Михаилъ взялъ за руку сына своего, а Тимофей дочь и хотѣли подводить другъ къ другу,—а Ѳоминишна въ это время закатывалась: „да ужь на что и я на старости лѣтъ разглядѣла—ну какъ его не узнать—соколъ между коршунами выкажетъ себя, ишь какой бѣлый, румяный—словно жаръ горитъ. Ну, Елена Тимофеевна, счастлива твоя доля!“ Тимофей перервалъ ее суровымъ взглядомъ и она убралась тотчасъ назадъ за дѣвушекъ—мурча подъ носъ какъ собака зарычавъ убирается въ конуру, когда ей хозяинъ погрозитъ палкою, чтобъ она не лаяла на посѣтителя его.

Всеславъ подходилъ съ участіемъ къ Еленѣ; онъ замѣтитъ ея волненіе и не зная настоящей причины оному, хотѣлъ утѣшить ее сколько могъ. Тимофей подводя ее говорилъ: „вотъ твой суженый, который ужь давно тебѣ знакомъ; теперь ужь это затаивать нечего—дѣло приняло добрый оборотъ—слава Богу, мы прощаемъ васъ—примите наше благословеніе и живите благополучно!“—Что вы, что вы, батюшка!—тихо молвила

Елена, не дошедъ нѣсколько шаговъ до Всеслава и болѣе ужь она не могла произнести ни слова, колѣна ея подогнулись—и она безъ чувствъ опустилась на землю.

Вдругъ все засуетилось. Тимофей, Всеславъ и Михаилъ бросились поднимать ее, дѣвушки какъ дождикъ разсыпались въ разныя стороны, повинуясь велѣнію Ѳоминишны сыскать скорѣй воды въ засмоленомъ кувшинчикѣ подъ образами, а она сама раскатывалась какъ наскоро пущенный волчокъ по угламъ комнаты крича: „вотъ, вѣдь я еще давеча сказала, что съ перваго шага спотыкнулись,—не быть добру, ахъ! знать она испорчена моя голубушка, — что ей подѣялось только!“

— Это что нибудь да значитъ — произнесъ важно Тимофей, сомкнувъ брови.—Выспроси-ка ты у сына своего хорошенько—продолжалъ онъ отведя въ сторону Михаила, помолчавъ немного и покачавъ въ раздумьѣ головою—а я у дочери, что-то мнѣ слишкомъ не по сердцу это происшествіе.—Михаилъ самъ изумясь простился съ нимъ и задумчивы оба со Всеславомъ, отправились домой, не спрашивая другъ у друга ни слова отъ стѣснившихся чувствъ въ сердцахъ ихъ.

Солнце, разрѣдя непроглядный туманъ, какъ юный женихъ, выступало на небосклонъ, полюбоваться невѣстою своею, природою прекрасною; наступившая осень какъ бы собралась дать праздникъ пришествію своему, блестящимъ днемъ, чтобъ не вдругъ показаться грозною; кой-гдѣ въ сокольникахъ мелькали желтые листья между со-

снами и елями вѣчно-зелеными, — журавли плавно по поднебесью, летя къ столицѣ солнца — Югу, и перекликивая, какъ бы прощаясь съ лѣтнимъ пріютомъ своимъ. — Вдали обнаженныя поля были слегка подернуты серебристымъ морозомъ, изгибистая Яуза не шелыналась почти волнами, какъ бы застывая въ крутогористыхъ берегахъ своихъ, чуть ползла пробираясь по извилинамъ; солнце разбудило природу явленіемъ своимъ и она только что начала просыпаться, стряхивая въ себя дремотное тлѣніе.

По узенькой дорожкѣ, пересѣкаемой многими другими, пробиралась Ѳоминишна за кумомъ своимъ Аѳанасьемъ, между густо сросшимися деревьями, хрустя опавшими листьями и хворостомъ — и робко оглядываясь на всѣ стороны, она перебирала въ памяти своей всѣ заклинанія, остерегающія отъ нечистой силы и жевала ихъ потихоньку губами.

„Ужь теперь недалеко, поворачивай-ка, скорѣй стариной-то, Ѳоминишна!“ сказалъ Аѳанасій усталой спутницѣ своей въ утѣшеніе отъ продолжительнаго пути.

— Да ужь пора, недалеко, — отвѣчала Ѳоминишна: — шли, шли съ ранней зари, а теперь близко полдень, да это все бы ничего, только бы не даромъ проходить, мнѣ что то все и вѣры не имѣется, чтобъ кто могъ помочь бѣдности моей, когда я все опробовала надъ ней, и спрыскивала-то съ уголька, обводя чертою, пашептанной водой и ходила по зарямъ собирать...

„Да всѣ твои чары не стоятъ одного, которое

смышляетъ въ умѣ-разумѣ своемъ знахарь—*Во*
ронъ такой песъ дока, что и вздумать не во
можно. Недавно привели къ нему одного нашег
закупнаго 8) *холопа*, Терешку, его боярин по
сылалъ работать на гумно, хлѣбъ молотить, там
нечистый и вселился въ него (вѣрно сѣлъ пол
ничать не перекрестя рожи), да и ну ломать л
ежить: ударится о земь, на спину, то на брюх
да и карежится какъ змѣя, а самъ несетъ гил
такую, что страшно слушать; мы подумали, п
думали, куда его дѣвать—дай-мылъ станемъ к
пать по холоднымъ росамъ, авось дурь-то в
немъ прохватитъ—такъ нѣтъ, не дается, толь
разъ спихнули соннаго тихонько съ досокъ
траву; а спали тамъ въ саду на постилкахъ
переморгнулись съ Степкой караульщикомъ,
не давъ ему опомниться и ну катать по тра
какъ скалку валькомъ, такъ ужь за то какъ пр
снулся, такъ заоралъ да защолкалъ зубами, ка
будто съ него шкуру драли, съ тѣхъ поръ и пол
онъ съ нами знаться, а самъ все продолжа
коверкаться, да еще пуще прежняго, совьет
кольцомъ какъ улитка, ноги почти въ зубы вб
ретъ, да вдругъ и выпрямится какъ стрѣла! Сп
сибо тескѣ моему, огороднику, ужь онъ нау
умилъ свести его къ знахарю-то, женѣ его о
выгадалъ, что она произведетъ на свѣтъ мал
чика талантливаго—такъ и случилось, недав
она и родила мальчика, а ужь должно быть в
детъ ему и линія—вотъ ты, кума, сама насѣд
я тебѣ и безъ него предскажу, что ты высиди
Антихриста на...

Ѳоминишна слушала его съ такимъ вниманіемъ, что и не перебивала ни разу противъ своего обыкновенія; но послѣднее его выраженіе такъ колко показалось ей, что она вдругъ остановилась и не выдержавъ обиды, начала захлебываться проклятіями и бранными словами на обидчика своего.

„Полно же, кума вижжать-то!“ прервалъ ее Аѳанасій. „Эдакъ ты накличешь всѣхъ здѣшнихъ лѣшаевъ, они какъ разъ набѣгутъ сюда, подумаютъ, что ты съ ними аукаешься, да и по духу почуютъ свою бабушку“.

Едва онъ произнесъ послѣднее слово, а Ѳоминишна перевела духъ приготовилась еще съ большимъ усиліемъ на новые подвиги и перелисы органа своего голоса—вдругъ послышался имъ навстрѣчу топотъ бѣжавшихъ людей, сопровождаемый свистомъ; путешественники наши вдругъ остановились и слова ихъ какъ бы застыли на языкѣ. Подумать было болѣе не на кого, какъ на недобрыхъ людей. Ѳоминишна присутулилась еще болѣе и пригнулась къ землѣ какъ цапля сбираясь нырнуть въ воду за рыбкой, мелькнувшей въ волнахъ серебристой чешуей своей да и Аѳанасій, маршировавшій предъ ней бодро и точившій побасенки, замолкъ на полурастворѣ рта со страху, и небольшой пучокъ волосъ его, смиренно прикрывающій лаковую лысину, вдругъ приподнялся и выросъ какъ грибъ. „Своротимъ сюда—здѣсь лѣсъ-то почаще!“ произнесла трепетно Ѳоминишна, нѣсколько пособравшись съ собою.

— Да ужъ куда ни сворачивай, далеко не уѣдешь, пострѣлы-то близко—сказалъ почти шепотомъ Аѳанасій,—однако они отбѣжали сколько могли въ сторону, принимая частые побои отъ вѣтвей, хлещущихъ ихъ по рожамъ, и притаились за одно большое дерево.

Скоро нахлынуло на ихъ мѣсто человѣкъ пять рослыхъ мужиковъ съ рогатинами и нистенями въ рукахъ и стали обглядывать пристально окружность этого мѣста.

„Да тебѣ послышалось!“ сказалъ одинъ изъ нихъ другому.

— Чего послышалось! здѣсь точно пищалъ кто-то какъ нашъ товарищъ, котораго велѣлъ атаманъ недавно придавить, помнишь за то-то—отвѣчалъ второй.

„Да теперь-то никого нѣтъ, ну что рыскать по пустому; я и такъ усталъ какъ гончая собака—дозорили, дозорили и по дорогамъ-то и по болотамъ-то—только...

— Полно болтать-то, ну что, кому здѣсь повѣдывать; еще атаманъ узнаетъ, такъ пришибитъ языкъ-то—вѣдь онъ не любитъ, чтобъ бѣдныхъ грабили.

„Ну сосны-то не подслушаютъ,—пересказать-то кому не кому!

— Вѣдь какъ день задастся, братцы,—сказалъ еще одинъ—иное время, сторожишь, сторожишь да съ тѣмъ и домой пойдешь.

„Ну знамо дѣло“ произнесъ еще одинъ. „мнѣ что то хочется соснуть немного, я ночью былъ чередовымъ“.

— Дѣло, дѣло—сказали всѣ—приляжемте-ка, а Налетъ останется караулить—вѣдь его черед-то теперь, и всѣ растянулись кто гдѣ выбралъ мѣстечко, а Налетъ подошелъ близехонько къ тому мѣсту, гдѣ притаились наши герои и вынувъ изъ сумки ножикъ сталъ отъ скуки строгать палку, напѣвая пѣсенку; припрятывавшіеся должны были выжидать просонья и совершеннаго отдыха разбойниковъ, они глотали дыханіе и долго пробыли въ семъ положеніи, къ счастію Налетъ отошелъ далеко отъ нихъ, а къ несчастію Аѳанасію вздумалось чихнуть, Ѳоминишна разинула ротъ въ страхѣ, вылупила глаза, и такъ ущипнула сосѣда своего, что онъ чуть не визгнулъ!

„Что это, огонь что-ли кто высѣкаетъ?“ сказалъ Налетъ, подбѣжавши къ своимъ и разбудивши нѣкоторыхъ голосомъ.

— Ишь ты не спалъ, да бредишь!—сказалъ одинъ потягиваясь—однако пора—ужь солнышко прищуривается—продолжалъ онъ, перебудилъ товарищей и оправясь отъ сна, всѣ побрели прямо и прошли почти мимо укрывшихся отъ нихъ.

Разбойники ушли, а Ѳоминишна продолжала еще стоять съ разомкнутымъ ртомъ какъ отворенное окно, до тѣхъ поръ, пока Аѳанасій вывелъ ее какъ изъ очарованія словами своими:— „Вотъ“ говорилъ онъ „я правду сказалъ, что лѣшіе-то тебѣ не чужіе, уберегли свою; ты, кума, кладъ, съ тобою и въ адѣ волоскомъ не тронутъ, тебя вмѣсто ладонки носить можно, только повѣсить-то на шею къ верблюду, чтобъ...“

— А тебя дернуло, старый зубоскалъ, порскнуть не во-время—начала было Ѳоминишна.

„Смотри, опять накличешь“ перервалъ ее Аѳанасій: „ужь тогда не отколдуешься.—Да, я тебѣ и не досказалъ, какъ знахарь-то заговорилъ недугъ у Терешки—какъ рукой снялъ, вотъ какъ его...“

— Пропадай ты со всѣми, дай мнѣ опомниться, ишь этихъ псовъ растелюдило дрыхнуть до которыхъ поръ, ужь солнышко садится—чай боярынъ меня давно хватился, что онъ теперь подумаетъ.

„Ну что подумаетъ—суженый твой—домовой, въ трубу вытащилъ за волосы—конечно поразумается, при тебѣ вороны ужь не смѣли летать въ садъ боярскій воровать овощи. Не сердись же, кума,“ продолжалъ онъ вопившей на него Ѳоминишнѣ: „вѣдь я шучу—чтобъ нескучно было, надобно-же чѣмъ нибудь укоротить дорогу, вотъ видишь недалеко и оврагъ, я помню, мы съ Терешкой не долго имъ шли и завидѣли знахареву юрту“.

— Охъ, только бы онъ помогъ боярышнѣ-то!—сказала Ѳоминишна,—а то мечется, моя голубушка, и говоритъ такую окалесную: не онъ! не онъ! Тихонько тоскуетъ, словно помѣшанная, да и что ей вдругъ подѣялось?—и на боярина то жалко взглянуть—сохнетъ какъ былинка, и в

дворецъ къ Князю не ѣздитъ, сидитъ на лавкѣ, какъ приросъ къ ней, лицо закроетъ руками, а меня разглядитъ, какъ войду, и затопаетъ ногами, да такъ сердито взглянетъ—а я покачаю головою—и поплетусь вонъ.

ГЛАВА V.

Жилище чародѣя, — заклинанія его. Темная ночь заблудившихся. Ужасы. Шайка разбойниковъ. Опасность. Казнь.

И блестятъ во мракѣ ночи
Раскаленные глаза.

Говоря такимъ образомъ, достигли они оврага и пробирались по немъ поодиночкѣ ощупью, ибо дорога была тѣсна и наполнена кустарникомъ и всякими дикими произрастеніями, не разъ откатывались отъ нихъ, шипя, змѣи, которыхъ пугалъ Афанасій маханіемъ суковатой палки своей по обоимъ сторонамъ дороги.—Недавно только надѣлъ онъ свою шапку обливаясь потомъ отъ усталости и скорой ходьбы, Ѳоминишна въ свою очередь также подшутила надъ нимъ говоря: „ты, небось ужь испекъ свою лысину-то какъ яйцо, а къ мѣсту обѣщанному все меня не привелъ!“ Но скоро ихъ окликнулъ настоящій воронъ карканьемъ своимъ и тутъ же показалась низенькая избушка подъ навѣсомъ двухъ сосенъ, она была

прилѣплена къ горѣ и стояла избоченившись подъ соломенной крышей; огромный песъ, не давъ имъ близко подойти, вдругъ выскочилъ изъ конуры своей и вытянувъ цѣпь, которой былъ прихваченъ за шею, припалъ рыломъ къ землѣ и залаялъ басисто на пришельцовъ, — они и остановились.

„Кто пришелъ?“ спросилъ ихъ сиповатый голосъ.

— Мы съ кумомъ, батюшка! — отвѣчала Ѳоминишна.

„А кто вы и зачѣмъ?“ продолжалъ тотъ же голосъ.

— Холопи боярскіе, батюшка — пришли просить твоей помощи отъ лукавыхъ — не оставь, батюшка — помоги, будемъ благодарны за твою милость.

„А что вы принесли мнѣ?“

— Да кой что по силѣ помочи собрали на поклонъ твоей милости.

„Погодите, сей-часъ выду“ произнесъ онъ поблагосклоннѣе. Ѳоминишна замолчала и взглянула на Аѳанасья, ободряющаго ее глазами и киваніемъ головы. Скоро отпрянулась небольшая дверца, сколоченная на живую нитку изъ двухъ досокъ и оттуда выставилась маленькая фигура, сутуловатая какъ дуга, завернутая всю въ длинную черную одежду и взглянувъ еще издали на Ѳоминишну, отпрыгнула назадъ, притворъ призакрывшись еще таинственнѣе, переступила порогъ и дернула на лающую собаку ногой, собака тотчасъ убралась, а пришельцы по манію руки этой фигуры вошли въ ея берлогу.

Эту фигуру вѣрно уже узнали мои читатели:

оборотливый Елисей вамъ уже знакомъ—онъ знакомъ и Ѳоминишнѣ, но она его не узнала, ибо лицо его въ стибы покрывала было вложено точно какъ въ глухой футляръ; и изъ всего его существа виднѣлся только прищуренный глазъ, проныриво поворачивающійся въ чуть замѣтной скважинѣ покрывала и обѣгающій проворно съ ногъ до головы посѣтителей его, да нѣсколько клочковъ рыжей бороды торчмя высовывающихся изъ-подъ покрывала же. Логовище Елисея, вмѣстивъ въ себя троихъ, вѣрно бы лопнуло и въ стѣнахъ его оказались бы трещины, если бы четвертый кто нибудь вздумалъ войти къ нему, силою попирая сихъ, притомъ въ ней было темно какъ у крота въ норѣ; сплюснутое оконце, обращенное въ задъ этой лачужки, мало впускало въ себя свѣту, къ тому же и гаснущее солнце подвело вечеръ и мѣсто-то сіе задвигалось со всѣхъ сторонъ горами.

Елисей, осмотря пристально гостей своихъ, начинающихъ уже трепетать лихорадкой страха, поправилъ дремавшую на полочкѣ лампаду, которая незамѣтно совсѣмъ догорала; вдругъ она пролила свѣтъ на всѣ предметы, черныя стѣны еще болѣе зачернѣлись, когда откинулись на нихъ тѣни стоявшихъ предъ ними, аршинная постель хозяина, составленная изъ нѣсколькихъ дощечекъ съ лежавшимъ на нихъ пукомъ соломы, покрытымъ также черною простынею, лавка, потолокъ, все было черное, какъ бы закоптилось отъ дыханія этого злодѣя.

„Ну что жъ вамъ надобно? сказалъ онъ поправивши лампаду.

— Да вотъ, родимый, господинъ волшебникъ— отвѣчала Ѳоминишна— боярышня моя...

„Знаю, знаю!“ перервалъ онъ ее: „Елена Тимофеевна, дочь Тимофея Васильевича, Окольничьяго и ближняго боярина, страждетъ недугомъ сердечнымъ и знаю по комъ, онъ ее не стоитъ, а я ее такъ исцѣлю, что она совсѣмъ забудетъ его—точно снова родится на свѣтъ.“

— Все дѣлай, батюшка, только исцѣли—отвѣчала Ѳоминишна,—вотъ тебѣ моя благодарность— продолжала она подавая ему свертокъ полотна и ковриту бѣлаго папушника—это покамѣсть, а какъ облегчишь ее, то самъ бояринъ тебя отблагодаритъ не такъ ужь.

Елисей молча принялъ ее дары и задумался; немного погодя глазъ его блеснулъ дикою радостію; отрывъ изъ-подъ кровати черепокъ, налилъ онъ туда изъ берестянаго кувшина и взявъ бѣлый платокъ, которымъ были завернуты Ѳоминишнины дары, вычистъ вонъ и разостлалъ на землѣ; немного погодя ляпнулась на него летучая мышь. Схвативъ ее, внесъ онъ въ конурку свою и приколовъ ножемъ выпустилъ изъ трепещущей нѣсколько крови въ упомянутый черепокъ, и кинувъ ее издыхающую на полъ, вынулъ изъ кармана маленькую стклянечку съ какою-то густою жидкостію и отливъ половину въ черепокъ, засыпалъ сухими травами и началъ мѣшать металлической палочкой, бормоча неизвѣстныя слова; послѣ слилъ все въ кувшинъ и подавая Ѳомини-

шнѣ сказалъ: „на, донеси благополучно домой и въ самую полночь будущихъ же сутокъ дай нѣсколько отпить сего состава боярышнѣ своей, она уснетъ покойно и никогда уже не будетъ имѣть недуга, да и боярину-то подмѣшай немного въ кушанье и онъ выздоровѣетъ и помолодѣетъ, а напослѣдокъ и сама испей, ишь ты теперь съежилась какъ сморчокъ—а тогда морщины-то сгладятся, и кума-то не обойди, попотчуй! Вотъ еще тебѣ клыкъ отъ челюсти чернаго быка, положи его за пазуху боярышнѣ своей, когда она уснетъ—теперь ступай себѣ, да не оглядывайся что ни будешь слышать!“ говорилъ онъ провожая ихъ: „да до время не говори ни съ кѣмъ ни слова объ этомъ, кромѣ кума, а то бѣда, скоро я и самъ къ вамъ явлюсь, тогда мы сочтемся.“

Сказавъ это онъ захлопнулъ дверь и немного погодя завопилъ имъ въ слѣдъ перемѣнчивыми голосами разныя трели; едва дыша брели наши путешественники съ обратнаго пути. Ночь совершенно застилала имъ дорогу, небо нахмурилось облаками и не пестрѣлось ни одной звѣздочкой; переступая каждый шагъ съ осторожностію и творя въ запуски молитвы, насилу двигались они; къ довершенію ихъ ужаса надъ головами ихъ махали крыльями нетопыри и совы спуганные съ пріютовъ своихъ. Наконецъ выбрались они изъ пропасти заколдованнаго оврага и потерявъ прежнюю дорогу во мракѣ ночи, не могли найти оную и посовѣтовавшись между собою — пустились по двигаться на волю Божію.

Словоохотливая Ѳоминишна и разговорчивый

Аѳанасій молчали долго и продолжали идти отплетая сросшіеся сучья и держа впереди руки; наконецъ Аѳанасій сказалъ:

„Ну что кума, каковъ тебѣ кажется знахарь-то! вѣдь мудренъ?“

„А какъ страшенъ-то — отвѣчала Ѳоминишна нараспѣвъ — голосъ его что-то мнѣ знакомъ — однако не помню гдѣ я его слыхала, только что ни говори, а онъ знается съ нечистой силой; когда я вошла въ его лачужку, хотѣла перекреститься — гляжу, нѣтъ ни одного образа, онъ знать замѣтилъ мое намѣреніе, да такъ сверкнулъ на меня глазомъ то своимъ, какъ волкъ, инда у меня рука-то — какъ сжалась сотворить крестное знаменіе — такъ и замерла.“

„Ну уже чего мы наглядѣлись, да наслушались! — Какъ еще насъ Господь вынесъ изъ этого земнаго подвала — я такъ и думалъ, что мы положимъ тутъ свои головы и кости наши останутся безъ погребенія; когда возили Терешку къ нему, онъ что-то все съ нимъ перешептывалъ, это дѣло было днемъ — не такъ страшно и какъ другаго-то.“

„Ахъ батюшки свѣты! куда мы выйдемъ только отсюда? — перервала Ѳоминишна Аѳанасія не слушая его разсказовъ.

„А вотъ, если не ошибаюсь“ сказалъ Аѳанасій остановясь: „такъ не далеко шалашъ, гдѣ стерегутся сокольничьи кони, а подлѣ него и большая дорога.“

Въ самомъ дѣлѣ, давно обзнакомясь коротко съ этимъ лѣсомъ, зналъ онъ въ немъ почти но

перечетъ всѣ деревья и разглядѣвъ кой-какъ большой вязъ, сплоченный желѣзными обручами, которые впились въ его существо, чтобъ онъ не разростался въ стороны, обрадовался.—Вотъ— вскричалъ онъ: — здѣсь, подъ этимъ деревомъ Князь отдыхаетъ поохотившись, а тамъ—продолжалъ онъ занося руку—вдругъ кто-то схватилъ его за руку.— Ай! закричалъ онъ, колѣна его подогнулись и онъ повисъ на рукѣ, державшей его крѣпко.

Тотчасъ набѣжало нѣсколько человѣкъ и схватя его поперекъ начали ошаривать.—„Гдѣ-жъ еще-то?“ спросилъ одинъ изъ нихъ. „Я слышалъ чей-то другой голосъ, скрипучій какъ колеса у немазаной телѣги?“

— Тьфу пропасть, я было упалъ!—вскликнулъ другой—кто-то лежитъ какъ колода, нога моя наткнулась о чье-то тѣло, придавленное что ли, нѣтъ шевелится—продолжалъ онъ, подвигая ногой упавшую со страху Ѳоминишну.

„Ишь притаилась, должно быть баба—сказалъ третій;—видно слушаетъ какъ трава растетъ— ну-ка вставай, голубушка, еще належишься.“

Ѳоминишна, помня завѣщаніе Елисея молчать до употребленія лѣкарства, не смѣла разомкнуть рта, лежа ничкомъ на землѣ.

„Видно нѣмая“ сказалъ еще подошедшій человѣкъ: „дайка я ее поучу говорить посорочьи“ и размахнувшись плетью далъ ей порядочный ударъ.

— Ай, ай! не губи души! — вскричала Ѳоминишна привставъ и сѣла, трясясь со страху.

„Головой ручаюсь, что это старая вѣдьма; на

костеръ ее, братцы, а то она еще приворожитъ къ себѣ!“ продолжалъ тотъ же.

— Кой чортъ!—сказалъ обиравшій Аѳанасія:— иной разъ какъ запустишь руку въ чью нибудь черпалъ черпалъ въ тощихъ его карманахъ воздухъ,— только что выгребалъ съ нимъ соринки хлѣба, иной разъ какъ запустишь руку въ чью нибудь суму, такъ подавишься золотомъ, а этотъ знать ужъ охоленой!

„Постой, вотъ кувшинъ съ чѣмъ-то“ сказалъ управляющійся съ Ѳоминишной: „да страшно отвѣдать-то“, не наколдованное ли что въ немъ? — Слушай, тетеря!“ продолжалъ онъ: „говори, что это такое, или я..!“

— Лѣкарство, батюшка, отъ злаго навожденія, вотъ-те Богъ лѣкарство!—отвѣчала Ѳоминишна жалобнымъ голосомъ.

„Врешь, обморачиваешь!“ говорилъ ей исповѣдникъ ея: „да что тутъ раскумековать, связать ихъ вмѣстѣ да прицѣпить къ осинѣ, воронъямъ на обѣдъ,—да веревки-то жалко“.

— Будничній же обѣдъ-то сулишь ты имъ, пустите ихъ лучше—сказалъ одинъ—пусть они домыкиваютъ жизнь, ужъ они и такъ скоро съ ней разочтутся.

„Какъ бы не такъ!“ сказалъ другой: „экъ они разжились и забыли, что умирать пора—на осину ихъ тащъ и быть. Вотъ какъ люблю васъ“, продолжалъ онъ обращаясь къ дрожащимъ плѣнникамъ, тщетно молившимъ ихъ о состраданіи: „своего кушака не жалѣю для этого,—къ тому же ужъ мнѣ давно хочется посмотрѣть какъ умираютъ вѣдьмы, я чай у нихъ душа то выска-

кивает прямо въ лапы къ чертямъ, а эти небось щипля ее по кусочку, передерутся и изщиплютъ также другъ у друга въ клочки мохны чешуй своихъ", говоря это они распоясывался приготовляясь къ исполненію словъ своихъ.

— Стойте! — Я не допущу до убійства! — вскричалъ одинъ, — вѣдь атаманъ крѣпко запретилъ найтъ безъ своего вѣдома посягать на жизнь чью бы-то ни было, развѣ только защищая себя; обирайте ихъ какъ хотите, а захваченныхъ или пустите, или представьте къ нему.

„Да что ты мелешь то!" отвѣчалъ ему Бурлакъ другой разбойникъ: „развѣ мало людей, да еще молодыхъ освобождали мы отъ жизни, а стариковъ то и по готово куда-жь ихъ дѣвать, умъ ли и въ правду казать ихъ атаману? Что ему на огороды чтоли ихъ ставить?"

Завязался споръ, потомъ и ссора. — „Такъ дѣлайте же что хотите, а я все донесу атаману!" произнесъ рѣшительно защищавшій, и пошелъ прочь.

— Ну, не трошьте ихъ, братцы! — воскликнули многіе. — Все равно коль хотите на своемъ настоять, такъ притиснемъ и тамъ, а теперь отведите ихъ къ атаману.

„Инъ онъ расхорохорился!" сказалъ Бурлакъ: „что любимецъ атамана, то и пановничаетъ! Мы, братъ, до умницъ-то этихъ не охотники и на Атамана-то не посмотримъ".

— Полно! — шепнулъ ему другой, дернувъ его за полу: — прикуси языкъ-то.

Молча взяли разбойники стариковъ, перекрутя

имъ назадъ руки и вогнавъ ихъ въ средину своей толпы, повели съ собою; жалко было смотрѣть на плѣнниковъ какъ они пожимались и выступали, какъ запряженные волы отъ неловкости скрученныхъ рукъ.

Не стая воронов слеталась
На груды тлѣющихъ костей.
Пушкинъ.

На отлогой долинѣ, уставленной шалашами, небрежно разметавшись на войлокахъ, пировали разбойники всю ночь напролетъ; пасмурный день блѣдными струями свѣта проливался на мѣсто ихъ повалки—солнце украдкою иногда прокалывало лучи свои сквозь сѣрыя тучи, которыя какъ скалы задвигали его. На одной сторонѣ у нихъ пылалъ трескучій огонь, охватывая огромный котелъ,—съ другой лежало въ кучѣ наваленное оружіе и бродили лошади, поживаясь послѣдними остатками травы. Облокотясь одной рукой о древесные пни, а другой держа полные бокалы, они пѣли дружнымъ хоромъ:

Ночче здѣсь,—а завтра тамъ
Мы кочуемъ бурно;
Часто кровлей служитъ намъ
Сводъ небесъ лазурной.

***

Въ чистомъ полѣ и въ лѣсахъ—
Мы пріюта ищемъ.

Мы не знаемъ что за страхъ
Пьемъ, поемъ, да свищемъ.

* * *

Мы ко всѣмъ минувшимъ днямъ
Мысленно летаемъ.
И къ раскинутымъ плащамъ
Головы склоняемъ.

* * *

Мы повалкой круговой
Разлеглись безъ нужды,
Просыпаемся съ зарей.
Прихотей всѣхъ чужды.

* * *

И подъ воплемъ зимнихъ вьюгъ
Спимъ всѣхъ барей слаще,
Востокъ, Западъ, Сѣверъ, Югъ
Отечество наше.

* * *

Лѣсъ дремучій намъ пріютъ,
А землянки домы,
Коршунъ—совѣсть вѣдь не кнутъ,
Съ ней мы не знакомы.

* * *

Мы лелѣемъ нашъ покой
Подъ косматой буркой,
Съ алою начихой—судьбой
Не играемъ въ жмурки.

***

Мы въ приволіи родномъ
Жизнь дѣлимъ по-братски,
Смѣло, весело живемъ,
Прямо залихватски.

***

Гдѣ веселій нашихъ храмъ,
Тамъ и блескъ віалонь,
И всего милѣе намъ
Чоканье бокаловъ.

***

Съ саблей звонкой на боку,
Противъ стрѣлъ привѣтовъ,
Мы летимъ на всемъ скаку
Всюду безъ отвѣтовъ!

***

Нашъ заносчивый булатъ
Въ ржавчинахъ не тонетъ,
Тотъ и другъ намъ, тотъ и братъ,
Кто ихъ кровью моетъ.

***

У насъ искры такъ и жни
Съ сабельныхъ ударовъ,
Намъ потѣшные огни—
Зарева пожаровъ.

* * *

Не пугаютъ смерти насъ
Хладныя объятья,
Хоть людей всѣхъ—общій гласъ,
Титлы намъ,—проклятья!

* * *

Днемъ усталые мы спимъ,
Ночью же на волѣ,
Иль подъ деревомъ сидимъ,
Иль гарцуемъ въ полѣ.

* * *

Лишь завидимъ кто идетъ
Беззаботнымъ шагомъ.
Стрѣлой—мигомъ на пролетъ—
Или въ грудь кинжаломъ.

* * *

Изъ насъ всякой молодецъ
Разомъ жизнь исторгнетъ,
Братъ ли, сынъ—или отецъ,
И рука не дрогнетъ.

* * *

Ждемъ мы дико искосясь
Судорги смертельной,
И безстрашно — не крестясь
Примемъ вздохъ послѣдній!

Кончивъ пѣснь свою, залпомъ опорожнили они бокалы и откатили ихъ отъ себя; настала тишина могильная, только потрескивалъ подъ котломъ огонекъ, да лошади побрякивали уздами; заморосилъ осенній дождикъ мелкій, какъ сѣянный сквозь сито; разбойники завернулись въ суровые плащи свои и расположились отдохнуть отъ наѣздовъ и попоекъ. Вдругъ еще послышался вдали шорохъ, сторожевой изъ нихъ приподнялся, свистнулъ и приложилъ руку къ саблѣ, въ ожиданіи, немного погодя откликнулся отзывъ звонко, какъ бы прорѣзавъ воздухъ. — А, это наши! — сказалъ онъ и прилегъ. „Пора имъ!“ молвили нѣкоторые: „а впрочемъ, лучше еслибъ лѣшіе заманили ихъ къ себѣ въ гостѣ, они намъ помѣшаютъ спать!“ Тутъ по вѣтвямъ лѣса встрепенулся и раздался гудящій вѣтеръ, какъ нарочно, чтобъ убаюкать питомцевъ своихъ.

Немного погодя показались тѣ разбойники, которые вели Аѳанасія съ Ѳоминишной; подойдя къ своимъ, они остановились и сказали: — „здравствуйте товарищи! Вотъ мы привели новую добычу!“

— Что это? женщина! — вскричали нѣкоторые, — подѣлитесь, братцы!

— Возьмите безъ дѣлежа! — сказали пришедшіе, пихнувъ Ѳоминишну въ средину ихъ.

„Да этой, старый дьяволъ!“ вскричалъ одинъ изъ лежавшей толпы: „ишь, ны добры тѣмъ товаромъ, отъ котораго нечѣмъ поживиться! Куда ее дѣвать? ишь харя-то у нея, ужъ вся изрѣзана морщинами, развѣ приколотить ее гвоздями къ стѣнѣ, по выше, да вѣшать на ея кости бердыши.“

— А этотъ стариченка годится намъ въ повара, да въ водоносы — сказалъ другой, — да правда, надо еще кормить его — такъ что-жъ, мышекъ-то словныхъ много!

„Дайте-ка, братцы, и мнѣ мѣстечко отдохнуть“ произнесъ Бурлакъ — становя Ѳоминишнину кувшинъ на землю: „вы чай ужъ отоспали полсутокъ, а мы прорыскали, да попусту — гдѣ-жъ атаманъ?“

— То-то и есть, — отвѣчалъ ему одинъ — что мы прображничали всю ночь и день-то насъ заставъ безъ атамана, а безъ него гуляй душа какъ хочешь.

„Мудрено разгадать его!“ сказалъ другой. „Съ нѣкотораго времени сталъ онъ насъ дичиться; бывало прежде первый и на схваткѣ, и на пирушкѣ примѣръ намъ подаваль, за что-жъ мы его и въ атаманы-то выбрали — а теперь и скученъ, и одинокъ какъ мѣсяцъ“

— Это-то намъ и нелюбо — произнесъ въ полголоса третій — мы ли его не отстаивали во всѣхъ опастностяхъ? Не мы ли изборождили съ нимъ всѣ края земли? Не мы ли рѣзались подъ его рукой со всѣми племенами народовъ, и съ земляками-то и съ *Датчанами* 9)? Вотъ иное дѣло

новобранцы, не бывшіе въ схваткѣ, такъ того и гляди тягу дадутъ, а насъ-то можно ему понадѣяться во всемъ. Стало быть нечего и скрывать предъ нами, что у него залегло въ душѣ.

„Онъ выбралъ себѣ въ повѣренные Ваньку Сорванца, да Алешку Косаго, такъ всюду съ ними и бродитъ“ сказалъ Бурлакъ. „да вонъ ему Огонь, ближній его, продолжалъ онъ, показывая на защитника плѣнныхъ, который спокойно отдыхалъ поодаль отъ нихъ. „Давича вцѣпился было въ меня за этихъ старыхъ псовъ, да поминутно грозилъ атаманомъ, какъ будто онъ только одинъ можетъ быть доступенъ ему“?

— Что-жъ братцы, вдавимте ихъ въ землю до него, онъ и не узнаетъ! — сказалъ одинъ — а если хоть и узнаетъ, скажемъ, что они бунтили, да не давали взять себя, эхъ, есть за кого сориться — шибнуть — да и концы въ воду!

„И вѣдомо!“ отвѣчалъ Бурлакъ: „а тѣла-то ихъ скатить въ Яузу; давайте-ка!“

Защитникъ бѣдныхъ стариковъ, прозванный Огнемъ, храпѣлъ уже обвернувъ голову толстымъ плащемъ своимъ, заступаться было не кому; Ѳоминишна вила на распѣвъ, Аѳанасій употреблялъ все краснорѣчіе свое, но тщетно. Бурлакъ какъ будто не слыша его, мурыгалъ широкимъ ножемъ своимъ по гладкому осколку, точивъ его и говорилъ насмѣшливо: „Ишь, старая-то вѣдьма сама себѣ поетъ панихиду: не тоскуй по сопутникѣ-то своемъ, никто изъ васъ сиротинкой не останется!“ Аѳанасій присоединилъ свои рыданія и вопль сдѣлался ощутительно громокъ.

— Цыцъ! — закричалъ Бурлакъ и замахнулся.

„Что вы, что вы, братцы?“ сказали нѣкоторые, услыхавши стоны и приподнявъ головы.

— Да такъ — отвѣчалъ Бурлакъ — вотъ управляемся съ лишними людьми на бѣломъ свѣтѣ! — Многіе опять полегли, но нѣкоторые вскочили, въ томъ числѣ и Огонь и подбѣжавъ къ Бурлаку отняли у него ножъ.

„Погоди!“ сказалъ одинъ: „атаманъ узнаетъ, ужъ онъ въ огласкѣ, вотъ какъ самъ велитъ, — такъ коси.“

— Подлецъ! — произнесъ гордо Огонь: — если ты добровольно не оставишь ихъ, то я законопачу жадную до крови глотку твою — желѣзомъ! и поднялъ упрожающую руку.

„Что-жъ вы не заступитесь за товарища-то!“ завопилъ Бурлакъ обратясь къ своимъ! „видите мѣняетъ! меня на этихъ потаскушъ, вѣдь на Огонь-то есть вода.“

— А на косу камень! — вскричалъ Огонь, и Бурлакъ, поверженный въ макушку кулакомъ его, опрокинулся навзничь.

За него заступилась большая часть разбойниковъ и хотѣла въ отмщеніе разорвать въ куски плѣнниковъ, но къ Огню присоединилось нѣсколько человѣкъ и поддержали его защищеніе.

„Да какъ же ты смѣешь самъ управляться? кричали многіе изъ нападающихъ на Огня и наваливались на него все болѣе и болѣе.

— Тсъ-съ! что за шумъ? — раздался голосъ сзади ихъ.

Всѣ оборотились и увидали атамана, мрачнаго

и свирѣпаго, подходящаго къ взбунтовавшимся въ сопровожденіи двухъ разбойниковъ.

„Да вотъ, заступись атаманъ!“ сказалъ оправляясь Бурлакъ: „Огонь насильничаетъ, далъ мнѣ такую тумканку, что я насилу разглядѣлъ тебя!“ и всѣ заголосили на Огня жалобами.

— Что какое? за чѣмъ ты озорничаешь? спросилъ грозно атаманъ у Огня.

„Я же и виноватъ, разсуди насъ атаманъ!“ отвѣчалъ Огонь, и разсказалъ ему подробно происшествіе всего дѣла.

— А! — вскричалъ сердито атаманъ Бурлаку — я давно ужъ замѣтилъ тебя въ непослушаніи — худую траву изъ поля вонъ — выбирай самъ любое дерево, на которомъ лучше повѣсить можно — вотъ это хорошо! — продолжалъ онъ показывая на высокій дубъ: — съ него разглядишь всѣ окрестныя мѣста, да и не скучно умирать будетъ на немъ подъ музыку грачей и воронъ, которые слышишь ужъ начинаютъ скликать на свѣжій пиръ птенцовъ своихъ.

— Помилуй, атаманъ, да я... началъ было Бурлакъ.

— Не огрызайся и не оправдывайся, вѣрю что послѣ не будешь никогда виноватъ — прицѣпите его! — сказалъ атаманъ.

Начался ропотъ между разбойниками. — „Кто хочетъ быть ему товарищами?“ вскликликнулъ атаманъ: „деревьевъ много, на всѣхъ достанетъ!“ — Тотчасъ всѣ и замолкли. Бурлакъ кинулся атаману въ ноги и началъ молить о прощеніи. — Нѣтъ, — не въ первый разъ ты поку-

шался подавать поводъ къ неповиновенію мнѣ— я понялъ тебя давно!—отвѣчалъ атаманъ и махнувъ рукой удальцамъ своимъ—отворотился.

Мигомъ обтянули разбойники шею Бурлака веревкою и вздернули на толстый сукъ, а сами равнодушно смотрѣли на его кривлянья и приговаривали еще: „что, тѣсненько на горлѣ-то? вотъ скоро отцѣпимъ“ и въ самомъ дѣлѣ, когда скомканныя въ конвульсіяхъ руки и ноги его выпрямились, что означало разлуку тѣла съ душою,—его сняли и оттащивъ къ Яузѣ, раскатили отъ кругаго берега посинѣлый трупъ его, онъ грохнулся—и вонзился въ ярыя волны, которыя отворили ему холодныя объятія свои и тамъ застыли, какъ будто бы его и не бывало.

ГЛАВА VI.

Новый чародѣй. Полночное посѣщеніе. Испугъ и похищеніе Елены.

— Кто ты, старикъ? — произнесъ атаманъ, обращаясь къ Аѳанасію.

— Ну, теперь доходитъ очередь и до насъ! — подумали куковья.

— Холопъ Михайлы Ростиславича Смоленскаго, — отвѣчалъ трепетно Аѳанасій.

— Какъ, по этому ты также слуга Всеслава, отрока и ловчаго изъ Княжеской *Дружины* 9)? — спросилъ опять атаманъ въ удивленіи.

— Точно такъ, милостивецъ!

— Сатана всюду вмѣшивается! — произнесъ не громко атаманъ. — Старикъ! — продолжалъ онъ: — я отпущу тебя, но поклянешься ли ты мнѣ, что слово въ слово перескажешь молодому господину своему, что я чрезъ три дня ожидаю его у семи дубовъ одного или въ сопровожденіи всей свиты его? — говорилъ атаманъ, дико блистая взорами.

— Скажу, отецъ родной, съ мѣста не сойти, если не скажу.

— Добръ ли, честенъ ли онъ?

— Какъ ангелъ Божій.

— Хорошо,—сказалъ атаманъ: — теперь ты свободенъ! и въ сильномъ изнеможеніи духа сѣлъ на печь дерева.

— А ты чья, чортова бабка?—спросилъ Сорванецъ (сподручникъ атамана) Ѳоминишну, спустя нѣсколько времени всеобщаго молчанія.

— Дочь простаго *смерда* 10), мой батюшка, я покупная Тимоѳея Васильевича, пѣстаю его дочку Елену...

— Ты смѣешься надо мной!—закричалъ ужаснымъ голосомъ атаманъ на Ѳоминишну, быстро вскочивши.

— И, батюшка, да что ты, въ чью это голову мнѣ смѣяться, спроси хоть у боярина самого,— отвѣчала старуха въ сильномъ испугѣ.

Крѣпко стиснулъ ее руку атаманъ: „гляди на меня,—продолжалъ онъ:—такъ это ты, но чѣмъ докажешь мнѣ, какъ попала ты въ руки моимъ сторожевымъ, зачѣмъ бродила ты по Сокольникамъ? ну, отвѣчай или я растворю тебѣ ротъ ножомъ, да ежели что утаишь, то велю выколотить изъ тебя гвоздями наружу!

Ѳоминишна робкимъ голосомъ, сопровождая каждое слово свое божбами, начала предъ нимъ растягивать длинную цѣпь своихъ приключеній съ выходу съ кумомъ изъ дома, до захваченія сюда, иллюминуя свой разсказъ многими прибавками и, бывъ ободрена переменяющимся видомъ мрачности его на спокойствіе, раскропоталась до безконечности.

Разбойники косились на ея безостановочныя повѣствованія и вышедъ изъ терпѣнія сказали: атаманъ! мы устали, позволь намъ на отдыхъ, да и самъ ступай, а эту трещетку велѣ привязать къ макушкѣ дерева вмѣсто колокольчика, чтобъ она звонила, созывая насъ обѣдать, да била языкомъ въ набатъ при пожарѣ.

— Молчать, ступайте! — сказалъ атаманъ. — Всѣ отошли и всякой принялся кто за что хотѣлъ, а атаманъ, усадивъ подлѣ себя знаменитую няню Еленину, ласково сказалъ ей: „покажи ка мнѣ лѣкарство-то, которое тебѣ далъ знахарь-воронъ, я знаю этого мошенника, если онъ изрыгнулъ его изъ заклятой души своей, то оно не надежно“.

Ѳоминишна отыскала застоленный кувшинъ, покинутый покойникомъ Бурлаковъ, и подала ему. — „Вурка!“ — закричалъ атаманъ, свистнувши, и немного погодя подбѣжала къ нему большая собака ласкалась, онъ подставилъ ей подъ рило кувшинъ, собака лакнула и отошла: отъ онаго, стало быть горько, — сказалъ атаманъ, — что и собака не лакомится! Взглянулъ на нее и она, остановясь какъ шальная, вдругъ покатилась на землю, пѣна повалила изъ нея и она въ сильныхъ корчахъ тотчасъ издохла. Ѳоминишна всплеснула руками и едва сама не повалилась, а атаманъ сказалъ: — ишь бестія! какой духъ принесъ тебя ко мнѣ, иначе твоей боярынѣ не видать бы завтрашняго дня.

— Чисто не видать бы, родимый мой! — отвѣчала, еще не пришедшая въ себя Ѳоминишна. —

да не отъ этого ли оно испортилось, что я тебѣ все повѣдала, знахарь то вѣдь не велѣлъ мнѣ никому сказывать объ этомъ.

—Полно бредить, старушка! — прервалъ ее атаманъ:—лучше вотъ что скажи своей боярышнѣ, что есть знахарь посмышленѣе того, который хотѣлъ ее вылѣчить отъ жизни, и который не великую плату возьметъ, только онъ съ тебя истребуетъ слово и клятву, никому ни пикнуть, что ты видѣла и слышала здѣсь, этотъ знахарь есть—я; а ты скажи, что одинъ пустинникъ, укрывшій тебя отъ разбойниковъ, узналъ тайну недобраго колдуна въ гибельномъ лѣкарствѣ его, ты сама видѣла, что въ немъ было сильнѣйшее *зелье* *), а я послѣ завтра явлюсь къ вамъ въ сумерки; предувѣдомь же боярышню, да отвори заднюю калитку, я проползу къ ней неприметно, какъ муравей по черной доскѣ. Боярина же твоего нѣтъ дома, это хорошо, ему не нужно ничего знать, а мнѣ хочется только показать тебѣ, какъ много я превосхожу всѣхъ знахарей силою одного слова своего.

Ѳоминишна въ перѣшительномъ раздумьѣ покачивала сѣдой головой своей, но атаманъ взялъ ее за руку, отвелъ нѣсколько шаговъ въ сторону и отвалив одинъ огромный камень, ощупалъ въ травѣ желѣзное кольцо и потянувъ его къ себѣ, приподнялъ деревянную доску и окунувъ подъ нее руку, вытащилъ что-то сжавши въ кулакѣ. —„Вотъ,—сказалъ онъ, опустивъ опять доску и

*) Ядъ называли тогда зельемъ.

заваливъ ее камнемъ:—ежели ты сомнѣваешься въ моемъ знаніи, то дунь лишь мнѣ въ руку, увидишь, что родиться въ ней, только зажмурься на минуту, изъ нее выскочетъ бѣсенокъ, такъ чтобъ не попалъ тебѣ въ зенки". Ѳоминишна исполнила все точь-въ-точь, а атаманъ, между тѣмъ, засунулъ что-то подъ рукавъ свой и когда онъ позволилъ ей прозрѣть, то велѣлъ трясти себя за этотъ рукавъ и вдругъ изъ него посыпались слитки золота ей въ руки. Она разинула ротъ, а онъ усмѣхаясь сказалъ:

— Видишь ли, дѣлалъ ли это воронъ? А я и снадобья-то буду давать золотыя твоей боярынѣ.

— Нѣтъ, батюшка, куды ему,—отвѣчала она, —онъ у меня бы взялъ, а не ко мнѣ посыпалъ его, сидень ты, родной, даромъ что чѣмъ занимаешься.

Атаманъ сурово взглянулъ на нее — и она замолкла.

— Ну чтожъ, ждешь что ли ты меня послѣ завтра?—спросилъ онъ ее.

— Ждемъ, ждемъ, родимый,—отвѣчала она, упрятывая золото и низко кланяясь ему. Онъ самъ отправился провожать ихъ съ Аѳанасіемъ и выведя кратчайшей дорогой изъ лѣсу, воротился съ примѣтнымъ удовольствіемъ въ свою шайку.

Ужъ нечего и говорить, что Ѳоминишна, дошедъ домой, выгружала не столько золота изъ своихъ кармановъ, сколько росказней изъ памяти и воображенія. Тимоѳея на ту пору не было дома, а Елена, блѣдная и томная, сидя на по-

стелъ, подпершись рукою, слушала ее не хотя, когда она коснулась на умышленіе ея жизни, она не показала ни малѣйшаго знака страха; но когда услыхала, что пустынникъ такъ тайно хотѣлъ внѣдриться въ ея спальню, лѣчить ее, — не соглашалась, а хотѣла спроситься прежде у отца. — „Что ты, родная! — сказала Ѳоминишна. — да онъ стало быть чуетъ, что дѣлаетъ, когда заказалъ объявлять о семъ въ особенности твоему родителю!“ Но Елена никакъ не хотѣла принять его. Ѳоминишна, забывъ или не утерпѣвъ тайнаго отправленія должности новаго знахаря, выболтала Еленѣ всю подноготную и тогда она, ужаснувшись еще болѣе, не стала соглашаться, говоря, что-бъ она остерегалась отца ея, который взялъ уже въ большое подозрѣніе отсутствіе ея и который не замедлитъ чрезъ нѣсколько времени возвратиться изъ Рязани. Ѳоминишна дивилась еще болѣе: почему же атаманъ-то узналъ объ отъѣздѣ боярина и приписывала ему чрезъ это еще болѣе достоинствъ въ чародѣйствѣ:

Чу! полночною порою,
Кто-то ставнемъ колыхнулъ,
И курчавой головою
Въ рамы врѣзался — кивнулъ.

Наступилъ обѣщанный день, въ который атаманъ хотѣлъ посѣтить больную Елену. Ѳоминишна уже потеряла надежду видѣть его, ибо боярышня ея никакъ не соглашалась допустить его къ себѣ и не могла подумать объ этомъ безъ страха.

Спустился вечеръ и облекъ природу темною мантіею своей. Дождь лилъ непрерываемо и стучалъ крупными каплями въ окно Елениной свѣтлицы; она, чтобъ ей было не жутко влачить этотъ вечеръ, собрала у себя посидѣлки изъ подругъ и сѣнныхъ дѣвушекъ своихъ; наконецъ уже глубокая ночь смѣнила вечеръ и всѣ полегли спать. Елена ожидала въ эту ночь возвращенія отца; несмотря на проливной дождикъ сѣла у окошка и вперила печальный взоръ свой въ темную даль; на дворѣ крутилась непогода и гудѣлъ стенающій вѣтеръ, разнося повсюду тучи и капли дождя. Елена опустила голову на руку и раздумалась—все покоилось около нея мертвымъ сномъ, лампада дрожала передъ божницею трепетнымъ огнемъ и оттѣняла лицо ея смертной блѣдностью, ставень бился около окна, какъ птица перешибленнымъ крыломъ, сверчокъ чирикалъ въ углу и гдѣ-то жужжала муха въ объятіяхъ кровососнаго паука; она подняла голову, содрогнулась таинственной тишины полуночи, взглянула мимолетно въ окошко—и ледяной ужасъ оковалъ взоры ея и языкъ. Чье-то лицо прильнуло неподвижно къ стекламъ. Какъ достичь окна свѣтлицы, расположеннаго на второмъ ярусѣ подъ самой почти крышей дома, на чемъ утвердиться, чтобъ стоять такъ непоколебимо предъ ея глазами? Къ счастью окно было къ зимѣ законопачено наглухо и задѣлано деревянной рѣшеткой, и она тѣмъ нѣсколько успокоилась, судя по себѣ, что человѣческой силѣ невозможно проникнуть сквозь такія заклепы; насилу отвела она взоры свои и

отшатнулась, и таинственное лицо также вдругъ скрылось, сдѣлавъ какое-то заносчивое движеніе головой; насилу доползла она до дверей и хотѣла кликнуть няню, спавшую въ другой гридницѣ, ибо около ея было кому позаботиться въ случаѣ нужды, кромѣ Ѳоминишны, но нашла постель ея пустою, не смѣла одна спуститься въ ночномъ мракѣ по лѣстницѣ отыскивать ее и хотѣла воротиться будить подругъ своихъ, вдругъ услыхала на лѣстницѣ шопотъ, и узнала голосъ своей няни, разговаривающей съ кѣмъ-то тихо; возвратившись покойнѣе въ опочивальню свою, замкнула она робкою рукою дверь и побрѣла на постель зажмурясь, боясь, чтобъ не встрѣтить взорами своими страшное явленіе; немного погодя, какъ она легла, въ дверь ея начали тихо стучаться, шевеля задвижкой.

— Кто?—произнесла она въ полголоса.

— Я,—отвѣчала Ѳоминишна дребезгливымъ голосомъ своимъ.—Елена отперла и Ѳоминишна доложила ей, что пожаловалъ знахарь къ нимъ въ домъ, несмотря на непогоду, вотъ какъ онъ жалуетъ ее.—Ахъ! зачѣмъ! никакъ! не надо!—начала было восклицать пораженная испугомъ Елена; но дверь отворилась—и явился высокій мужчина, въ черной одеждѣ, съ сумою черезъ плечо, съ длинной бородой и навислыми на глаза бровями; онъ выпихнулъ Ѳоминишну, не пускавшую его, захлопнулъ накрѣпко дверь за собою и вдругъ припялъ на себя новый видъ распахнувшись, и приложа грозно палецъ къ губамъ—повелѣвая молчать.

Дрожа тѣломъ, не меньше какъ и сердцемъ, сомкнувъ уста свои и глухо вскрикнувъ сквозь губы, взглянула Елена на близкое явленіе предъ собою ужаснаго человѣка, когда же онъ преобразился, она опустилась на колѣни, громко вскрикнувъ: ты разбойникъ! — и впала въ тяжкій обморокъ.

На дворъ въѣхала повозка и скоро Тимоѳей, прошедъ лѣстницу, ведущую къ дочерниной спальнѣ, наткнулся у дверей ея на чье-то тѣло, лежавшее на полу вмѣсто порога. — „Кто это? скорѣй огня!“ — закричалъ онъ, — и тотчасъ явились слуги его съ огнемъ и освѣтили Ѳоминишну, скорченную въ сильномъ страхѣ на полу. — „Что это ты мышей что ли ловишь?“ — спросилъ Тимофей у нея.

— Батюшка, бояринъ, родной ты мой! Что я только скажу-то тебѣ, какъ горю помочь?

— Да ну, говори! — закричалъ на нее съ сердцемъ Тимофей, весь потерявшись: — что дочь что ли моя?

— Да, батюшка, не смѣю тебѣ всего разсказать...

„Послѣ скажешь, да гдѣ-жъ она“.

— Тутъ, батюшка, ее заперъ... — вдругъ двери Елениной комнаты отъ сильнаго натиска Тимоѳеевой руки разомкнулись и лампада, чуть теплившаяся въ ней, потухла отъ разлета дверей, свѣтъ огня, проливавшійся изъ другой комнаты, освѣтилъ въ ней вынутую оконную раму, капля

трепетала около его и никого въ ней больше не было, кромѣ дѣвушекъ, пробужденныхъ шумомъ и поднявшихъ въ изумленіи головы на удивленнаго Тимоѳея и обмершую Ѳоминишну!

ГЛАВА VII.

Еще похищеніе. Отчаяніе. Сраженіе. Ошибки и миръ.

Давно мы покинули Всеслава—пора уже возратиться къ нему. Во все время пробытія Михаилова въ Москвѣ, онъ опять безотлучно былъ при немъ, выключая одного раза; какъ то улучивъ время вырвался онъ отъ сторожевыхъ глазъ отца своего и ходилъ на голубую долину, но не нашедъ тамъ Маріи, встосковался еще болѣе и подумалъ, что она еще больна—спросить было не у кого, и сколько черныхъ дней протянуло время стряхивая на него съ крыльевъ своихъ одну горесть безотрадную. Болѣзнь воспретила ему также увидаться съ незнакомцемъ, а чрезъ нее онъ невольно измѣнилъ слову своему.

Наконецъ Михаилъ сталъ сбираться въ дорогу и взошедъ къ сыну своему принялъ на себя строгій и важный видъ.

„Я пришелъ съ тобой проститься“ сказалъ онъ ему сухо: „ и поговорить: теперь узналъ я причину, по которой ты отказался отъ Елены,

узналъ куда и зачѣмъ ходилъ ты въ мое отсутсвіе; стыдись своихъ поступковъ!“

Изумленный тономъ и словами отца своего, Всеславъ отвѣчалъ:—батюшка, вы все знаете? что-жъ, мнѣ нечего укорять себя въ этомъ, почему-жъ не стыдится пчела летить далеко, чтобъ прильнуть къ цвѣтку и готова бываетъ даже умереть на немъ, впивая изъ него сладость. Я также стремлюсь туда куда мчитъ меня любовь, съ тою только разницею, что я любуюсь однимъ цвѣткомъ....

„Оставь свои разсужденія“ перервалъ его строго Михаилъ: „у людей есть свои законы, а ты преступаешь ихъ.“

— Я повинуюся законамъ природы—отвѣчалъ Всеславъ рѣшительно—что противится чувствамъ моимъ, то есть вымышленіе людей, а я хочу лучше слѣдовать гласу....

„Такъ ты признаешься!“ вскричалъ раздраженный Михаилъ„ въ беззаконной любви съ Маріею?“

— Кто это сказалъ вамъ, батюшка?—произнесъ Всеславъ съ негодованіемъ.

Тутъ Михаилъ разсказалъ ему, что Ольга, мать Маріи, приходила къ нему жаловаться на него за похищеніе ея дочери.

Не давъ ему докончить, бросился Всеславъ въ дверь въ сильномъ изступленіи, но на встрѣчу ему попался Тимоѳей и воротилъ его. Долго глядѣлъ онъ на Всеслава испытующимъ взоромъ, держа его крѣпко за руку,—наконецъ произнесъ: „говори всю правду, ты похитилъ дочь мою въ нынѣшную ночь, пользуясь моимъ отъѣздомъ!“

— Пусти—сказалъ вырвавшись Всеславъ—на что мнѣ ее!—и бросился опять къ дверямъ.

„Нѣтъ, ужъ это не шутка!“ вскричалъ Михаилъ, воротивши его, „да, ты долженъ признаться во всемъ, или я удушу тебя собственными руками.“

— Юноша!—произнесъ Тимоѳей страшнымъ голосомъ—я не забылъ твоей битвы съ Бешаромъ, я видѣлъ силу и ловкость твою, но бойся пробудить мой гнѣвъ—честь оскорбленнаго отца опять омолодить силою руку старика—заступающагося.... договорить онъ не могъ и сѣлъ на скамью.

„Видишь плоды твоихъ поступковъ—презрѣнная тварь!“ сказалъ почти сквозь слезы Михаилъ. „Говори же откровенно, кого изъ дѣвушекъ ты больше любишь?—авось еще можно что нибудь поправить—взгляни только на отца одной дѣвицы и вспомни о матери другой!“

— Торжественно клянусь небомъ и землею—сказалъ Всеславъ твердо, что я невиненъ ни въ чемъ—пожалѣйте и меня—кто только вырываетъ мое сердце, гдѣ она!—сказалъ это, онъ вылетѣлъ въ дверь стремглавъ и оставилъ обоихъ стариковъ въ ужасномъ положеніи.

Прошли цѣлыя сутки послѣ того какъ Михаилъ вошелъ къ Тимоѳею сильно болящему, и объявилъ ему въ сильномъ безпокойствѣ, что сынъ его пропалъ съ тѣхъ поръ, и онъ страдаетъ неизвѣстностію объ его участи, даже о жизни—не посягнулъ ли онъ на нее съ раскаянія?—продолжалъ

онъ и замолчалъ, глядя на молчаливаго и сраженнаго собственною своею горестію Тимоѳея.

Слезы, что отсѣли
На сердечномъ днѣ,
Къ язвамъ прикипѣли
Ржавчиной во мнѣ.

К. Вяземскій.

И сердце питаетъ холодность, презрѣнье
И мести волнуетъ его вдохновенье.

На Сокольничьемъ курганѣ*), облокотясь обѣими руками на колѣни и склоня на одну руку голову свою сидѣлъ человѣкъ—не оказывая ни малѣйшаго движенія какъ *Панъ***), любуясь съ высоты владѣніями своими, или памятникъ,—сооруженный въ честь ему. Вѣтеръ парусилъ его плащъ и на обнаженной головѣ перебиралъ волосами. Ночь повисла уже чернымъ коршуномъ надъ землею, а изображеніе человѣческое продолжало сидѣть въ одинакомъ положеніи.

Дровосѣкъ, застигнутый ночью въ лѣсу, поспѣшно возвращался домой и проходя мимо кургана, вдругъ услыхалъ вздохъ.—Испугавшись этой нечаянности, онъ невольно остановился и сотворилъ крестное знаменіе, послѣ собравшись съ собою, сталъ прислушиваться, но ничего не слыхалъ, кромѣ ропота ручья—журчаго отъ него

*) Думать можно на томъ, который находится нынѣ на Полевомъ дворѣ. *Соч.*

**) Богъ лѣсовъ.

недалеко, и хотѣлъ было продолжать путь свой, но вздохъ онять повторился—узнавши изъ какого мѣста донесся онъ къ нему, дровосѣкъ сталъ взбираться на курганъ, перемѣнивъ страхъ на состраданіе при мысли, что можетъ быть разбойники, не дорѣзавъ кого нибудь, покинули здѣсь на мученіе; ощупывая впереди себя онъ охватилъ кого-то и какъ будто обжегшись—оттянулъ назадъ руку и спросилъ робкимъ голосомъ: кто тутъ? —отвѣта не было. Увѣрившись еще болѣе, что это умирающій человѣкъ, онъ рѣшился подать ему помощь сколько можетъ; и схвативши его обѣими руками, стащитъ съ кургана и почти донесъ на плечахъ домой, покинувъ вязанку дровъ.

Когда добрелъ онъ до усадьбы, въ которой жилъ, втащилъ его въ свою юрту и съ помощію огня усмотрѣлъ юношу прекраснаго, но блѣднаго, въ сильномъ изнеможеніи склонившаго голову на плечо и полуоткрытыми глазами молча смотрящаго на заботливаго попечителя своего. Бѣдный смердъ насилу добился отъ него нѣсколько несвязныхъ словъ,—какъ тебя зовутъ, родимый мой? —спрашивалъ онъ его. „Всеславомъ“ отвѣчалъ неизвѣстный.

— Какъ забрелъ ты въ этотъ лѣсъ и зачѣмъ? не раненъ ли ты?

„Я искалъ ее—Марію—она... мнѣ сказывала сестра ее, исчезла, пропала—у нихъ былъ какой то незнакомецъ—вотъ все что я знаю! говорилъ Всеславъ отрывисто.

Сочтя его за помѣшаннаго, жалостливый смердъ оставилъ его до утра на соломенномъ ложѣ своемъ

чтобъ тогда освѣдомился о немъ подробнѣе—а самъ залегъ на сѣнникѣ. Настало утро и какъ же изумился онъ не найдя больнаго гостя своего ни на постелѣ, ни въ юртѣ—тотчасъ по всей усадьбѣ разнеслась молва, что въ домѣ стараго Якова ночевалъ духъ и сгорбленная юрта его со всѣхъ боковъ отмѣтилась большими крестами, проведенными мѣломъ по бревенчатымъ стѣнамъ.

Всеславъ, оставшись одинъ, очуствовался и собравъ мысли свои, пришелъ въ себя—память прочла ему подробное извѣстіе, слышанное отъ Надежды о пропажѣ Маріи, и посѣщеніе какого-то незнакомца, первое предпріятіе его было отыскать ее или—потерять себя; увидавши, что онъ находится одинъ въ темной конуркѣ, ему показалось душно—онъ всталъ, отыскалъ ощупью дверь, отворилъ ее и не видя, кого бы поблагодарить за попеченіе о себѣ—поплелся направляясь къ Сокольникамъ. Время перешло за полуночь; бродя въ хаосѣ мрака спотыкался онъ на каждомъ шагу, дожидаясь нетерпѣливо освѣщенія дня, долго продолжалось его безнамѣренное шествіе, наконецъ небосклонъ началъ просвѣтляться и лучи солнца сквозь пучину тучъ отбросились багровымъ отблескомъ на землю. Оглядывая окрестности, въ коихъ находился, увидалъ онъ себя въ незнакомомъ мѣстѣ подлѣ глубокаго оврага, протягивающагося длинной перспективой предъ нимъ, около котораго ходилъ низенькій человѣкъ въ чудной одеждѣ, собирая травы; лишь только завидѣлъ онъ Всеслава, то и подо-

шелъ къ нему, привѣтствуя сими словами: „добрый день, Всеславъ Михайловичъ, рано ты вышелъ на поиски—но находка-то ужъ поздна!“

— Почему ты знаешь меня и то, что я ищу? —спросилъ его Всеславъ въ изумленіи.

„Отъ меня не укроется ни червь подъ землею, ни рыба на днѣ морскомъ, я все обсмотрю и мысли и волосы твои всѣ перечту по пальцамъ!“ отвѣчалъ низенькій человѣкъ.

— Считай лучше зубы у себя во рту—сказалъ Всеславъ и пошелъ отъ него прочь.

„Эхъ, любезный, будешь жалѣть, что обошелъ меня!“ говорилъ ему въ слѣдъ низенькій человѣчекъ (въ которомъ, я думаю, опять читатели мои узнали уже плута Елисея), „я бы тебѣ показалъ, куда порхнула твоя пташечка и съ кѣмъ.“

Еще въ большемъ изумленіи остановился Всеславъ и схватившись за его слова оживленными мыслями, вскричамъ:—ты знаешь, о! помоги мнѣ найти ее—и возьми за то хоть полжизни моей; скажи мнѣ, гдѣ она и кто ты чудный угадчикъ?

„Э?—не все вдругъ—вотъ то-то и есть, зачѣмъ тебѣ было, имѣвъ драгоцѣнный камень, отыскивать простой кремень—обойдя чистый прудъ—бросаться въ грязную лужу?“

—Говори яснѣе—я нетерпѣливо хочу знать, гдѣ она; или я зашвырну тебя!—сказалъ съ сердцемъ Всеславъ.

„Тогда останешься въ потьмахъ заблужденія и безъ провожатаго!“ отвѣчалъ равнодушно Елисей.

— Чего же ты хочешь отъ меня за вразумленіе свое?

„Терпѣнія—чего больше отъ тебя хотѣть, я все могу имѣть, когда читаю судьбу людей въ своихъ познаніяхъ и докажу тебѣ это, только слушай меня не прерываючи.“

Всеславъ молча сложилъ руки на грудь и устремилъ на него неподвижно глаза, какъ будто весь хотѣлъ превратиться въ слухъ.

Злобно улыбнувшись, пригладилъ Елисей голову свою и началъ: „самъ ты упустилъ птичку, когда она уже клевала пшеничку изъ рукъ твоихъ,—зачѣмъ ты презрѣлъ Елену Тимоѳеевну и дался весь этой бѣлокуренькой плутовочкѣ Машѣ; теперь ищи же ее, ртуть не скоро поддается.“

— Не смѣй такъ говорить о ней или я сколочу ротъ твой гвоздями, чтобъ въ немъ захлопнуть дерзкій языкъ твой, поворачивающій на оскорбленіе моей...

„Полно сердиться!“ прервалъ его Елисей: вѣдь я радъ бы не говорить о ней сего, да поступки-то ея сами сказываются; огня сѣномъ не прикроешь, выкажется, но ты я вижу не расположенъ слушать меня, такъ прощай—пусть она позарѣ-то утекаетъ да утекаетъ.“

— Мучитель—сказалъ Всеславъ въ сильномъ страданіи—ну говори, я задавлю въ себѣ голоданіе нетерпѣнія!

„Помнишь ли ты высокаго человѣка съ низкою душою, котораго ты спасъ отъ побоевъ Татаръ и за котораго отомстилъ ты такъ славно Бешару,

сподручнику Баскакову?—Онъ Нижегородскій выходецъ, награбившій по чужимъ и своимъ землямъ много добра, а съ нимъ можно многое и сдѣлать. Подробнѣе узнаешь ты послѣ, когда поднимешь на него руку свою для отмщенія примѣрнаго—ему давно уже сильно приглянулась твоя Марія, но онъ видалъ ваши свиданія и не зная какъ извести тебя, или лучше сказать, задавить въ ней раждающуюся любовь къ тебѣ—подъ благовидной причиной вошелъ къ нимъ въ домъ во время твоей болѣзни и разсказалъ матери и дочери о женитьбѣ твоей, какъ бы предостерегая ихъ отъ оковъ обольщенія,—послѣдствія же вышли тѣ, что слухъ, разнесшійся о семъ, потвердилъ слова его, мать только качала головою, а дочь изливалась слезами. Но долго-ли утѣшить женщину: свѣтленькая пуговка, блестящее колечко или бусы вытрутъ не только изъ глазъ, но и изъ сердца всякую печаль. Этотъ человѣкъ обольщалъ ее разными дарами, которые она принимала съ удовольствіемъ и короче сказать, уловивъ время, онъ открылся ей въ любви и безъ труда уговорилъ ее бѣжать съ нимъ и обвѣнчавшись выпросить прощенье у матери—но цѣль его была не до женитьбы, какой души искать въ бездушномъ? Погоди, не вались„ продолжалъ онъ поддерживая едва дышущаго Всеслава, „прежде тебѣ надобно его повалить; но опять повторяю, довѣрчивый юноша, зналъ ли ты и имѣлъ ли доказательства ея отвѣтственности въ любви къ себѣ? Стало быть она потихоньку, чуть-чуть любила тебя, когда скоро забы-

ла и отдалась другому, который былъ, похитрѣе и посмѣлѣе тебя, ты отыскалъ,—а онъ нашелъ, ты протянулъ руку,—а онъ схватилъ.—Таковыя женщины—это граненое стекло, принимающее поминутно все разные образы, это сладкій напитокъ въ прекрасномъ бокалѣ,—на днѣ котораго шипитъ и клубится ядъ,—коснись хорошенько до него и привьется зараза.“

Не бывъ въ состояніи говорить, молча Всеславъ махнулъ ему рукою остановиться; Елисей, видя его изнеможеніе, подвелъ его къ ручью и освѣживъ водою сказалъ, вынимая изъ пазухи свой кинжалъ: „Вотъ твой мститель!—пойдемъ, я укажу тебѣ издали логовище твоего злодѣя—подкрадься потихоньку, и когда онъ сжимая въ объятіяхъ твою Марію вонзитъ въ нее уста свои—вонзи и ты въ него этотъ кинжалъ—да смотри не промахнись! хоть оцарапни только; онъ намазанъ такимъ зельемъ, что съ разу выжжетъ всю кровь, высушитъ мозгъ и насытитъ твои глаза судорогами врага.—Да и змѣю-то, что обовьется около его шеи, раздави какъ клопа, ужъ они небось изцѣлэвали всѣ губы свои—и ..“

— Подай!—вскричалъ Всеславъ вырвавъ у него кинжалъ чуть не съ рукой—но немного погодя бросилъ его къ ногамъ Елисея сказавъ:—нѣтъ я не умѣю быть заспиннымъ убійцей, я открыто швырну ему вызовъ свой—правота и оскорбленіе поддержатъ меня и направятъ руку мщенія—въ самое сердце!

„Ну хорошо“ сказалъ равнодушно Елисей, поднимая кинжалъ: „ты добръ, и тебѣ конечно

жалко будетъ похитить у любезной своей любовника ея, ты будешь доволенъ видѣть ее счастливою и въ чужихъ объятіяхъ; поди же полюбуйся,—онъ тебѣ позволитъ посмотрѣть завидливо на восторги любви своей—онъ богатъ и наградитъ тебя за добровольную уступку и она можетъ быть тронется и подаритъ умильнымъ взглядомъ —чего жъ больше, ты не будешь оставленъ ими; современемъ они поручатъ тебѣ няньчить дѣтей своихъ и стеречь въ храминѣ ихъ ложе любви...

— Человѣхъ ли ты, или совмѣстникъ дьяволовъ?—воскликнулъ Всеславъ въ сильномъ изступленіи, схвативъ Елисея и сильно тряся его— какую змѣю зародилъ ты въ груди моей! какимъ ядомъ напиталъ сердце!—мертвишь,—но не умерщвляешь. Подай мнѣ кинжалъ—я утоплю его въ крови этого человѣка и пусть онъ весь размокнетъ въ ней! О! зачѣмъ проклятія мои не разразительны какъ молнія—есть еще желѣзо—оно соскоблитъ съ души моей жгучія пятна ревности, —отъ чего эту фурію не могу я навязать на его грудь и испалить ее въ пепелъ!—Пойду посыплю на него удары; громы небесные! васъ зову я въ помощь на него, задавите его!... Нѣтъ, нѣтъ не нужна мнѣ ваша помощь, одинъ я хочу мстить; смерть, молю тебя не ускоряй своимъ явленіемъ предъ него, дай мнѣ прежде насытить ненасытную жажду крови, дай прежде рукѣ моей до изнеможенной устали втискивать въ него удары мертвящіе и тогда пусть адъ разинетъ пасть свою у проглотитъ искаженный трупъ его!—Въ такомъ неистовствѣ побѣжалъ Всеславъ, самъ

не зная куда, влача за собою Елисея, который не могъ уже никакъ уговорить его образумиться; и раскаявался, что безмѣрно раздулъ въ немъ жаръ мщенія,—долго тащилъ онъ его трепещущаго, и уставши остановился и спросилъ: гдѣ же онъ? подай мнѣ его, или я закину тебя, отыскивать ихъ, въ тартаръ?

— Эхъ любезный, вотъ то-то и есть—произнесъ задыхаясь Елисей, мы только теряли время въ безцѣльныхъ бѣгахъ своихъ! Ну что тебѣ вздумалось проваживать меня какъ лѣнивую лошадь и тащить за шиворотокъ какъ волочатъ собакъ вѣшать на осину—мы бы ужъ теперь были не далеко отъ него.

„Ну хорошо, пойдемъ!“ сказалъ нѣсколько успокоенный Всеславъ: ты будешь свидѣтелемъ нашего поединка—и когда я поражу—дорѣзывай!“

— Нѣтъ — я люблю только смотрѣть издали какъ дерутся—пѣтухи, а рѣзать только—гуся на жаркое.

„Подлый трусъ!“ произнесъ Всеславъ въ негодованіи: „не клевету ли изрыгаетъ подлая душа твоя?“

— А вотъ у меня есть вещица — перервалъ его покойно Елисей, вынимая запрятанное въ кушакѣ своемъ кольцо,—когда Маріи твоей новый любовникъ подарилъ новое кольцо, тогда это, кинутое съ презрѣніемъ докатилось до меня, я и спряталъ его до случая — видишь какъ оно потускнѣло, узнаешь ли его?

Всеславъ взялъ изъ его рукъ кольцо, пере-

вернулъ его, взглянулъ на начерченное изображеніе незабудки и почти сквозь слезы воскликнулъ: „мое, мое, неблагодарная!“—и послѣ вдругъ закинулъ его въ Яузу, по берегу которой они шли, сказавъ: „ступай, надѣнься лучше на волну и пусть она закатитъ тебя навсегда отъ глазъ моихъ!“

— Что ты — произнесъ жалобно Елисей, не ожидая отъ него такого поступка—вѣдь оно золотое.

Молча Всеславъ брелъ за нимъ и пройдя многіе пересѣки лѣса достигли они непроницаемыхъ стѣнъ онаго: тогда Елисей остановился и сказалъ: — пробирайся теперь прямо сквозь его и увидишь шалаши, а послѣ ихъ вѣрно разглядишь и незнакомаго знакомца своего, тогда ужъ дѣйствуй живѣй,—бросься и закати ножъ прямо въ горло, если скоро выдешь оттуда, то ворочайся на то мѣсто, гдѣ нашелъ меня, а чтобъ тебѣ лучше найти меня, то я стану обдергивать вѣточки и бросать за собою.

Оставшись одинъ, Всеславъ сталъ пробираться чрезъ густой лѣсъ, заслонявшій скорость его шествія и чрезъ нѣсколько времени услыхалъ голоса людей, а потомъ увидѣлъ мельканіе ихъ около шалашей, подлѣ которыхъ двигалась толпа людей страшнаго вида въ овчинныхъ зипунахъ, въ косматыхъ шапкахъ, опоясанные веревками съ заткнутыми за нихъ широкими ножами; кто бродилъ въ небрежно накинутомъ сермяжномъ плащѣ, волоча за собою длинную саблю, кто съ рогатиной на плечѣ подходилъ къ пылающему

огню и поправлялъ ею дрова, всѣ находились въ разныхъ позиціяхъ. Не подалеку отъ нихъ, подъ поклономъ вѣтвистой липы на дерновой скамьѣ сидѣлъ мущина въ опрятной одеждѣ, держа на колѣнахъ своихъ женщину, склонившую къ нему на плечо голову и обвившись около его руками; онъ придерживалъ ее одной своей рукой, а другою собиралъ разсыпанные локоны ея; — это онъ, это совмѣстникъ его, Всеславъ узналъ его, женщину же со склоненной головой хоть и неудобно было разсмотрѣть, но кому-жъ быть кромѣ Маріи.

Не выдержавъ этой сцены, откинулъ онъ Елисеевъ кинжалъ, выхватилъ изъ ножень мечъ и какъ оперенная стрѣла, рванувшаяся съ тетивы, помчался къ счастливцамъ. „Кто идетъ?“ закричалъ вдругъ поднявшійся предъ нимъ съ земли человѣкъ и загородилъ ему дорогу. Однимъ ударомъ повергнувъ противника и перескочивъ чрезъ тѣло его, бросился онъ молніеносно подъ липу со словами: „измѣнница! предатель!“ и вѣрно прохватилъ бы мечемъ своимъ насквозь сидящихъ подъ ней, еслибъ вздрогнувшая женщина не обернулась и не скатилась въ страхѣ къ нему подъ ноги пробужденною изъ сладкаго забвенія шорохомъ ого.

„Прочь, змѣя!“ сказалъ онъ оттолкнувъ ее ногою.—А! это ты!—вскричалъ встрепенувшійся незнакомецъ узнавъ его, — насилу-то дождался я тебя!—и обнаживъ саблю встрѣтилъ его. — Въ одну минуту наскочили разбойники и кинулись на Всеслава: вдохнутый силою мщенія, ударами

сокрушительными расторгалъ онъ сдвинувшіяся стѣны разбойниковъ около атамана ихъ и приближался къ нему;—стойте!—закричалъ атаманъ своимъ, удержавъ ихъ — я самъ долженъ защищаться и нападать;—между тѣмъ женщина пришла въ себя и съ распущенными волосами,—безъ покрывала упала предъ Всеславомъ на колѣни и обнимая ихъ вскричала: пощади его—пронзи меня!—„Отведите ее отъ меня!“ вскликнулъ Всеславъ и вдругъ остановился—голосъ ея поразилъ его — онъ взглянулъ со вниманіемъ и руки его опустились... сколько нечаянностей! Незнакомецъ — атаманъ разбойничьей шайки,—женщина въ его объятіяхъ—Елена.

„Гдѣ-жъ Марія?“ произнесъ онъ помолчавъ немного и оглядываясь.

— Ее ли только ищешь ты?—спросилъ атаманъ.

„Я ищу ее, а мечъ мой похитителя ея“ сказалъ Всеславъ.

— Такъ далеко же и долго придется тебѣ отыскивать ихъ—отвѣчалъ атаманъ.

„А! она ужъ надоѣла тебѣ—ты можетъ быть заглодалъ ее, и завелъ новую—защищайся же!“ закричалъ Всеславъ, размахнувъ мечемъ.

— Прежде чѣмъ стану защищаться, дай мнѣ спросить тебя—сказалъ атаманъ грубо:—за что ты Елену назвалъ измѣнницей—развѣ она охотно приступала по наказу отца своего къ вашему соединенію съ нею?

„Я прежде спросилъ тебя гдѣ Марія,—а до Елены мнѣ никакого дѣла нѣтъ—отвѣчай же,

или защищайся!“ возразилъ Всеславъ, и рванулся на него.—Откинувъ далеко свою саблю, атаманъ сталъ предъ нимъ съ обнаженною грудью, и произнесъ:—вынь изъ меня жизнь, если я виновенъ въ похищеніи Маріи; но прежде возьми терпѣніе выслушать меня, мы оба обманулись.— Бывъ тронутъ его поступкомъ и спокойнымъ видомъ, не изобличающимъ его въ чемъ-либо, Всеславъ опустилъ и свой мечъ, готовясь слушать его.

„Кто довелъ тебя до этого мѣста?“ спросилъ его атаманъ. Всеславъ разсказалъ ему подробно, что встрѣтился съ какимъ-то недоросткомъ человѣческимъ, который удостовѣрилъ его въ похищеніи имъ Маріи и довелъ сюда для мщенія, обѣщаясь дожидаться гдѣ-то, указавъ дорогу по набросаннымъ вѣтвямъ.

— А! знаю, кто это хотѣлъ сдѣлаться бичемъ нашимъ — произнесъ атаманъ — онъ исполнялъ слова свои, данныя Абдрахману, чтобъ непріятели его истребили сами себя. — Но я когда-нибудь ужъ залучу его въ свои руки и натѣшусь надъ нимъ—помиримся же, милый мой Всеславъ, не отвергай дружбы разбойника, она пригодится, я ужъ доказалъ тебѣ мою благодарность — но сдѣлаю еще болѣе, погоди, бросимся прежде по слѣдамъ его.—Взявъ съ собою нѣсколько человѣкъ изъ шайки, а другимъ наказавъ издали слѣдовать, отыскали они набросанныя вѣтви, и пошла по ихъ вожденію. — „Онъ готовилъ тебѣ вѣрную смерть“ сказалъ атаманъ дорогою: „если бы ты и убилъ меня, мои молодцы тогда ис-

крошили бы тебя; но еслибъ случай тебѣ поблагопріятствовалъ и ты бы ускользнулъ отъ нихъ, то попалъ бы въ западню; ужъ недаромъ онъ тебѣ показываетъ эту дорогу, по которой мы идемъ.“ Прошедъ много мѣста, вѣтви перестали застилать дорогу, атаманъ велѣлъ одному разбойнику влѣзть на самое высокое дерево и обсмотрѣть окружности, не примѣтитъ ли онъ кого. Разбойникъ, отыскавъ такое дерево, какъ векша обвился руками около его и вскарабкавшись, сѣлъ почти на самой макушкѣ.—„Вонъ“ говорилъ онъ: „у чернаго озера сидитъ много татаръ и съ ними какой-то мальчикъ,—глядя пристально на нашу сторону.“

— Пойдемъ же, грянемъ на нихъ — и разразимъ! — сказалъ Всеславъ атаману.

„Давно бы я освободилъ землю отъ этихъ тварей, отвѣчалъ атаманъ—но не пришло еще время, я знаю мнѣніе даже самого великаго князя Димитрія извести ихъ, но теперь еще рано, отъ чего же и смотрятъ-то всѣ равнодушно на ихъ буйственные поступки; не вѣдаю, Русь ли наша готовитъ имъ могилы, но знаю, что скоро застигнутъ они ихъ; воротимся лучше ко мнѣ, я увѣдомлю тебя обо всемъ, теперь ты опять спасенъ отъ явной смерти! „Они пошли и дорогой атаманъ сказалъ Всеславу, что Абдрахманъ съ помощію Елисея похитилъ Марію слѣдующимъ образомъ: „давно любя ее и зная ея склонность къ тебѣ, онъ, соединясь съ подобнымъ себѣ мошенникомъ Елисеемъ, подкупилъ людей твоихъ убить тебя; но какъ это не имѣло успѣха, то они

выдумали другіе обороты; явно напасть не смѣли на усадьбу, чтобъ вытащить Марію насильно, ибо боялись раздражить народъ и князя, примѣчая, что настаетъ для нихъ время тяжкое; одѣвшись въ подобное тебѣ платье и украсивъ шлемъ голубымъ перомъ, Абдрахманъ ходилъ однажды мимо усадьбы и голубой долины; Марія, не видавъ тебя долго, обрадовалась, издали сочтя этого кабана за своего любезнаго и довѣрчиво шла за нимъ по его мановенію — когда же отошла на порядочное разстояніе отъ долины и остановилась, боясь увлекаться далѣе, то онъ бросился на нее какъ коршунъ на горлицу и завязавъ ей ротъ—потянулъ въ лѣсъ; тутъ дожидался его Елеська съ провожатыми на лошадяхъ и они помчали бѣдняжку. — Я знаю это вѣрно и многое другое, благодаря ловкому шпіонству моего сподручника Сорванца, онъ вывѣдываетъ отъ упившихся татаръ всякую всячину,— я былъ въ это время не въ такомъ расположеніи, чтобъ подробнѣе узнавать о семъ, ибо слухъ донесъ мнѣ вѣсти, схватившія меня за сердце какъ когтями, именно: что ты вступаешь въ бракъ съ моею Еленою; я сперва изумился, зная любовь твою къ Маріи, но послѣ вдохнутый мщеніемъ, бросился къ ея матери и высказалъ ей душу твою, признаюсь, словами недобрыми, прости меня, я не зналъ, я не видалъ ничего, кромѣ какъ: вотъ надѣваютъ на васъ вѣнцы золотые и моей подругѣ блѣдной и печальной расплетаютъ косу дѣвичью и отдаютъ другу немилому. Даже, когда я увезъ ее, она сама не знала до сихъ поръ

любишь ли ты ее, или нѣтъ — я хотѣлъ съ тобой биться и сдѣлать свадьбу кровавую. Тогда бы запировалъ мечъ мой на праздникѣ смерти и побратался бы съ черепами друга и недруга— такъ былъ я ожесточенъ!"

„Но теперь все открылось!" сказалъ Всеславъ: „я ощущаю еще не совсѣмъ стихнутое чувство раздраженный ревности, но счастливъ, онѣ съ тобой—такъ близко—а Марія..... прощай—я не могу болѣе!"

— И ты думаешь, что я пущу тебя одного?— возразилъ Атаманъ! — Нѣтъ, я оскорбилъ тебя и умѣю быть благодарнымъ и заглаждать нанесенныя мной обиды также, какъ и мстить ужасно до самаго гроба. Сорванецъ! — крикнулъ онъ, какъ можно скорѣй узнай подробнѣе, куда спрятали ту дѣвушку, о которой намедни тебѣ хвастались въ шинкѣ пьяные татары, возьми золота —трать время, но иначе не являйся ко мнѣ, какъ съ вѣрнымъ извѣстіемъ о ней.—Сорванецъ пошелъ отъ нихъ въ сторону—и исчезъ.

Теперь отдохнемъ — сказалъ Атаманъ возвращаясь въ шалашъ свой, возвышеннѣе и обширнѣе прочихъ стоявшій на самой срединѣ между другими. Елена бросилась къ нему на шею и Всеславъ завистливо посмотрѣлъ на нихъ; имѣя мысли переполненныя тоскою, онъ не спалъ всю ночь; утро освѣтило его, но не просвѣтило мглу мечтаній. — „Вѣрно не объ отцѣ ты думаешь?" сказалъ атаманъ усмѣхаясь и обнимая, его нашедъ печальнымъ.

— Я долженъ думать о немъ отвѣчалъ Всеславъ

—но онъ самъ причиною моего отчужденія поступая жестоко со мной.

„Успокойся!“ произнесъ заботливо Атаманъ: „вотъ какъ скоро возратится Сорванецъ, мы ударимся на поиски, перешагнемъ всѣ трудности, подкопаемся хоть подъ рѣки, но вытащимъ ее отовсюду. Теперь я разверну предъ тобой свитокъ прошлой жизни мой, заклейменной яркими отмѣтинами добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

— Ты думаешь видѣть во мнѣ разбойника, душегубца,—алчущаго упиться золотомъ и кровью —но не осуди прежде времени,—слушай же.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

Примѣчанія

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

1) Всякое лакомое угощеніе называли въ старину *гостинцами*.

2) Тогда дѣвушки раздѣлялись *на сѣнныхъ и комнатныхъ*, послѣднія находились всегда при госпожѣ своей, особенно въ спальнѣ и уборной ея, и занимались только ухаживаніемъ около ея, а первыя исправляли черную работу,

3) Среди Москвы находилось много рощей и луговъ; бояре имѣли свои мызы загородныя и въ городѣ.

4) На *горахъ Воробьевыхъ* были села и усадьбы княжескія и боярскія.

5) *Обѣльными слугами* назывались крѣпостные.

6) Въ 1378 году августа 11, было первое пораженіе Монголовъ-Татаръ, земля Мордовская находилась подъ властію ихъ, а Россіяне отомстили Мордовцамъ за раззореніе *Рязани* и *Городца*. Мамай посылалъ имъ вспомогательное войско, но Великій Князь Димитрій ихъ разбилъ; однимъ крыломъ командовалъ князь Даніилъ Пронской, а другимъ Окольничій Тимоѳей; тогда получили

они большую добычу и это была первая побѣда съ 1224 года. Мамай мстилъ русскимъ опять разореніемъ Рязани, Олегъ, князь Рязанскій бѣжалъ за Оку, но Мамай воротился, отложивъ наносить рѣшительный ударъ Россіи. *См. Ист. Карамз. т. V.*

7) Всѣ удѣльные князья Россійскіе почитали Московскаго князя *старшимъ* и вносили дань свою, подлежащую Ордѣ, въ его кассу; который полную дань отсылалъ Хану; только Тверской князь самъ имѣлъ дѣло съ Ордою.

8) *Закупной* или *закабаленый* слуга—значилъ на время нанятый.

9) Дружиною называлось цѣлое войско и часть онаго.

10) *Смердъ*—земледѣлецъ.

ЧАСТЬ III.

. . . Ты, великій человѣкъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ!
И славы лучъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Съ трескомъ небо развалится
И время на косу падетъ!

Дмитріевъ.

ГЛАВА I.

Исторія атамана. Отчаяніе Всеслава. Явленіе и приключеніе разбойника.

Иныхъ здѣсь чувствъ и мнѣній люди,
Они-бъ не поняли меня,
И повѣсть грустная моя
Не взволновала бы ихъ груди.

„Я родился въ Новгородѣ и называюсь Владиміромъ; отецъ мой сталъ извѣстенъ въ Россіи по смѣлымъ набѣгамъ на чужія и свои земли и славнымъ *молодечествомъ* 1); имя его *Александръ Абакуновъ* 2); бывши еще не больше меча его, ѣздилъ я съ нимъ далеко за добычею: многіе новгородцы составляли дружину нашу подъ названіемъ охотниковъ, ходили по рѣкѣ Оби до самаго моря, дрались съ двинянами, послѣ пустились по Волгѣ на полутораста лодкахъ и много надѣлали рѣзьбы въ *Нижнемъ* 3). Земляки мои торговали съ лифляндцами и нагудѣли намъ разсказами своими многое о богатствѣ нѣмцевъ; отца моего взяла еще охота рискнуть въ *Колы-*

вань 4). Не всѣ подробности стану тебѣ разсказывать о битвахъ съ *Латниками* 5). Несмотря на пронесшійся слухъ, что они начинаютъ убивать какимъ-то *живымъ огнемъ* 6), мы подъ застилкой ночи на разбѣгчивыхъ *лоджахъ* 7), подкатывались подъ крѣпкіе ихъ замки и огнемъ и мечемъ поднимали ихъ на воздухъ, выхватывая изъ пламя добычу; изъ числа храбрыхъ ихъ рыцарей при нашемъ появленіи иные какъ зайцы утягивали въ лѣсъ, а многихъ находили мы притаившимися въ погребахъ у идоловъ своихъ—вѣковыхъ фляжекъ, погребенныхъ въ глубокій песокъ и ожидающихъ отъ нихъ корней—вѣдь иной бывало скорѣй согласится, чтобъ ему раскололи черепъ, нежели раскупорили флягу его, а всего забавнѣе было смотрѣть на скрягъ, какъ они сѣдлали собою сундуки, окованные въ желѣзную чешую и тряслись на нихъ какъ догорающій огонь, бывало сразу и уговоришь обухомъ меча къ сдачѣ и хозяина, и сундукъ, добро изъ него выгребемъ, а хозяину гвоздь въ голову—окунемъ его въ опорожненный сундукъ, прижнемъ крѣпко накрѣпко и ключи въ воду. Однако случалось, что они отстаивали нѣсколько времени гнѣзда свои, и бывало законопатятся всѣ въ латы, выстроятся башнями и не двинутся съ мѣста какъ полный орѣхъ въ скорлупѣ, а мы-то знаешь налегкѣ какъ соколы налетимъ да щипками и урывками, и откалываемъ съ нихъ глыбы желѣза какъ льдины. Я, насмотрѣвшись съ малолѣтства на картины дракъ, убійствъ и пожаровъ, привыкъ и самъ ужъ мѣтко вонзать копье ли, ножъ ли,

во что хочешь, душа моя ожесточалась все болѣе и болѣе и зачерствѣла подъ корой равнодушія ко всему тому, что называютъ ужасомъ; даже ни одинъ умильный взоръ дѣвушекъ не могъ проникнуть сквозь эту кору. Одинъ изъ нашихъ молодцовъ, спасшій мнѣ жизнь, былъ убитъ измѣннически *огнищаниномъ* 8) нашего города за то, что *сѣлъ на его коня* 9) не спросясь хозяина и не заплативъ ему *виры* 10); благодарность моя къ убіенному не заглохла въ памяти моей и я до случая подавлялъ въ себѣ месть къ убившему.

„Въ это время Димитрій, князь Московскій, замышлялъ уже о великомъ предпріятіи своемъ; готовясь къ борьбѣ съ Ордою многоглавою, хотѣлъ онъ прежде внутри Россіи установить порядки, и потому въ согласіи прочихъ князей подтвердились тогда строгіе наказы блюсти себя въ повиновеніи и чтобъ захватить моего отца, какъ врага симъ постановленіямъ; но онъ, боясь укрываться въ тамошней *верви* 11), бѣжалъ опять куда-то по рѣкѣ Оби и совсѣмъ запропастился. Оставшись одинъ (ибо матери не помню) и бывши уже въ возрастѣ, я не дорожилъ жизнію и улучивъ время саданулъ того огнищанина, который лишилъ меня спасителя и друга моего. Бывши неопытенъ въ бѣгствѣ, попался я въ когти *Варникамъ* 12) *и присяжнымъ* 13), которые за отпирательство мое хотѣли произвести надо мною *судъ небесный* 14) и послѣ заклеймить и отдать на *потокъ* 15). Большое наше имѣніе не все захватилъ съ собою отецъ мой, ибо онъ намѣренъ былъ возвратиться за нимъ и за мной, я

и разсудилъ, если ошарятъ у меня золото, то *поведутъ на сводъ* 16) и ни въ какомъ бы случаѣ мнѣ не избавиться отъ бѣдъ; мнѣ пришло на мысль облегчить свои сумы выгрузивъ изъ нихъ добро одному *Дьяку* 17); онъ же въ благодарность оправдалъ меня предъ *Тысяцкимъ* 18) тѣмъ, что не было свидѣтелей при моемъ убійствѣ и когда оттянули разборъ дѣла, а меня засадили на желѣзное ожерелье до времени, я съ помощію того же дьяка и роднаго брата его, случайно *Тіуна* 19), бѣжалъ изъ Новгорода и скитаюсь вотъ до сихъ поръ безъ постояннаго пріюта. Сначала я направилъ путь свой въ Сарай, имѣя еще довольно *денегъ* 20); тогда находился тамъ князь Димитрій сбираясь на возвратный путь въ Москву, ѣздившій съ дарами оправдаться предъ ханомъ и снова установленный имъ въ Московскіе князья. Я былъ свидѣтелемъ церемоніи, когда Амуратъ *) при торжественномъ собраніи всѣхъ своихъ вельможъ и множества народа вручилъ ему *мечъ Самодержавія* 21); мнѣ захотѣлось побывать въ новой столицѣ Русской и я выдалъ себя за Московскаго *гостя* 22), вмѣшался въ число *Бирючей* 23) и прибылъ въ Москву. Здѣсь почитали меня *бездомовнымъ* 24); однако, я, имѣя при себѣ достатокъ сокровищъ, жилъ хорошо, и привыкнувъ поступать самовластно, вооруженною рукою мстилъ многимъ, примѣрно за то, что меня разглашали согляда-

*) Ханъ, царствовавшій тогда въ Сараѣ.

таемъ Тверскаго князя Михаила и называли забѣглымъ; дѣла такого рода произвели то, что до меня стали добираться порядкомъ и я хотѣлъ уже опять направиться въ какую нибудь страну, гдѣ бы душа моя, приласканная чужбиной, забыла родной край отечества.

„Однажды въ раздумьи бродилъ я по Сокольникамъ, тоскуя о невозможности прильнуть какъ нибудь къ княжеской дружинѣ въ число копьеносцевъ и взоромъ печальнымъ прощался съ мѣстами, такъ полюбившимися мнѣ, вдругъ слышу кто-то называетъ меня по имени недалеко отъ того мѣста, гдѣ я скитался, оглядываюсь пристально и вижу бывшаго товарища моего отца; все минувшее такъ живо говоритъ съ душой и лицо представляющее собою живое отраженіе воспоминаній о быломъ, сильно двигаетъ душу. Радость обоихъ насъ была искренна, я разсказалъ ему все приключившееся со мной отъ разлуки нашей до сего дня, а онъ повѣдалъ мнѣ, что отецъ мой остался тяжело раненымъ въ Двинянской землѣ, а они были разсѣяны послѣ разбитія своего по разнымъ мѣстамъ, но что большая часть охотниковъ, уцѣлѣвшая отъ косы смерти, раздѣлилась на двѣ половины, одна пошла въ Муромскіе лѣса, а другая сюда; онъ звалъ меня раздѣлить съ ними этотъ родъ жизни — и въ самомъ дѣлѣ, увидя себя посреди старыхъ земляковъ и *собратовъ* 25), я снова ожизнился; они единогласно признали меня атаманомъ и присягнули хранить такую же вѣрность и повиновеніе къ сыну, какую имѣли къ отцу его.

„Мы основали себѣ прочное жилище въ самой глубинѣ этого лѣса, живя лѣтомъ въ землянкахъ, а зимою безъ нужды въ юртахъ своихъ, сохраняясь никогда недогорающимъ у насъ огнемъ и награбленными мѣхами. Впрочемъ, я старался прекращать всякія убійства, развѣ вынужденный необходимостію, чтобъ печальною молвою въ нашу глушь не открыли стези къ ней; но молва стоустая донеслась въ Москву о таинственныхъ разбойникахъ и цѣлые полки розыскивали нашъ пріютъ; но мои соглядатаи примѣчали каждое движеніе ихъ и такимъ образомъ мы обходили опасность, укрываясь счастливо отъ всѣхъ поисковъ. Недавно этотъ хитрый дьяволенокъ Елесь-ка проникъ таки въ нашу пристань и потому, скрывалъ насъ, что думалъ во мнѣ найти вѣр-наго помощника себѣ для погубленія отечества нашего и для службы Абдрахману; но посѣщеніе его съ симъ предложеніемъ было безъ умна: и когда онъ услыхалъ, что я велѣлъ отдернуть по-лову отпустившему его разбойнику, то и не за-глядывалъ съ тѣхъ поръ сюда боясь стряхнуть съ плечъ свою; однако и я знаю его открытіе, но онъ, если теперь и бываетъ иногда дома, то въ присутствіи всей стражи татарской; въ Москву ѣздитъ онъ въ разныхъ личинахъ, то нонѣ яв-ляется на ходуляхъ, то прикатываютъ его въ бочкѣ и проч., а на татаръ я потому не напа-даю, что берегу безопасность князя, время еще не пришло вспыхнуть общему пламеннику; стало быть тигра Мамая рано поднимать въ его бер-

логѣ русскими рычагами и пробуждать гнѣвъ преждевременный.

„Народъ съ ужасомъ слушаетъ росказни о страшномъ разбойникѣ, такъ именуютъ меня, и каждый суставчикъ моего тѣла оцѣненъ дорого, несмотря на то, что я стараюсь грабить только тѣхъ, у кого есть добро *) съ излишествомъ, а сихъ я знаю наперечетъ, ибо бываю переодѣвшись на всѣхъ сходбищахъ народныхъ днемъ, а по ночамъ иногда навѣщаю богачей въ расплохъ; вотъ помнишь и во время смятенія москвитянъ съ татарами, я ходилъ также позѣвать на новаго баскака и чуть-чуть тогда заслонилъ ты мою жизнь своимъ удальствомъ, съ тѣхъ поръ я поклялся себѣ отблагодарить тебя чѣмъ только буду въ силахъ; другой случай утвердилъ мое намѣреніе и усилилъ благодарность мщеніемъ тобою Бешару за хвастовство его и незаконный поединокъ.

„Давно растилъ я въ себѣ желаніе обратить шайку свою въ полезныхъ отечеству воиновъ, особливо когда замѣтилъ скорое, хотя и тайное намѣреніе князя и подслушалъ ваши уговоры у семи дубовъ, одушевившіе меня еще болѣе; я скитался по ночамъ въ непроницаемыхъ дебряхъ, обдумывая планъ свой, подглядѣлъ собраніе Абдрахмана со свитою и слышалъ заклятіе его съ знахаремъ Вороном — всѣхъ русскихъ рѣзать на новалъ, особливо какъ подойдутъ какія-то ожидаемыя имъ войска отъ хана; вишь тотъ начинаетъ ужъ двигаться, видно смекнулъ дѣломъ-то;

*) Всякія дорогія вещи называли добромъ.

только мракъ ночи заслонилъ душу этого нертенка, а то бы моя стрѣла высадила ее изъ него. Много потѣхъ дѣлывали мои удальцы надъ захваченными татарами, и отъ того измѣнника, котораго захватилъ я при тебѣ, узналъ пытками и угрозами о близкой опасности, уже разинувшей зѣвъ, чтобъ поглотить твою жизнь—я и сохранилъ ее, а подкупленные убійцы твои были въ заговорѣ съ Елисеемъ, они земляки его и снюхались съ нимъ, когда привозили ихъ лѣчить къ нему.

„Теперь доскажу тебѣ самое важное: давно любилъ я, но безъ отзыва, потому что не имѣлъ возможности высказаться своей любезной и спросить у нея о взаимности; однако, случай всегда былъ душою моихъ дѣйствій; ты знаешь Елену, къ ней подкрался я у обрушеннаго забора сада и оцвѣтилъ жизнь свою ея нѣжностію. Я трепеталъ, обвивалъ ее руками своими, хотя онѣ и пахли кровью человѣческою; какъ скажусь ей? подумалъ я, и долго страдалъ болѣзнію нерѣшительности, сожалѣніе о ней и любовь боролись во мнѣ; но разнесшійся слухъ о твоемъ сватовствѣ вдругъ двинулъ меня на похищеніе; опять случай, доставившій мнѣ кстати ея няню, руководствовалъ симъ: въ видѣ знахаря явился я къ ней—открылся и пользуясь ея обмерокомъ схватилъ и отбивъ оконныя рамы спустился по лѣстницѣ, приставленной къ окну ея гридни и безъ устали бѣжалъ до Загородья съ драгоцѣннымъ бременемъ своимъ, гдѣ опустивъ ее въ приготовленную повозку примчалъ сюда. Могда ли любовь

не простить мнѣ за это насиліе, видно и судьбѣ надоѣло ужъ мыкать жизнь мою, зацѣпляя ее объ одни терны. Посмотри, какъ она любитъ меня, только воспоминаніе о неутѣшномъ отцѣ сумрачитъ свѣтлые дни наши, летящіе въ обгонъ одинъ за другимъ.

„Увидавши ее въ первый разъ въ Успенскомъ Соборѣ, въ самый новый годъ, я получилъ обновку и всѣмъ чувствамъ моимъ; ближое свиданіе наше было въ Троицынъ день, и съ тѣхъ поръ я перемѣнилъ всѣ обороты жизни моей, любовь облагородила душу мою и настроила ее даже къ пользѣ отечества, оправдаться мнѣ теперь никакъ нельзя, открыться тоже—и я предпринялъ скорый покинуть мѣста сіи; ибо начинаю быть извѣстнѣе, и сыскалъ какую нибудь глушь безслѣдную, выждать въ ней то время, когда раздастся звукъ, оглашающій всѣ концы земли Русской на подвиги бранные—и кровью, даже жизнію выкупить себѣ славу или хоть только стереть съ смертной плахи вырѣзанное на ней сѣкирою имя мое, приготовленной для грѣшной головы разбойника!“

Едва онъ кончилъ свою исторію, какъ прибѣжалъ запыхавшись одинъ изъ его шайки, карауливши на опушкѣ лѣса и донесъ, что показываются толпы всадниковъ по лѣсу.

„Это насъ ищутъ“, сказалъ хладнокровно Владиміръ, „это есть дѣло этого дьяволенка; я этого давно ждалъ“, прибавилъ онъ: „и приготовился къ сему.—Ребята! въ походъ; что можно на се-

бя, а что лишнее — въ огонь, не доставайся же никому!"

Тотчасъ собрали что было получше, а остальнымъ запалили костеръ и вся шайка потянулась отступать, кладя тутъ примѣтные зарубки на деревья, чтобъ могли ихъ отыскать отшатнувшіеся разбойники и посланный развѣдывать о мѣстѣ заключенія Маріи. Пройдя нѣсколько десятковъ верстъ лѣсомъ, они остановились въ самой глуши и вырубивъ его на большое пространство, раскинули шалаши и разметнулись въ нихъ беззаботно. Не смотря на попечительныя утѣшенія Владиміра, Всеславъ былъ безотраденъ; такимъ образомъ провлачилъ онъ нѣсколько недѣль въ шайкѣ и наскучивъ праздною жизнію и неизвѣстностію о своей Маріи, хотѣлъ тайно уйти и отстать отъ новыхъ сотоварищей, съ которыми онъ не былъ въ гармоніи и пугался одной мысли, что если его найдутъ съ ними, то почтутъ участникомъ. Владиміръ проникъ его мысли и однажды заставъ въ задумчивости сказалъ: „я понимаю тебя, Всеславъ; но все-таки хочу исполнить долгъ благодарности и не покинуть одного бродить въ поискахъ; тебѣ нужна сила и опытность, я провожаю тебя съ избранными моими; пойдемъ, вѣрно мой сорванецъ гдѣ нибудь кормитъ птицъ тѣломъ своимъ, или что нибудь да неожиданное приключилось съ нимъ!"

Вдругъ разнесся крикъ: „къ оружію!", а за нимъ послышались шумныя восклицанія, сопровождаемыя смѣхомъ, и изъ раздвинувшейся толпы разбойниковъ показался давно ожидаемый сорванецъ

въ платьѣ татарина, влача за собою связаннаго человѣка.

„Здравствуй, атаманъ!“ сказалъ онъ прибѣжавши и облокотясь съ усталости на жерди шалаша: „я еще самъ здравствую, хоть правда есть небольшая царапка на шеѣ, да это ничего, а тутъ было приняли меня рожнами новопоселенцы-то твои, почли за невѣрца, да я ужъ молвилъ красное словцо, они и спознали кто это — вотъ бѣжалъ-то! еще до сихъ поръ подошвы горятъ какъ на пенькѣ, за то добылъ жаръ-птицу въ заповѣданномъ государствѣ“, говорилъ онъ, указывая на связаннаго, „она намъ освѣтитъ путь въ потемкахъ поисковъ—только на чугунную цѣпочку прихватите ее, а то встрепенется—и поминай какъ звали!“

— Удалой ты мой!—говорилъ атаманъ, только что пришедъ въ себя отъ изумленія. — Благодѣтель другъ мой!—вскричалъ обрадованный Всеславъ обнимая его—гдѣ же она? стало быть есть надежда?

„Погодите, дайте окунуть языкъ во что нибудь, приласкать желудокъ, да унасть ноги подъ себя, ужъ онѣ наклестались по землѣ, намотались какъ нитки на клубкѣ, а сердце избилось съ устами какъ муха на проволокѣ!“ Тотчасъ его успокоили, накормили и обступивъ кругомъ слушали:

„Я“, началъ онъ: „пустился сперва въ шинокъ, въ которомъ подружился съ тѣмъ простякомъ татариномъ, который мнѣ всегда открывалъ свою душу, отсырѣвшую съ похмѣлья; онъ не замед-

лидъ явиться туда и мы за добрую чаркой обнакомились еще пристальнѣе. — Что братъ, — спросилъ я его, примѣтя въ немъ уже отверзшееся радушіе къ разговорамъ: — чай князь-то вашъ ощипалъ ужъ перышки у пойманной птички? — Онъ взглянувъ на меня изумленно: — Да что — продолжалъ я — скрываться-то, воду въ рѣшетѣ не удержишь, вѣдь я видѣлъ какъ захлопнули и дверцы-то у ея клѣтки, и ты рыскалъ въ провожатыхъ-то. — „Нѣтъ!“ отвѣчалъ онъ, видя, что мнѣ все извѣстно: „я никуда не отлучаюсь отъ двора, въ этомъ дѣлѣ были другіе; да что ты меня выспрашиваешь?“ прибавилъ онъ взглянувъ на меня недовѣрчиво.

— Мнѣ что за дѣло! — произнесъ я невнимательно — я и безъ того все знаю, а хотѣлось бы услужить твоему князю и представить ихъ нему любезнаго ея, чай, вѣдь, будетъ ложива славная за такую услугу? — „О! это бы кстати!“ воскликнулъ онъ: „и все дѣло можно бы покончить, а то говорятъ пташка-то это скорѣй захочетъ избиться о стѣнки своей клѣтки, чѣмъ позволитъ даже подойти къ себѣ Абдрахмону и такъ, вишь, вся изныла она, какъ сдернутая съ корня былинка, не знаемо ужъ, чѣмъ потѣшить, али пользовать ее; я кабы прихватить гдѣ молодчика-то, такъ заразъ бы сдѣлали ее восковою, или какъ хочешь, а не то карачунъ ему!“

— По рукамъ же! — воскликнулъ я — если я сегодня не привороту къ князю твоему, такъ скомкайте меня на мельничныхъ жерновахъ въ песчинку! — „Да вправду ли говоришь ты?“ спросилъ

онъ меня обрадовавшись. — Клянусь вашимъ Ма-
гометомъ! — отвѣчалъ я. „Пойдемъ же!" сказалъ
онъ взявъ меня за руку и привелъ къ себѣ на
дворъ.

„Вотъ гдѣ-то живутъ, посмотрѣлъ я: валяются
по полу какъ стельки, иные на копнахъ сѣна, а
у рыла лежатъ куски лошадиной махании *) и
лапы-то и морда-то въ ней окровавлены, одѣты
попоной, по угламъ наброшены оружія и конская
сбруя, а на стѣнахъ висятъ кушаки да скуфей-
ки. — Увидали меня и завопили какъ лягушки
предъ дождемъ, а вожатый мой что-то имъ и на-
чалъ разсказывать потихоньку, вотъ они и стали
озираться на меня изъ подлобья, а я началъ
кривляться и ворчать на нихъ, ни себѣ невѣдо-
мыя слова, а они и стали предо мной кланяться
да складывать раболѣпно руки.

„Абдрахмана не было во свояскахъ, онъ впишь
ульнулъ туда въ заключенной и хотѣлъ быть не
ближе какъ чрезъ недѣлю въ Москву, я просилъ
свезти меня туда, да они не посмѣли безъ его
спросу, я было хотѣлъ и тягу дать, да не пуска-
ютъ, подожди дескать его; короче сказать, я и
выжилъ между ними болѣе недѣли въ смертной
скукѣ; наконецъ, пріѣхалъ и Васкакъ, гляжу, вхо-
дитъ на крыльцо такой сумрачный, а за нимъ и
Елеська; донесли обо мнѣ, глаза его распали-
лись. — Ты можешь? — спросилъ онъ меня грозно.
„Все могу," отвѣчалъ я, „изволь опробовать!" —
Воловите же его скорѣй туда — сказалъ онъ сво-

*) По татарски значитъ мясо.

нимъ: — да подсматривайте за нимъ; если можетъ онъ, такъ держите до моего пріѣзда; я самъ награжу его, а если нѣтъ, безъ допросовъ — понимаете? — Я смекнулъ, что въ обоихъ случаяхъ мнѣ не отвертѣться отъ бѣды, развѣ какой увёрткой отдѣлаюсь; Елеська же не отворачивалъ отъ меня глазъ, такъ и впился ими; послѣ отвелъ Абдурахмана въ сторону, пробормоталъ ему что-то, этотъ своязычно крикнулъ и мнѣ разомъ затянули глаза, впихнули въ повозку и прикрывъ чѣмъ-то — поволокли.

„Я чувствовалъ, что мы скакали какъ въ потопъ, за облаками — и меня такъ вскидывало, что я не разъ пѣлъ пѣтухомъ; — ѣхали мы очень долго и какъ домчались, меня вынули изъ повозки какъ поклажу, водили, водили, и когда открыли глаза, я увидалъ свѣтъ, а выѣхали мы только что смерклось. Осматриваясь кругомъ нашелъ я себя въ какомъ-то тѣсномъ чуланѣ съ маленькимъ прищуреннымъ оконцемъ, только-что языкъ просунуть сквозь него можно было; поговоривъ между собою, одинъ изъ нихъ ушелъ и немного погодя воротился и воркнулъ: *вставай!* и взявъ меня повелъ за собою.

„Пройдя нѣсколько темныхъ переходовъ, меня ввели также въ небольшую и темную гридню и указали въ углу на постелѣ лежащую дѣвушку, блѣдную какъ ненастный день — она увидавъ вошедшихъ къ себѣ, тотчасъ отворотилась. „Чѣмъ-же ты станешь пользовать-то ее?“ спросилъ у меня вожатый? — Глазами да приговорками! — отвѣчалъ я. „Ну! подойди-же“, сказалъ онъ. А ты

отойди же! — возразилъ я. Онъ сталъ въ дверяхъ и не спускалъ съ меня глазъ. — Я подступилъ къ ней по ближе, а она отворотилась еще болѣе. „Голубое перо, голубая долина кланяются тебѣ! молвилъ я въ полголоса — она обернулась какъ встрепанная и взглянула на меня такъ умильно, какъ-бы упрашивая опять повторить то-же, я повелъ глазами на дверь, указывая на сторожившаго насъ и вопросъ, готовый выскочить изъ ея устъ — замеръ. „Завтра они чрезъ меня поговорятъ съ тобою, моя милая, успокойся!“ шепнулъ я еще и глаза ея прояснились, и щеки зацвѣтились, но я тотчасъ вышелъ, чтобъ не подать подозрѣнія. Придворный стражъ примѣтилъ перемѣну въ лицѣ ея и отнесъ это къ моему искусству, — отвелъ меня въ туже кануру и замкнулъ желѣзными дверями.

„На другое утро я опять ходилъ къ больной и имѣлъ уже болѣе довѣренности какъ отъ нея, такъ и отъ татарина; вкратцѣ сказать: въ продолженіе недѣли, ходивши всякій день къ ней, я высказалъ ей все и обнадежилъ ее, что скоро какъ-нибудь вырвусь отсюда и ворочусь опять сюда съ дружиной освобождать ее, и она примѣтно оживилась какъ спрыснута живой водой.

„Прошла недѣля, я сталъ вымышлять какъ бы мнѣ вынырнуть теперь изъ своей засады, тайкомъ обсмотрѣвши это мѣсто, чтобъ можно было послѣ пробраться и утянуть къ вамъ — вдругъ двери мои распахнулись и Абдрахманъ съ хвостомъ своимъ — Елеською. „Я увѣдамленъ“ сказалъ онъ „и самъ видѣлъ, что ты помогаешь изрядно дѣвушкѣ;

скоро-ли конецъ полизованью? Это все равно — подумалъ я: — скоро-ли и мнѣ конецъ!

„Тогда я дамъ знать тебѣ“ отвѣчалъ я; вскорѣ онъ обнадежилъ меня наградой и вышелъ, а Елеська подвернулся ко мнѣ и ну выспрашивать: „какъ это, и чѣмъ лѣчу ее?“ — Если я тебѣ открою это слово, которымъ дѣйствую, — сказалъ я — то самъ ужъ не буду имѣть въ немъ силы. „Да точно-ли имѣешь силу такую? сказалъ онъ, смотря на меня лукаво. Имѣю ли? — отвѣчалъ я — знай-же, что сію минуту отъ одной мысли моей, твоя черная собака въ окражьей берлогѣ изчурится! — Онъ замѣтался во всѣ стороны глазомъ своимъ въ удивленіи, что я знаю его сторожа. „Да если я захочу“ продолжалъ я тѣмъ же голосомъ: „то и къ тебѣ приморожу эту дѣвушку, даже“ — не давъ мнѣ договорить онъ сжалъ обѣими руками своими мою руку и шепнулъ: — будь другъ, возьми что хочешь, только сдѣлай это! — „Да какъ-же я улну отсюда?“ сказалъ я: „вѣдь Абдракималъ догадается и велитъ меня разчетверить“. Такъ что-жъ — произнесъ онъ ѣдко засмѣясь — пораздвигаютъ немножко — за то легче бѣгать будешь — впрочемъ, ужо я навѣщу тебя — молвилъ онъ — и скрылся.

„Опять захлыстнулись на крѣпко мои двери — вотъ дни-то тянулись, какъ годины! Ѣшь, пей, чего душа запроситъ, да воли-то нѣтъ — а клѣтка хоть и золотая да все клѣтка — такъ раздумался я; на дворѣ смеркалось ужъ гораздо, вдругъ въ окошко мое вставилась голова. „Одинъ ли ты?“ спросила она шепотомъ. — Одинъ! — отвѣчалъ я,

узнавши вскарабкивавшагося Елисѣя,—иди, дѣло начинается; — немного погодя ключъ щелкнулъ въ замкѣ у дверей моихъ и онъ явился, неся что-то подъ мышкой. „Вотъ какъ я вѣренъ!“ произнесъ онъ: „но еще не знаю кому ввѣряюсь“. Я закупной слуга Всеслава Смоленскаго—отвѣчалъ я — согнанный за воровство изъ его дома и потому-то желаніе мстить ему, нудитъ меня на все. Увѣрившись по сему извѣстію во мнѣ еще болѣе, онъ сказалъ: „вотъ тебѣ платье татарской стражи: чрезъ два дня въ это-же время я подкачусь тихонько подъ твое окошко на лошадяхъ, перепилю въ немъ желѣзные брусья, прошибемъ отдушину и когда ты выберешься въ нее на волю, дѣвушка будетъ ужъ въ повозкѣ, только-бы охотно согласилась она слѣдовать за мною; мы укатились-бы далеко и зажили-бы славно, а то смотри, на тебя ужъ грозится смерть,— а ее-то ужъ я знаю какъ вытащить!“

— Да что ты сомнѣваешься въ ея согласіи— сказалъ я, ей только молвить, что избавителемъ пріѣхалъ Всеславъ, такъ она сама выпрыгнетъ къ намъ. „Знаю, знаю!“ прервалъ онъ: хлопочи-же, мнѣ некогда, — прощай — помни: — награда, или смерть!“

„Знаю тебя“ подумалъ я, какъ онъ ушелъ, а надобно какъ-нибудь предварить хитраго плута, чтобъ въ самомъ дѣлѣ не увезъ онъ ее. Тутъ принесъ мой стражъ ужинать; выдумка богатая блеснула у меня въ головѣ: я вскочилъ съ лавки и ну метаться по всѣмъ угламъ какъ на размашку пущенный кубарь, да кричить: „раз-

сыпься! разсыпься!“ Татаринъ выпятилъ на меня глаза, а я подбѣжалъ наконецъ къ окошку и затосковалъ: „ахъ вылетѣлъ, упорхнулъ!“ — „Али ты домоваго выгонялъ?“ спросилъ онъ меня. Какого домоваго произнесъ я жалобно — сейчасъ кладъ влеталъ ко мнѣ, самъ давался въ руки, да и упорхнулъ опять.

„Да чтожъ я пялилъ, пялилъ глаза, а ничего не видалъ, кромѣ того какъ ты бѣсился.“ Экой! — отвѣчалъ я — это такое дѣло, что я одинъ вижу открытыми глазами, а ты зажмурься-ка да подойди къ окошку анъ и разглядишь, вонъ на яблони-то качается красный пѣтухъ съ огненнымъ гребнемъ! Простякъ мой подошелъ къ оконцу, охватилъ глаза и голову обѣими руками и выставился сколько могъ въ окошко, а я подкрался къ нему какъ ночь, выщаркнулъ изъ ноженъ его канджаръ *) да и продѣлъ его разомъ сквозь шею его, онъ опрокинулся, захрапѣлъ, а я мигомъ переодѣлся и пустился на пропалую.

„Подбѣгаю къ воротамъ, а изъ караулки подымается полусонный татаринъ завидя меня. — „Куда ты?“ спросилъ онъ не допуская меня къ воротамъ. „Куда!“ отвѣчалъ я передразнивши его: „аль не видишь, что на небѣ-то дѣется!“ — Онъ опрокинулъ голову почти на спину, а я того только и дожидался, нырнулъ его въ горло; а самъ шмыгнулъ черезъ заборъ какъ кошка и покатилъ. — На бѣду, не далеко отъ воротъ дозорилъ еще татаринъ; увидя меня бѣжавшаго съ

*) Азіатскій канджаръ, въ родѣ нашего кинжала.

оружіемъ подлѣ себя, онъ кольнулъ меня ножемъ; я сгоряча-то не почуялъ ничего, за тычкомъ и погнался и думалъ утечь, но онъ спустилъ на меня собаку, вотъ ужъ эта бестія донала мои лажки, я бросился подъ кусть, а она меня за ноги, я ей и заткнулъ зѣвъ то остріемъ, которое держалъ въ рукахъ,—протянулась и не пикнула; тутъ подбѣжалъ хозяинъ ея и хотѣлъ меня еще допросить, да ужъ я его поймалъ за руку и сказалъ:—что ты, опомнись, своего не узнаешь! „Да куда-жъ ты, бѣжишь?“ спросилъ онъ меня, признавъ по платью за товарища.—Да я гонюсь за бѣжавшими—сказалъ я—вѣдь дѣвица-то пропала, вотъ недавно всѣ наши раскидались въ разныя стороны, самъ послушай, ишь отъ земли то отдается лошадиный топотъ, въ какой это сторонѣ, пустимся-ка и мы, а то всѣмъ достанется. — Онъ пагнулся, прислонился ухомъ къ землѣ, а я бросился колѣнкой на грудь къ нему и уставилъ противъ морды его остріе — ну шевельнись только!—такъ и просажу,, прикрикнулъ я; онъ испугался и не двинулся; я сорвалъ съ него кушакъ, перекрутилъ ему руки и поднявши повелъ за собой въ сторону отъ дороги. „Смотри же, не крикни, да веди меня проселками къ Москвѣ“, пригрозилъ я еще: „а то сей-часъ перехвачу горло!“ Поморщился мой плѣнникъ, однако послушался—только говорилъ, что не вѣдаетъ хорошенько окольной дороги. „А гдѣ-жъ молъ, вы сычи днемъ, да тайкомъ-то ѣздите?“ спросилъ я. Вотъ ужъ видитъ, что отъ меня не увернешься и повелъ такими проводами, гдѣ только тѣнь

проскользнуть можетъ, а я держу его крѣпко, да подгоняю.

„Шли, шли, умучились оба, перекусить нечего, отдохнуть некогда; вотъ кой-какъ и доволоклись до тѣхъ мѣстъ, которыя я призналъ, тутъ ужъ я его повелъ,—дохожу до нашихъ гнѣздъ, а тамъ только-что головешки курятся; тотчасъ я и догадался, что наши откинулись куда-нибудь зимовать, по старой памяти давай оглядывать деревья— зарубки тутъ, я и пощелъ по нимъ какъ по лѣсенкѣ и вотъ видите выросъ предъ вами какъ грибъ, да еще самъ-другъ!“

ГЛАВА II.

Поиски.—Пожаръ. Битва. Свиданіе и возвращеніе.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя,
То какъ звѣрь она завоетъ;
То заплачетъ какъ дитя.—

Пушкинъ.

„Теперь время терять нечего!“ сказалъ Владиміръ, когда Сорвенецъ окончилъ свою исторію. „Ну! мигомъ, на коней, берите больше огня, да желѣза!“ Всеславъ вооруженный сидѣлъ уже на лошади и смотрѣлъ на печальное разставаніе атамана съ Еленой, которую онъ на это время провожалъ въ монастырь, находившійся въ Дмитровѣ: долго прощались они; наконецъ двинулись двѣ дружины, одна провожавшая Елену, къ коей присталъ и Владиміръ, не выдержавши отпустить безъ себя, а другая со Всеславомъ, уговорясь соединиться около того города, ибо по разспросамъ у плѣннаго Татарина дознались, что такъ ѣхать было по дорогѣ.

Небо нахлобучилось тучами, взволнованными грядами перебѣгали онѣ надъ ѣхавшими, вѣтеръ разбушевался и снѣгъ застилалъ дорогу, валясь хлопьями. Сорванецъ съ полонянным скакали впередъ, открывая путь, нахмуренныя сумерки разстилались уже надъ забѣленною отъ снѣга землею и всѣ остановились при условленномъ поворотѣ, близъ коего должно было ожидать Владиміра. Вдругъ на большей дорогѣ послышался скрипъ телѣги.—Разбойники привычные къ сему зову, бросились и увидали широкую повозку, съ накиданными на нее рогожами.—„Стой! что это?“ закричали они крестьянину, правившему лошадью? —Поросята, родимые!—отвѣчалъ онъ—везу въ Митровъ городъ продавать.—„Врешь!“ закричалъ одинъ: „ты везешь ихъ челядинцамъ, перехватимте, братцы, себѣ!“—Да имъ не во льготу употреблять такое снадобіе—отвѣчалъ оробѣвши крестьянинъ. „А намъ-то куда съ ними дѣваться въ теперешнихъ обстоятельствахъ?“ сказалъ другой и отпустилъ лошадь державшій ее подъ уздцы.

Лишь только телѣга отъѣхала на довольное пространство отъ разбойниковъ, вдругъ поворотила влѣво и пустилась быстро.—Ахъ, стерва! —вскричали въ одинъ голосъ разбойники—мы кого-нибудь прикрытаго упустили!—Позволю себя до смерти исполосить обухомъ меча, если это не Елеська!“ сказалъ Сорванецъ, приподнимаясь на стременахъ разсмотрѣть бѣгъ повозки, „я хотъ ночью бѣжалъ, но помнится съ той стороны, куда утекаетъ эта телѣга, пожалуй пустимтесь

загней; но только прежде времени выкажемся, плутъ-то этотъ уже близко, все равно, въ расплохъ не попадешь, увѣдомитъ ихъ; онъ слѣпитъ теперь за дѣвушкой, нонче срокъ, который онъ далъ мнѣ ожидать. — „Ну какъ увезутъ ее!“ вскричалъ Всеславъ — и помчался. — Погоди, положли насъ! — кричалъ только что возвратившійся атаманъ; узнавши все дѣло, — мы кругомъ разставимъ глядатаевъ и червь не проползетъ, чтобъ мы не примѣтили его, въ глухую ночь дѣйствовать лучше; но Всеславъ ничего не хотѣлъ слушать и продолжалъ мчаться по обширному полю, предоставлявшему безбрежный океанъ снѣговъ.

„Дѣлать нечего!“ сказалъ атаманъ, „не выдать же его“ — махнулъ рукой — и понеслись всѣ за нимъ.

Не люблю наше море —
День и ночь шумитъ оно;
Въ раздольѣ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Языковъ.

На жёстѣ, признанномъ крутогорьемъ, по сосѣдству его съ крутою горою, стоялъ высокій теремъ, подбитый съ одной стороны свинцовыми волнами рѣки, полурухнувшіе своды башенъ, гребни стѣнъ его, кудрявые тыны, подбѣлявшіе ихъ, и сучья, перевисшіе черезъ стѣны, доказывали, что этотъ теремъ развалился вѣками и подавленъ уже временемъ. Съ другой его стороны примыкалась къ нему высокая и отлогая гора, заслонявшая его, пригнувшись къ нему теме-

немъ, какъ исполинъ, придвигая къ себѣ щитъ, склоняетъ на него усталую голову свою. Нѣсколько хижинокъ лѣпилось по ребрамъ горы и двигались люди, какъ на широкомъ стволѣ дерева примѣчается нѣсколько малыхъ отпрысковъ, изъ которыхъ нѣкоторые шелыхаются вѣтеркомъ; въ щелинахъ ея завывалъ вѣтеръ, чудящійся въ такомъ мѣстѣ звукомъ смертной трубы; переливающійся чрезъ нее ручей опоясывалъ ее поперечно, съ рокотомъ разбрызгивая струи свои въ рѣку.

Окружные сего мѣста поселяне хранили недоброе преданіе о теремѣ, начавшемъ имѣть обитателей недавно только, по заключеніи въ него Маріи. Они видѣли, что Татары кого-то привезли въ него подъ крѣпкимъ прикрытіемъ и когда подстрекаемые любопытствомъ хотѣли подойти и узнать кто-бы это былъ, то не всѣ изъ нихъ возвратились домой; которые же осмѣливались заходить нескромно за стѣны его—пропадали безъ вѣсти, вѣроятно умирая подъ кинжалами убійцъ, а нѣкоторые явно были травлены собаками около стѣнъ. Съ тѣхъ поръ этотъ теремъ, покинутый давно неизвѣстнымъ хозяиномъ, невѣдомо по какимъ причинамъ принимавшій прежде въ нѣдра свои ночныхъ птицъ, а послѣ сквозь оконъ и расщелинъ стѣнъ вдругъ по ночамъ кажущій огонь,—сталъ страшенъ даже днемъ сосѣдамъ своимъ. Охраняемый самою природою и укрѣпленный недавно появленіемъ Татаръ, онъ былъ недоступенъ и въ немъ-то грустно тратила жизнь свою Марія и на его-то гордыя стѣны

спѣшилъ Всеславъ наляпнуть мечемъ своимъ, имѣя за собою толпу помощниковъ.

„Вѣрно надоѣла жизнь этому молодцу, самъ хочетъ наткнуться на ножъ, что поспѣшаетъ такъ туда!“ говорилъ одинъ крестьянинъ другому, возвращаясь съ нимъ домой изъ города и указывая на скачущаго Всеслава.

„Въ самомъ дѣлѣ—сказалъ другой,—ахъ, братъ, видно онъ ищетъ, гдѣ бы укрыться отъ вьюги и не знаетъ, что дорого здѣсь платятъ за постой; вѣдь онъ кажись нашъ, а не поганецъ, махнива ему, авось оглянется, а услыхать не услышитъ.

„Чего махать“ началъ опять первый крестьянинъ: „ужъ онъ перелетѣлъ мостъ какъ птица и хватается за стѣны!“

„Вотъ ещё!—вскричалъ другой,—смотри, смотри за нимъ-то какая туча несется, нисьнаши, нись—невѣрцы, темень такая—не разглядишь!

„А тѣ застѣнныя то крысы“, сказалъ первый, „что-то притаились да попрятались, какъ птицы въ гнѣзда предъ грозою!“

Какъ вихорь примчался Всеславъ къ терему и въ ту минуту, когда хотѣлъ броситься на стѣну,—ушченная лошадь его пала.

„Отворяйте ворота! принимайте повода, гости пріѣхали!“ громко прокричалъ Сорванецъ, раскачнувшись съ лошади прямо на стѣну и ухватясь за нее.

„Ишь какой какой!—проворчалъ кто-то

оттуда — и Сорванець съ отрубленными руками покатился.

„Стойте, воскликнулъ атаманъ, разъяренный пораженіемъ любимца своего и удерживая стремленіе Всеслава и прочихъ разбойниковъ, готовящихся метаться на стѣны: „въ потемкахъ драться неловко—огонь нашъ давно ужъ голодаетъ какъ и булатъ, затеплите-ка хорошенько эту лачугу, а мы покамѣсть потрѣвемся да подумаемъ что дѣлать.“

Тотчасъ натаскали отовсюду хворосту откапывая его изъ подъ снѣгу, подвалили подъ стѣну, подожгли соломою и начали распаленные пуки бросать за стѣны и подъ крышу,—вмигъ въ нѣсколько мѣстахъ вспыхнулъ огонь, пробился изъ-подъ гнилой крыши, выступилъ наружу—и обвился около всего терема пламеннымъ вѣнцомъ!— Татары силились тушить внутри, разбойники продолжали поджигать снаружи не переставая ломить копьями въ желѣзныя ворота, на стѣнахъ появлялось нѣсколько татаръ, пускавшихъ камни въ осаждающихъ, но стрѣлы разбойниковъ тотчасъ опрокидывали ихъ назадъ.

Вдругъ огонь началъ клокотать съ трескомъ— снѣгъ пріостановился падать, какъ бы остерегаясь спорить съ другою стихіею, только вѣтеръ бурлилъ и распространялъ пламя; вопли и крики Татаръ,—свѣтъ разбойниковъ, заглушавшій шумъ, рокотъ и трескъ огня, бряцанье оружій, —все это слилось въ одинъ нестройный говоръ! —Вскорѣ воспламенился и весь теремъ, какъ метеоръ,—небо раскалилось жаркимъ заревомъ

и огненныя линіи обозначили очерки внутренностей его, мракъ ночи разсѣялся и пламя сквозь клубистый дымъ, какъ солнце сквозь туманъ, проглянуло вездѣ уже.

„Они въ опасности—теперь уже никто не удержитъ меня“ вскричалъ Всеславъ, и сильно потрясая полурасшившуюся стѣну, прорвался чрезъ нее съ обнаженнымъ мечемъ.

„Пора!“ крикнулъ атаманъ. „Да, чай ужъ они искекались какъ раки!“ отвѣтствовали ему разбойники и кинулись за Всеславомъ. Опрокидывая всѣ встрѣчавшіеся ему, втиснулся онъ въ ряды защищавшихъ, вѣрные помощники поддержали пылъ его, кровь хлынула съ обѣихъ сторонъ и смерть разинула когти подхватывать жертвы свои.

Разрѣдивъ толпу Татаръ сокрушительнымъ мечемъ своимъ, бросился Всеславъ чрезъ горящія перекладины въ средину терема и наткнулся на человѣка, заграждавшаго ему саблей дорогу.—

„Отстанвай, Олимъ, не допускай его отыскивать а я спѣшу туда, отразить эту сволочь и скоро возвращусь къ тебѣ на помощь!“ крикнулъ кто-то недалеко отъ Всеслава знакомымъ голосомъ, изчезающимъ за захлопнутою дверью.

„Прощай моя жена—дитя—ужъ мнѣ не увидѣться!“ произнесъ слабымъ голосомъ Олимъ, упадая, пронзенный мечемъ. „Всеслава!—Гдѣ ты—Марія?“ вскрикнулъ Всеславъ и не удержась боліе опустился на землю и покрылъ замыкающіеся глаза Олима широкою раною груди своей.

IRREGULAR PAGINATION

Блѣдныя утренни туманы
Тонули въ сумрачныхъ зыбяхъ,
И солнце на востокъ румяный
Вдругъ вышло въ пламенныхъ лучахъ!

Солнце зарумянило блѣдныя лавиты утра глубокой осени,—осеребренныя снѣгомъ поля заискрились отъ лучей его, какъ осыпанныя огненнымъ дождемъ. — Черныя головни рухнувшаго терема курились какъ колоссальныя трупы великановъ; посреди ихъ, на очищенномъ мѣстѣ въ наскоро поставленномъ шалашѣ лежалъ Всеславъ только что опамятавшійся, предъ нимъ на колѣняхъ, держа чашу съ лекарственною влагою, стояла Марія съ навернувшимися слезами на глазахъ.

„Это ты, моя безцѣнная, гдѣ мы свидѣлись съ тобой, не смерть-ли насъ соединила? сказалъ онъ, простирая руки къ своей любезной. „Наконецъ мои мольбы возвращаютъ мнѣ тебя!“ воскликнула въ восторгѣ Марія и склонилась къ нему.

— Что, ожилъ? ну, слава Богу!—сказалъ вошедшій къ нимъ Владиміръ. Вотъ какъ умиралъ сиротинкой, а воскресъ вмѣстѣ съ счастіемъ своимъ.

„Скажи какъ и что сдѣлалось?“ началъ Всеславъ. Я помню только страшное пламя, охватившее все вокругъ меня... слышалъ послѣдній звукъ чьей-то отходящей души, нѣсколько ранъ утомили меня—силы оставляли, свѣтъ выкатывался изъ глазъ и они померкли вмѣстѣ съ чувствами.“

Да что много говорить, а тотчасъ все
перескажу: мы изъ татаръ сдѣлали окрошку;
правда полегло много и моихъ, одинъ Сорванецъ
чего стоитъ, его доканали ужъ лошадьми—а
обороняться то ему было нечѣмъ, за то и самъ
утомилъ старинаго моего врага, послѣ сталъ
тебя искать,—нѣтъ нигдѣ, я догадался, да пря-
мо въ огонь, какъ разъ и наперъ на кого-то,
это былъ ты, жизнь еще тлилась въ тебѣ, что
узналъ по тихому дыханію,—около тебя былъ
сосѣдъ, такъ тотъ ужъ окоченѣлъ,—чуть-чуть ты
изжарился еще живой; мы выволокли тебя на
плечахъ своихъ, я оставилъ нѣкоторыхъ покло-
потать около себя а съ другими пустился отыс-
кивать любезную твою. Вотъ перебрасывались-то
изъ огня да въ полымя, откатывали головни,
съ трескомъ ломали стѣны, съ шумомъ рушились
близъ насъ потолки—адъ кромѣшный да и только,
всѣ перепалили себѣ усы, а ее не нашли! Вотъ
я и задумался какъ сказать тебѣ: ступай добы-
вать свою Марію на тотъ свѣтъ! лучше ужъ оста-
влю его умирать скорѣй чѣмъ призывать къ нему
безсчастную жизнь, такъ намѣревался я посту-
пить, судя по себѣ, что безъ милой жизнь не
должна быть необходима.

„Когда утихли наши безостановочные поиски
и мы повѣся головы возвращались назадъ, вдругъ
приметили мелькающую тѣнь—вглядываемся:—
кто-то перебирается осторожно по чуркамъ—хва-
тайте его, ребята!—вскрикнули всѣ и пустились.
Видя что онъ прытокъ, мы крпчали ему—не
тронемъ, не тронемъ, только скажи гдѣ припря-

DAMAGED PAGE

тана дѣвушка?—„*Бельмясь* *) Бельм...“ отвѣчалъ онъ. Я хотѣлъ спустить стрѣлу, но висящее бревно вдругъ оторвалось отъ потолка, предупредивъ мое движеніе и не давъ ему договорить, размозжило черепъ.

„Вотъ-те балбесъ!—воскликнули мои и обступили смотрѣть приплюснутаго.—Ба!—это что?—сказалъ одинъ ощупавъ ногой подлѣ его трупа чугунную ступень лѣстницы. „Вотъ куда спѣшилъ-то онъ!“ подумалъ я и позвалъ своихъ пускаться за мной.—Переступивъ нѣсколько ступенекъ мы очутились въ узкомъ и сыромъ проходѣ, шли ощупью и наткнулись на дверь—слышимъ тамъ кто-то сиплымъ голосомъ ворчитъ: *сюемень сине, сюемень сине* **). Мы грохнули въ дверь обухомъ меча, звукъ разнесся по сводамъ, отпрянулъ, а голосъ исчезъ. Напорли на дверь посильнѣе, разомъ выломали ее—глядимъ, подвалъ, а въ немъ лежитъ безчувственная дѣвушка, надъ ней дрожитъ лампада, а больше никого нѣтъ; искали, искали, тщетно, мы подняли ее и перенесли къ тебѣ. Пришедъ въ себя, она спросила: кто мы и куда влечемъ ее?—Я успокоивалъ ее, догадавшись, что она-то и есть твоя Марія—остальное самъ у нее допроси, какъ она узнала тебя и ухаживала за тобою“.—Тутъ Марія разсказала, что голосъ слышанный ими, былъ Елисеевъ, который давно уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ, увѣряя въ любви своей, и что онъ на-

*) По татарски значитъ *не понимаетъ*.

**) По татарски-же значитъ *люблю тебя*.

зывался Ханскимъ братомъ и говорилъ мѣшая Татарскія слова, чтобъ она признала его за Монгольскаго вельможу и чрезъ то согласилась бы скорѣй склониться на любовь его; а куда онъ скрылся, она не видала, ибо когда онъ приготовлялся силою тащить ее, она упала безъ чувствъ и согласилась лучше задохнуться въ пламени, чѣмъ отдаться ему.—Тутъ наступило молчаніе.

Послѣ любовники какъ бы сговорясь вскричали: „избавитель нашъ!“ — „Еще успѣете поблагодарить!“ сказалъ Владиміръ: „теперь поспѣшите, а то узнаетъ Абдрахманъ, такъ съ другой половиной стаи собакъ своихъ прикатитъ, еще пойдетъ ломка, а моихъ-то умалилось довольно!“ Всеславъ приподнялся и вспомоществуемый другими сѣли съ Маріею въ повозку, которую добыли ими разбойники и отправились.

Кой-гдѣ еще догорали рухнувшія стѣны. — „Притушите, да завалите ка огонь-то“ сказалъ Владиміръ ѣхавъ мимо ихъ: „а то полуживые-то сгорятъ. Разбойники хватали раненыхъ, еще дышащихъ Татаръ и валили въ пламя. На одной части уцѣлѣвшей стѣны висѣлъ перегнувшись мертвый человѣкъ съ опущенными внизъ руками, зацѣпясь полою платья за зубцы, въ шеѣ его была вонзена стрѣла, а на лицѣ еще блистала оскаленная улыбка злости; Всеславъ подъѣхалъ— и разглядѣлъ — Бежара. — Что это? — воскликнулъ онъ.

„Да такъ, потягался со мной!! отвѣчалъ Владиміръ „и раненый хотѣлъ убѣ[illegible] вскочилъ на стѣну, да перевѣси[illegible]

догнала!“ Робкая Марія трепетно отвращалась отъ ужасныхъ зрѣлищъ; она содрогалась даже отъ словъ сихъ, прижимаясь къ своему милому. Въѣхавъ въ лѣсъ, Владиміръ съ чувствомъ простился со Всеславомъ и поѣхалъ съ своими за Еленой — а любовники — въ Москву. — „Теперь мы не разстанемся“ сказалъ онъ прильнувъ къ груди Маріи. — Ахъ! еслибъ зналъ ты, чего натерпѣлась я! — отвѣчала Марія, лаская къ нему. „Не будемъ отравлять мрачными воспоминаніями прошедшаго, радостныя минуты настоящаго!“ произнесъ Всеславъ, и такимъ образомъ чрезъ цѣлыя сутки доѣхали они окольными дорогами благополучно въ Москву. — Знаю, все знаю! — вскричалъ восхищенный Михаилъ обнимая сына своего. „Будь мнѣ сестрой!“ произнесла нѣжно Анна, отверзая объятія свои Маріи. — Успокойтесь дѣти — продолжалъ Михаилъ — теперь всѣ со мною; ты предчувствовалъ радушное принятіе отъ меня, милый Всеславъ, что пріѣхалъ прямо и съ ней, съ твоей суженой. — „Дочь моя! — сестра — матушка! — братъ — произнесли Ольга, Надежда и Александръ и вдругъ вошедши довершили восторгъ свиданія, безмолвіе объятій выразило его вполнѣ!

ГЛАВА III.

Разсказъ Михаила.—Требованіе Абдрахмана, бѣгство его.—Зима и Новый годъ.—Всеславъ въ посольствахъ, приключеніе его въ Рязани.

Но тутъ скалы—и все скалы
Стоятъ,—какъ призраки отъ вѣка,—
И съ нихъ летятъ, кипятъ валы:—
Трудна дорога человѣка!...

Ѳ. Глинка.

„Вотъ о чемъ я увѣдомляю тебя“ сказалъ Михаилъ на другой день Всеславу: „тоскуя объ утратѣ дѣтей своихъ и тщетно разыскивая слѣды ихъ, мы услыхали отъ Ѳоминишны подробное признаніе въ ворожбѣ ея съ чернокнижникомъ, который по разсказамъ признанъ Тимоѳеемъ за Елисея и въ знакомствѣ съ атаманомъ разбойниковъ; только вотъ что казалось непостижимо Тимоѳею: если разбойникъ похитилъ Елену, то болѣе долженъ бы льститься на дорогія украшенія ея, а онѣ всѣ остались цѣлы; этотъ человѣкъ причинилъ много безпокойствъ горожанамъ и тотчасъ отправлена была дружина на но-

вые поиски изловить его, или узнать объ Еленѣ; но въ лѣсу нашли только обгорѣлый костеръ, а мѣсто ихъ пристанища—пустымъ. Послѣ опять обходили лѣсъ нѣсколько разъ и нашли еще покинутые шалаши—а больше никого не видали.

„Въ такой неизвѣстности прошло нѣсколько недѣль, мы были въ отчаяніи; вдругъ недавно пріѣзжаетъ Абдрахманъ яростный во дворецъ Князя и требуетъ именемъ Хана не медля собрать по Дѣвичье поле всѣхъ Московскихъ *дѣвушекъ* 26), чтобъ сдѣлать изъ нихъ выборъ, а лучшихъ отослать въ Золотую Орду для Ханской серали. Князь раздумался: не приведя еще къ окончанію давно замышленныя дѣла свои, онъ опасался отказомъ раздражить Хана и не хотѣлъ имѣть совѣсть свою, запятнанную такимъ поступкомъ.—На эту пору явился духовникъ его, отецъ *Митяй* 27) и донесъ, что проѣзжая изъ *Сергіевской обители* *) въ Москву, онъ услыхалъ недалеко отъ дороги стенающій голосъ; движимый состраданіемъ и самомъ своимъ помогать угнетеннымъ, онъ отыскалъ во рву умирающаго человѣка, которому подалъ помощи сколько могъ и принялъ отъ него раскаяніе въ томъ, что онъ разбойникъ изъ шайки Владиміра *бездомоваго* и раненъ въ нынѣшней стычкѣ съ татарами, избавляя одну дѣвушку, похищенную Абдрахманомъ, и прибавилъ, что атаманъ ихъ увезъ Елену полюбовно и хранитъ ее въ Дмитровскѣ въ мона-

*) Сергіевскою обителью тогда называлась Свято-Троицкая Сергіевская Лавра, отстоящая отъ Москвы на 63 версты.

стырѣ до возвращенія своего, а теперь онъ сжегъ необитаемый теремъ у Крутогорья и освободилъ изнывавшую въ немъ дѣвушку, передавши ее любовнику ея, Княжескому отроку Всеславу; что онъ получа рану обезпамятѣлъ и, придя въ чувство выкарабкался изъ груды мертвыхъ тѣлъ и, томимый жаждою, проползъ оттуда до сего рва, въ надеждѣ найти хоть одинъ ручей, незамерзлый.—Я заставилъ его принести покаяніе Богу и только лишь осѣнилъ онъ себя крестнымъ знаменіемъ, тутъ-же и отошелъ. Я проѣхалъ къ Крутогорью, (ибо оно было недалеко); страшно подумать даже, что видѣлъ я тамъ! —Такъ говорилъ отецъ Митяй. — Абдрахманъ блѣднѣлъ, а Князь распалился праведнымъ гнѣвомъ.—„Такъ вотъ какъ поступаешь ты съ моими подданными“ вскричалъ онъ Абдрахману: „и теперь за тѣмъ хочешь собирать дѣвушекъ, что я разослалъ всюду отыскивать и ту, которая исхищена изъ когтей твоихъ?“ — Я донесу Хану въ неповиновеніи твоемъ и обидѣ, причиненной ему въ лицѣ моемъ!“ — отвѣчалъ Баскакъ и выгнанный Княземъ, убрался не только изъ дворца, но изъ Москвы за Загородье, собралъ тамъ своихъ и захвативъ сокровищъ сколько успѣлъ, бѣжалъ ночью тайно въ Орду, унеся съ собой мщеніе и доносы на Князя, струся страшнаго гнѣва его и видя, что отовсюду виснутъ надъ нимъ тучи.

Тотчасъ вездѣ разнеслись слухи объ увѣдомленіи Митяя. Посланные въ Дмитровскій монастырь за Еленой донесли, что ее онять взялъ съ собой неизвѣстный человѣкъ и куда скрылся—

невѣдомо. Тимоѳей обмеръ при извѣстіи, что она полюбовно бѣжала съ нимъ и въ первомъ жару негодованія—проклялъ ее;—жалко смотрѣть на него, весь народъ узналъ уже, что дочь *ближняго* Княжескаго Боярина сдѣлалась наложницей разбойника, котораго всѣ трепещутъ и ненавидятъ. Услыхавъ о тебѣ, я ожилъ и съ радости послалъ тотчасъ за родственниками твоей Маріи, чтобъ переговорить съ ними о всемъ, они пришли и ты самъ видѣлъ что кстати!

„Съ первой пѣснью Соловья,
Милый, буду я твоя!“
Прошепталъ мнѣ голосъ нѣжной.
Но суровъ былъ видъ небесъ.
Лугъ покрыть корою снѣжной
И молчалъ угрюмый лѣсъ.

Кн. Вяземскій.

Зима одѣла природу бѣлымъ саваномъ своимъ, мертвенно оцѣпенѣла она—но жизнь пламенѣла въ крови сыновъ Сѣвера; согрѣтые рвеніемъ къ пользѣ отечества, заботливо тщились они обращать каждую минуту времени въ свою пользу, между тѣмъ какъ Мамай нѣжился въ Сараѣ на неленахъ роскоши, презирая слухи о запосчивыхъ движеніяхъ Россіянъ, которыхъ почиталъ слабыми дѣтьми, повинующимися трепетно его рокотному гласу, какъ врому, когда онъ захочетъ грянуть на нихъ; тайныя приготовленія сихъ къ войнѣ ужасной продолжались какъ въ Москвѣ, такъ и въ прочихъ удѣльныхъ Княжествахъ. Димитрій особенно домогался привести въ лучшее устрой-

ство войска свои. Славный воевода его Тимоѳей, поддержавъ жизнь свою увѣщаніями Князя, что она нужна для отечества, соревновалъ ему въ семь домогательствѣ; Михаилъ и прочіе бояре также упражняли собираемыя ими дружины въ военномъ искусствѣ, и время дотекло невидимкой до Новаго года.

Перепуганная Марія со времени своего заключенія начала имѣть припадки изнурительной болѣзни — тронутая чувствительность ея не перенесла столько ужасныхъ происшествій и тѣхъ страшныхъ сценъ, которыхъ она была свидѣтельницею. Еслибъ жизнь ея не питалась присутствіемъ Всеслава, бывшаго при ней неотлучно во всякое свободное время отъ службы, то она бы угасла непремѣнно. Анна заботливо пеклась о ней, Ольга и Надежда утѣшали ее сколько могли и она не такъ уже печалилась объ обстановкѣ своего счастія, то есть, соединенія съ любезнымъ, чему была причиною болѣзнь ея.

Наступилъ Новый 1380 (*годъ* 28) годъ и сталъ подвигать за собою молодую весну. Лучи солнца какъ взвивъ орла, подымающагося подъ облака выше и выше, чтобъ разлетнѣе спуститься за добычей, отбрасывались, съ каждымъ днемъ съ высшей и высшей поверхности на землю и расплавляли оковы зимы; громады растопленныхъ снѣговъ быстро сливались въ рѣки и съ шумомъ понеслись въ океанъ; — всѣ луга и голубая долина обнажались, и Воробьевы горы, скинувъ съ себя ледяные вѣнцы, выказали макушки свои, подпирающія горизонтъ; вся природа ожизнилась

и начала часъ отъ часу великолѣпнѣе выказывать красы изъ сокровищницъ своихъ.

Подошелъ и Свѣтлый Праздникъ. Какъ улыбчиво блистало уже тогда Апрѣльское солнце, разогрѣвая теплотою своею ожившую землю! Какъ роскошно живописная весна начала отцвѣчивать поля! Какъ пріятно нѣжилась земля подъ свѣтло-голубымъ балдахиномъ неба, ликуя съ нимъ вмѣстѣ! Какъ торжественно и благоговѣйно встрѣчали Русскіе воскресеніе природы и воскресеніе Спасителя! Предчувствія сладостныя сулили имъ жизнь обновленную, не тронутую бурями скорбей и несчастій.

Какъ перелетная ласточка, почуявъ весну, встрепенетъ крылышками и завьется съ радостью рѣзвиться подъ небо, такъ и Марія, отдохнувъ отъ болѣзни своей, въ надеждѣ близкаго соединенія, зацвѣла новыми прелестями. — Батюшка! сказалъ Всеславъ по прошествіи праздника: „теперь увѣнчайте же наше благополучіе!“ — Еще немного погоди, сынъ мой — отвѣчалъ Михаилъ; — мнѣ говорилъ Князь, что имѣетъ въ тебѣ нужду послать куда-то, отслужи службу отечеству и тогда наградитъ тебя любовь съ лихвою.

Что намъ въ родинѣ, коль нѣтъ
Тамъ для сердца милой?
Ахъ, безъ ней и бѣлый свѣтъ
Кажется могилой!„

Свѣтло лѣто красное, но безъ милыхъ сердцу
и солнце на насъ смотритъ будто темнымъ окомъ

Какъ сирота, никѣмъ не приласканная, уныло влекла Марія дни, недѣли и мѣсяцы въ разлукѣ со Всеславомъ; онъ было усланъ Великимъ княземъ Димитріемъ въ Новгородъ просить обѣщанной помощи и нудить скорѣе тамошнихъ жителей собирать воиновъ, ибо пронесся слухъ что Мамай начинаетъ уже сдвигать въ Сараѣ большія толпы не только своихъ но и преданныхъ ему сосѣдственныхъ народовъ.

Голубая долина опять засмѣялась незабудками, какъ будто съ неба ссыпалась на нее роса бирюзовыми градинами, и душистая липа, лелѣятельница прохлады, которую навѣвала она надъ пріютомъ своихъ любовниковъ, опять зазеленѣла завитыми кудрями листьевъ, и еще болѣе развѣтвилась и поднялась какъ бы силясь полобызаться съ облаками; опять всѣ луга и рощи разубрались въ изумрудные сарафаны, какъ на праздникъ поселянки.

Упоительно было дыханіе лѣта, разнѣженнаго теплотою; но Марія и на родинѣ тосковала одиночествомъ, какъ цвѣтокъ, пересаженный на чужбину. На каждомъ мѣстѣ дымилось предъ ней воспоминаніе—о дняхъ любви, объ этихъ пролетныхъ плѣнителяхъ,—и каждая минута времени ожидая своего любезнаго зарождала въ душѣ ея новаго червя грусти; наконецъ возратился и онъ съ вѣстьми громкими и радостными, что въ концѣ лѣта появится сильныя дружины Новгородскія на поляхъ Московскихъ; народъ встрѣтилъ благовѣстителя съ радостными кликами, князь — съ милостивою ласкою и удовольствіемъ, Марія же

со всею нѣжностію восторженной любви — какъ небо — душу праведника.

Нужно ли и можно ли описывать жизнь любовниковъ, слившуюся въ одну волну, свѣтло текущую при блескѣ счастія и гармонически звучную при баюканьи любви. Дни ихъ переплетались розами невинныхъ наслажденій, быстро неслись они — пристань улыбалась имъ уже не дальнимъ спокойствіемъ и отдыхомъ — вдругъ опять и скрылась она, какъ заоблачная молнія, скользнувъ по небу, опаясываетъ его огнистою лентою и исчезаетъ!

„Мамай со всѣмъ царствомъ своимъ и народами иноплеменными быстро подходитъ къ землѣ Рязанской, поднявъ руку противъ меня и тебя; Ягайло 29) также въ союзѣ крѣпкомъ съ нимъ, но мышцы наши еще сильны, мечи остры, бодрствуй и мужайся! такъ писалъ Олегъ князь Рязанскій къ Димитрію, который давно уже ожидалъ сего извѣстія и приготовился къ отпору сильному съ содѣйствіемъ прочихъ Удѣльныхъ князей; наконецъ наступило время взять мѣры рѣшительныя; увѣдомленіе Олега, какъ звукъ грома раскатилось по всѣмъ землямъ Русскимъ и цѣлые города схватили оружіе. — Всякой хотѣлъ чѣмъ нибудь быть полезнымъ отечеству: кто мечемъ, кто имуществомъ, кто молитвами и дѣлами христіанскими. Добрая Евдокія, супруга Димитрія, щедро раздавала милостыню народу и всѣ, кто могъ, слѣдовали ея примѣру. Вдругъ во всѣхъ зажглась жизнь еще дѣятельнѣе; юноши Русскіе, оставя забавы молодецкія и часы условленныхъ свиданій съ милыми, пылко и ревностно вооружались;

мужья, покидая горячія объятія нѣжныхъ супругъ, напечатлѣвали на устахъ ихъ поцѣлуи прощальные, готовясь также выступить противъ общаго врага; — старики, немогшіе учавствовать въ семъ дѣлѣ, поощряли дѣтей своихъ, вдыхая въ нихъ огонь мужества повѣствованіями о дѣлахъ богатырей, звучныхъ славою; — женщины молились и плакали не столько по разлукѣ съ мужьями, братьями и дѣтьми своими, сколько отъ умиленія дружнаго участія и трогательныхъ словъ и поученій священнослужителей, вдыхавшихъ силу и крѣпость непоколебимую въ патріотическій духъ народа. Вся Москва и зависѣвшіе отъ нее города были въ движеніи. — Уже готовые выступить, ожидали только прочихъ, уговорясь, чтобъ всѣмъ соединиться въ Москвѣ, какъ въ сердцѣ Россіи, возгласить Димитрія общимъ вождемъ и, съ Богомъ — тронуться.

Гдѣ-то пристань? скороль, милые,
Я окончу дальній путь?

И — въ.

„Слушай!“ разносился окликъ сторожеваго воина, расхаживавшаго по валу, который облегалъ городъ Рязань. — Всеславъ въ это время подъѣзжалъ къ стѣнамъ онаго съ небольшою дружиною; какъ испытанный Княземъ въ вѣрномъ посольствѣ, онъ былъ почтенъ отъ него и теперь отправленіемъ къ Олегу на совѣтъ и развѣдыванія, далеко ли отстоитъ Мамай отъ его Княжества. — Огла-

шаемый сторожевымъ окрикомъ, унылъ и грустенъ по своей Маріи, особливо по отложенію соединенія съ нею, готоваго начаться и перерваннаго симъ путешествіемъ, предсталъ онъ предъ Олега.

Вездѣ встрѣчалось ему множество ратниковъ, крѣпко вооруженныхъ, внимательно и косо смотрѣвшихъ на него и свиту его, когда онъ съ нею пробирался сквозь толпы сихъ бродившихъ взадъ и впередъ и по площадямъ и стоявшихъ двурядным многолюдным карауломъ въ длинныхъ гридняхъ. Князя. Нестройныя кучи народа, натавшагося передъ нимъ въ безпорядкѣ и буйные клики упившихся, съ перваго взгляда на нихъ не дали Всеславу добраго мнѣнія о цѣломъ удѣлѣ семъ. Когда Олегъ узналъ кто таковъ посланный, причину его посланія къ нему и прочиталъ въ письмѣ Димитрія особенную рекомендацію и Всеславѣ въ преданности его къ отечеству, то принялъ его съ отмѣнною ласкою и радушіемъ, привѣтствуя сими словами: „Милости прошу, храбрый и достойный гражданинъ достойнѣйшаго повелителя, у насъ все готово; но объ этомъ переговоримъ послѣ, отдохни съ дороги и успокойся!“

Увидя предъ собою мужа сумрачнаго, дико блиставшаго взорами, Всеславъ почелъ Олега жестокосердечнымъ и лукавымъ; но вдругъ найдя въ немъ быстрое измѣненіе пасмурнаго вида на веселый и кроткій, слыша его велерѣчіе къ себѣ, радостно изумился онъ и съ удовольствіемъ сердечнымъ пошелъ въ приготовленную для него гридню; за нимъ ухаживали какъ за чтимымъ гостемъ, приносили всякія яства сладкія и напитки

вкусные, такъ прошелъ тотъ день, которымъ Всеславъ былъ очень доволенъ.

Утро наступающаго дня явилось предъ него вмѣстѣ съ посѣщеніемъ любимца и перваго вельможи Олегова, *Епифана Корсева* 30) — „Что хорошо ли отдохнулъ, дорогой гость?“ спросилъ онъ Всеслава, вошедши къ нему и устремя на него косые глаза свои.

— Благодаря вашему попеченію, очень хорошо!—отвѣчалъ Всеславъ.

„Радуюсь!“ сказалъ Епифанъ, а по нѣкоторомъ молчаніи прибавилъ:

„Завтра князь приглашаетъ тебя чрезъ меня къ его транезѣ, а нонче онъ въ отсутствіи“.

— Еще благодарю—отвѣчалъ Всеславъ—лестно мнѣ видѣть вниманіе его къ себѣ, но желательно бы узнать, когда я могу переговорить съ нимъ о дѣлахъ, требующихъ заботливости, храбрости и опытности его.

„Къ чему спѣшить!“ возразилъ Епифанъ: „ты у насъ погостишь хоть недѣльку—Мамай-то вѣдь не скоро докатится до насъ, онъ вѣрно еще не просохъ съ пиру, который говорятъ, давалъ, своимъ союзникамъ предъ походомъ и спотыкается теперь на каждомъ шагу.“

— Къ чему спѣшить!—возразилъ удивленный Всеславъ. — Когда лютый врагъ оститъ когти свои на нашу мать—отечество, то мы, дѣти его, вмѣсто защиты станемъ упиваться и безпечно смотрѣть на это?—О! такъ говорить могутъ одни бездушные помощники Мамаевы, а не истинно-вѣрные сыновья Россіи священной! Пируйте здѣсь

одни, да заглушайте чоканьемъ бокаловъ звукъ оружій, поднятыхъ всѣми Русскими, заливайте виномъ черствыя души свои и добавляйте имъ румянецъ на щекахъ къ краскѣ, зажигаемой совѣстью при взглядѣ на братьевъ своихъ, готовыхъ положить голову за край родимый—а я ѣду къ своему Князю донести отверженіе отъ насъ племенъ Іудовыхъ, на что терять время, мнѣ давно пора.

„Братъ,—другъ,—какъ восхитилъ ты меня этимъ огневымъ рвеніемъ къ родинѣ нашей!“ вскричалъ съ восхищеніемъ Епифанъ, обнимая Всеслава. „Нѣтъ, ты не уѣдешь отъ братьевъ своихъ! Признаюсь, я испытывалъ любовь твою къ отечеству и ты славно выдержалъ испытаніе; можешь ли иначе и думать о насъ, какъ не считая за приверженцевъ единокровныхъ съ собой, когда родная наша слава; не должны ли мы окостыдить ее плечами своими, когда на нее занесетъ руку, не обязаны ли мы подставить грудь для принятія грозящаго ей удара?—По смотри только внимательнѣе на смѣлыя лица Рязанцевъ, вглядись попристальнѣе на свѣтлое вооруженіе ихъ и ты увидишь себя; пересчитай, сколько готовыхъ рукъ поднятся для пораженія враговъ, какъ истощено блѣдное лицо нашего Князя отъ думъ важныхъ, все для отечества!—Нѣтъ, повторяю тебѣ, ты полюбишь насъ, ты не уѣдешь отъ насъ!“ прибавилъ онъ увѣрительнымъ голосомъ, значительно взглянувъ на него и ушелъ, оставя его почти плачущимъ отъ умиленія, вдохнутаго словами его.

Упитанный восторгомъ Всеславъ ходилъ большими шагами по комнатѣ; вдругъ примѣтилъ онъ предъ окномъ своимъ, примыкавшимъ къ саду, мельканіе копья, подходитъ къ нему и видитъ на копьѣ воткнутую *хартію* 31), осторожно снимаетъ ее, копье опускается, онъ смотритъ внизъ: человѣкъ, закутанный кругомъ, съ поспѣшностію удаляется отъ окна его и теряется въ перспективѣ аллеи. Побуждаемый любопытствомъ развертываетъ хартію и читаетъ: *Не пей вина изъ того бокала, который поднесетъ тебѣ завтра Олегъ — въ немъ ядъ.* Каково было изумленіе Всеслава! Кто это оберегающій жизнь его, не тайный ли врагъ, старающійся поселить вражду между имъ и Олегомъ? Можно ли думать подозрительно о Князѣ, выражающемъ собой обнаженную добродѣтель, доказавшемъ уже храбростію и кровію своею, изхлынувшею изъ многихъ ранъ его, за участіе въ дѣлахъ Дмитрія приверженность къ нему, слѣдовательно и къ подданнымъ его?

Разорвавъ хартію съ недовольствомъ, пошелъ онъ бродить по городскимъ площадямъ и увидѣлъ на нихъ то же разгулье ополченныхъ людей, которое примѣтилъ вчера; находивъ до устали возвращался уже онъ домой, какъ услыхалъ преслѣдованіе за собой — обернулся — длинная фигура, въ порядочномъ разстояніи отъ него надзиравшая за нимъ еще на площадяхъ, поманила его; не зная рѣшиться ли слѣдовать за неизвѣстнымъ, пошелъ онъ за нимъ уже на второй зовъ его и чѣмъ скорѣе достигалъ его,

тѣмъ быстрѣе неизвѣстный удалялся отъ него и зайдя въ глухой закоулокъ вдругъ остановился.

Приложа руку къ мечу на случай защищенія, Всеславъ подходя къ нему спросилъ: чего ему надобно отъ него? Неизвѣстный, оглядясь, хотѣлъ открыться, вдругъ послышался конскій топотъ.—„Уже, гораздо спустя послѣ солнечнаго заката, проберись тихонько къ берегамъ Оки, иди на встрѣчу теченія ея, встрѣтишь и меня, но будь остороженъ!“ сказалъ неизвѣстный глухимъ голосомъ и скрылся въ развалинахъ близъ стоявшаго терема. Лишь только онъ скрылся — показалось нѣсколько всадниковъ, смотрѣвшихъ съ недобрымъ вниманіемъ на Всеслава. „Братцы! укажите мнѣ, гдѣ дорога къ Княжескимъ палатамъ!“ произнесъ Всеславъ твердымъ голосомъ; „я заблудился прогуливавшись по вашему городу» и одинъ изъ конныхъ молча указалъ ему влѣво улицу, а самъ поѣхалъ съ прочими въ другую сторону, глядя пристально, въ слѣдъ Всеславу.

Пришедъ домой, съ нетерпѣніемъ ожидалъ Всеславъ ночи, сѣвъ у окошка. Солнце закатилось и ночь разостлалась надъ природой; врожденное мужество его заглушало въ немъ мысли объ опасностяхъ, могущихъ встрѣтиться съ нимъ во мракѣ и въ мѣстахъ неизвѣстныхъ; двинутый имъ, спустился онъ въ окно, не такъ высоко отстоявшее отъ земли, прокрался тихонько въ садъ и пробѣжавъ его вышелъ въ заднюю калитку на улицу и перейдя весь городъ, отыскалъ широкіе берега Оки и пробираясь нѣсколько времени

на встрѣчу теченію ея, примѣтилъ подымающагося изо рва человѣка—это былъ неизвѣстный въ черной корзнѣ, въ рукахъ держалъ онъ незажженный смоляной факелъ и еще что-то подъ мышкой.

„Давно пора!“ произнесъ онъ опять тихимъ голосомъ подойдя къ Всеславу. „Накинь на себя это“ прибавилъ онъ, подавая ему такую же корзну, какая была на немъ и такой же факелъ: „да прикройся хорошенько и слѣдуй за мной; не говори ни слова, что ни будешь видѣть и слышать— жизнь обоихъ насъ зависитъ отъ скромности, но спѣшай же, время дорого!“ Повинулся незнакомому голосу, управлявшему имъ— набросилъ на себя Всеславъ длинную черную корзну: закутался въ полы оной, принялъ факелъ и пошелъ молча за неизвѣстнымъ.

Взявъ вправо отъ берега перешли они поле, засѣянное яровымъ хлѣбомъ, чрезъ пересѣкающую его узкую межу и миновавъ многія усадьбы, достигли до огромнаго терема, ярко освѣщеннаго огнями и обведеннаго высокимъ бревенчатымъ заборомъ. Въ воротахъ стоялъ караульный въ такомъ же одѣяніи, въ какомъ подошли Всеславъ съ неизвѣстнымъ; не двинувшись съ мѣста, спросилъ онъ подходящихъ къ воротамъ: „Кто?“ „*Ночь!*“ отвѣчалъ неизвѣстный и караульный пропустилъ ихъ.

ГЛАВА IV.

Заговорщики. Таинство терема ихъ. Ссора на пиршествѣ Олега. Избавитель. Возвращеніе.

Облака бѣгутъ надъ моремъ;
Крѣпнетъ вѣтеръ; вновь черней,
Будетъ буря: мы поспоримъ,
Мы помужествуемъ съ ней.

Языковъ.

Мѣсяцъ перебѣгалъ повиснувшія тучи и выкатясь изъ нихъ, освѣщалъ народъ на дворѣ двигавшіяся тодпы черныхъ людей какъ привидѣній. Обойдя ихъ пошли наши новые посѣтители къ переднему крыльцу терема и откликнувшись у двери онаго такъ же другому человѣку, какъ и первому, взобрались по вьющейся лѣстницѣ на верхъ; гдѣ утѣснулись на запертую чугунную дверь. Неизвѣстный, шедшій впередъ, ударилъ по ней обухомъ меча своего она раза, послѣ услыхалъ шорохъ подходящихъ шаговъ, ощупалъ огромный молотъ, висѣвшій на длинной цѣпи около двери, и раскачавъ его бухнулъ въ

третій разъ въ дверь; протяжный звукъ, похожій на стонъ, разнесся по сводамъ, окошки дрогнули и дверь съ рокотомъ отворилась.

Глазамъ вновь вошедшихъ представилась пространная храмина, въ углахъ коей навалены были кучами всякія оружія, копья, мечи, бердыши и прочее, на стѣнахъ пылали факелы, въ срединѣ ея около круглаго стола сидѣли люди за большими кубками вина, осушавшіе ихъ молча. Дверь, впустившая пришельцевъ, опять шумно захлопнулась и продернулась двумя задвижками, неизвѣстный остановился у стѣны и зажегъ факелъ. Всеславъ, видя множество людей, примкнувшихся къ стѣнамъ съ подобными же горящими факелами, послѣдовалъ его примѣру и обглядясь, кого же въ изумленіи узналъ? на большомъ мѣстѣ противъ дверей въ парчевыхъ креслахъ, обложенныхъ золотою битью, сидѣлъ самъ Олегъ, по правую руку его на высокихъ скамьяхъ Абдрахманъ, а по лѣвую Епифанъ. Татары и прочіе бояре Олега сидѣли на широкихъ лавкахъ, окружая столъ. Не обращая вниманія на новоявившихся и сочтя ихъ по платью и обрядамъ за своихъ, сидѣвшіе продолжали молчать и прихлебывать. Вдругъ изъ-за спины Абдрахмана послышался чей-то полу-тонный писк: „передъ бурей видно замолкли громкіе голоса моихъ барей!“

Моргнула головка—и Всеславъ еще къ большему удивленію своему тотчасъ узналъ Елисея. „Передъ бурей и лягушка квакнула!“ произнесъ

насмѣшливо Олегъ взглянувъ лукаво на Елисея, очутившагося предъ Абдрахманомъ.

— Да вѣдь ужъ о всемъ переговорено—сказалъ Абдрахманъ, приподнявъ нѣсколько отуманенную голову—этотъ щенокъ остается-таки въ Москвѣ доконать нашихъ непріятелей, и не хочетъ бѣжать со мной въ Орду, боясь похлестыванія двухвостыхъ нагаекъ.

„Да вѣдь таиъ-то ты и самъ неполный хозяинъ“ отвѣчалъ Елисей обидясь: „а земляковъ-то твоихъ я знаю, они никому не спустятъ, на меня пригрозится двухвостая нагайка, а на твою вельможную спину двухконечная дубина да еще“.

— Ахъ ты бѣсенокъ, чертова ладонка!—вскричалъ Абдрахманъ въ сильныхъ судорогахъ смѣха, совершенно не сердясь на слова потѣшника и вѣрнаго слуги своего—такъ я иль насильно угоню тебя, накину на шею рогатку съ зубцами, продену чрезъ нее веревку и поволоку...

„Нѣтъ, еще награди прежде, ты не додалъ мнѣ противъ условія много гривенъ золота“ сказалъ Елисей: „а еслибъ ты все-то обѣщанное исполнилъ, тобъ я теперь владѣлъ полцарствомъ твоего хана, ибо ты мнѣ обѣщалъ дать столько золота вѣсомъ, сколько потянетъ въ тебѣ, а тогда знаешь и счетъ бы потерялся въ пудахъ; тобъ и тебя-то купилъ у самого тебя“.

— Не заѣзжай далеко по кривой дорогѣ-то—перервалъ его Абдрахманъ—а то я опрокину тебя въ болото—скажи-ка прежде, за что бы это я такъ расщедрился до тебя?

„Какъ за что?“ отвѣчалъ Елисей: „я свое слово исполнилъ въ половину, дѣвушка была у тебя; еслибъ ты былъ терпѣливъ да угомоненъ; то и опять бы поналась она намъ и тогда бы восторжествовалъ ты надъ ней—а ты что взялъ не умѣлъ ни сберечь, ни пользоваться ею—да—я бы со временъ и молодца-то засѣтилъ“

Напоминаніе о Маріи, до изступленія любимой имъ, и о Всеславѣ, до жестокости ненавидимымъ, —вдругъ зажгло въ Абдрахманѣ весь пламень бѣшенства! „Вотъ я награжу тебя!“ воскликнулъ онъ разъяренно: сейчасъ скатаю шаромъ, да и покачу по гвоздямъ или по горячимъ угольямъ въ Сарай, а тамъ если на бѣду свою еще дыхнешь жизнію,—то самъ разорву тебѣ горло, самъ выхвачу изъ тебя сердце и насыплю его горохомъ, чтобы ты и по смерти своей утѣшалъ меня вмѣсто погремушки. Низкій рабъ, что напомнилъ ты мнѣ, да если ты не достанешь ихъ по возвращеніи нашемъ въ Москву, то я непремѣнно это исполню, да и верзилу то того, что угомонилъ у меня Бешара и половину свиты лучшихъ воевъ, долженъ добыть ты мнѣ!“ Елисей замолкъ и принялъ смиренный видъ, а Абдрахманъ продолжалъ обратясь къ Олегу: „Князь, прошу и молю тебя униженно, выдай мнѣ гостя-то своего живьемъ, я тебѣ уступлю за него что хочешь!“ —То то нельзя—отвѣчалъ Олегъ—это ужъ будетъ явно, такъ знаешь, какъ нибудь донесется до Димитрія пропажа его; если ты его и на дорогѣ перехватишь, все я останусь въ подозрѣніи, а теперь еще рано навлекать гнѣвъ и мще-

ніе Димитрія, а то онъ какъ разъ нахлынетъ на меня: вотъ ужъ какъ подступите вы съ Мамаемъ въ мои владѣнія, тогда есть опора—тогда я самъ отведу васъ даже къ стѣнамъ Москвы—впрочемъ не бойся, я опою твоего врага и съ честію отправлю къ Дмитрію тѣло его, изъявляя сожалѣніе о внезапной смерти; тогда кто придерется, концы-то останутся только между нами? Ни онъ ни изъ свиты его никто не знаетъ, что ты здѣсь, да и между народомъ также это неизвѣстно; видишь вокругъ тебя—какія мѣры осторожности принялъ я быть недоступнымъ ни чьей прозорливости, ты же ночче въ ночь ѣдешь—встрѣтишь Мамая, попудишь его поспѣшить. а я завтра отправлю моего гостя въ темное государство, а къ Димитрію пошлю дать знать, что вы еще далеко—вотъ и выгодное начало для насъ!“

— А въ Москвѣ сильно гомозятся!—подхватилъ Епифанъ—надобно пріостановить ихъ, а то встрѣтятъ они насъ жарко.

„Ну быть такъ—вычеркни же его изъ живыхъ-то“ сказалъ Абдрахманъ „а съ тобой помиримся!“ прибавилъ онъ обращаясь къ Елисею. „Хлопочи по Москвѣ, да смотри, чтобъ не изжарили тебя на кострѣ—а мы скоро нагрянемъ подъ нее разбивъ этихъ дерзкихъ возмутившихся рабовъ.“

— А Ягайло птицей принесется съ другаго боку на нихъ!—сказалъ Епифанъ—вотъ пойдетъ кромка-то! Всѣ подтвердили его восхищенные

кликами, одинъ Абдрахманъ наморщился, какъ осенняя сумерки и произнесъ:

— Ну, мы бы и безъ этихъ мозглыхъ Ляховъ обошлись, а то вѣдь и они приступятъ къ дѣлежу сокровищъ, которыя мы ошаримъ въ Москвѣ.

„Да вѣдь самъ ханъ укрѣпилъ тѣсный союзъ съ ихъ княземъ!“ возразилъ Епифанъ „чтожъ намъ-то?“

—Однако ночь-то темна какъ преисподняя— перервалъ его Абдрахманъ—отвратиться мнѣ поскорѣй, чай ханъ дожидается давно добрыя вѣсти принесу я ему, ну прощайте!—Съ искренею дружбою обнялись заговорщики—шумно отодвинулись лавки и скамьи и все пришло въ движеніе. Стражи бросились къ дверямъ и отодвинули задвижки—„теперь скользи же скорѣй!“ шепнулъ незнакомецъ обомлѣвшему Всеславу и вмѣшавшись въ толпу, выбрались они изъ храмины на дворъ и такъ далѣе за ворота.

„Ахъ послушай, что дѣлать, скажи мнѣ, невѣдомый хранитель мой, отечество въ опастности?“ сказалъ Всеславъ тихо неизвѣстному.

— Покамѣсть бѣги безъ оглядки, да по проселку, какъ случится, домой, а послѣ посмотримъ, что дѣлать—мы еще увидимся—помни, что написано на хартіи, да старайся улепетнуть скорѣй во свояси,—сказалъ и исчезъ, указавъ Всеславу рукой на узенькую дорогу, стелящуюся отъ него въ противной сторонѣ.

Олегъ жестокосердный, вѣролюбивый, умный и лукавый человѣкъ, былъ прежде Димитію другомъ, совѣтникомъ и вѣрнымъ союзникомъ напр. въ войнѣ съ Тверскимъ Княземъ. Располагая въ мысляхъ своихъ походъ Мамая, съ ужасомъ разсмотрѣлъ онъ, что будетъ первою жертвою гнѣвнаго тирана; ибо шествіе его направится прямо чрезъ его владѣнія въ Москву, желая спасти свое княжество отъ разграбленія повсемѣстнаго и распространить паденіе Московскаго, заключилъ онъ тайно союзъ наступательный съ Мамаемъ и Ягайломъ, условившись ждать ихъ въ началѣ Сентября на берегахъ Оки; а самъ, чтобъ лучше прикрыть измѣну и предательство свое, писалъ къ Димитрію о грозящей опасности, что намъ уже извѣстно.

—Нашъ міръ неблагодарный.—
Въ немъ люди злы, они коварны,
Имъ злата или крови дай—
О Боже—для кого-жь Твой рай?....

„За здоровье Князя Димитрія, храброй дружины его и всего народа Русскаго!“ произнесъ Олегъ за роскошнымъ столомъ, опѣняя тяжкій кубокъ свѣтлымъ виномъ: „да будетъ проклятъ тотъ, какъ измѣнникъ, кто не осушитъ его до дна!“ говорилъ онъ поднося Всеславу кубокъ и потчуя его: „на, на! дорогой гость начни, подай собою примѣръ!“

Всеславъ принялъ кубокъ изъ рукъ его и всѣ сидѣвшіе за столомъ переглянулись коварно меж-

ду собой; но онъ, не отвѣдавъ даже вина, сказалъ, поднося его обратно потчивавшему Олегу; „такъ, да будетъ проклятъ и постигнутъ гнѣвомъ Божіимъ тотъ, кто откажется хотя отвѣдать за здравную влагу. Я рабъ“ продолжалъ онъ: „но ты самъ Князь, кому жъ пристойнѣе изъ насъ подавать примѣръ, начни—я кончу!“ Совсѣмъ не ожидая такого оборота отъ Всеслава, Олегъ проницательно взглянулъ на него и произнесъ: —ты гость, тебѣ изъ вѣжливости нельзя отвергать, чтобы ни предлагалъ хозяинъ пить.— „А ты хозяинъ и притомъ вельможный, тебѣ подобаетъ прежде всѣхъ откушать!“ отвѣчалъ Всеславъ. Начался споръ, всѣ поддерживали мнѣніе своего Князя, только нѣкоторые изъ свиты Всеслава заступались за него и кубокъ остался никѣмъ не тронутъ.

„Стало быть ты не любишь своего Князя и отечество, когда отрицаешься пить?“ спросилъ Олегъ пасмурно у Всеслава.

— Теперь и я смѣю сказать—отвѣчалъ сей обидѣвшись:—стало быть проклятіе повисло и надъ тобой какъ надъ измѣнникомъ, что ты не исполняешь выдуманнаго тобою же?

„Да ужъ ты начинаешь забываться и становишься дерзкимъ!“ произнесъ нахмурившись еще болѣе Олегъ. „Помни, что ты не въ Москвѣ, а въ Рязани, и что витійствуешь не предъ Димитріемъ, а предъ Олегомъ!“

— Потому-то я и дерзокъ, что говорю съ Олегомъ!—сказалъ Всеславъ значительно.

„Ищиплите по клочкамъ языкъ его!“ вскричалъ Олегъ обращаясь къ своимъ и вскочивши съ кресель. „Какъ смѣлъ онъ обидѣть вашего князя лично! Раздерите его—я, самъ отвѣчу Димитрію, да еще попрошу удовлетворенія, что онъ прислалъ обижать меня такого цыпленка!„

Повыхвативъ мечи свои, малая свита Всеслава твердой стѣной окружила его; какъ тигръ бросился самъ Олегъ на обидчика своего и встрѣтилъ мечемъ своимъ мечъ противника,— нахлынули стражи, натянутыя стрѣлами тетивы ихъ уже готовы были дрогнуть—вдругъ вбѣжалъ вѣстникъ и закричалъ: „Димитрій, князь Московскій, съ многочисленною ратью показывается уже близъ стѣнъ города.

Поблѣднѣвшій отъ страха и изступленія Олегъ задрожалъ, а поднятыя руки палачей его опустились.—„Прости меня, храбрый юноша!“ произнесъ онъ ласковымъ тономъ Всеславу; „я увѣренъ, что ты, уважая Димитрія, не захочешь огорчить его жалобами—я также—дѣла наши требуютъ теперь братскаго единодушія.“

Не дослушавъ его рѣчи Всеславъ рванулся въ двери и пустился на дворъ.

„Обѣги кругомъ къ заднимъ воротамъ, тамъ тебя ожидаетъ стременный твой съ осѣдланными лошадьми, дайся въ его волю и поспѣшай утекать—мы увидимся у лощины!“ произнесъ вдругъ сзади его тихій голосъ незнакомца.—Всеславъ обернулся—нѣтъ никого, во дворцѣ всѣ суетились — ратники толпами бѣжали встрѣчать Димитрія; онъ повиновался спасительному гласу

неизвѣстнаго и обѣжавъ кругомъ дворъ, нашелъ точно у воротъ своего стремяннаго, который подалъ ему поводъ его лошади.—„Кто тебя послалъ сюда?“ спросилъ Всеславъ.—Теперь некогда все разсказывать—отвѣчалъ стремянной—и оборотивъ свою лошадь нѣсколько въ сторону отъ Московской дороги, помчался, а за нимъ и Всеславъ.

„Кто ѣдетъ?“ крикнулъ не далеко отъ нихъ стражъ на загородномъ мосту. Блеснуло метательное копье и ссадило съ лошади стремяннаго, ѣхавшаго впереди.—Смерть!—отвѣчалъ голосъ сзади и стражъ продѣтый стрѣлою, покатился, глухо крикнувъ, на дно лощины, наполненной водою.—За мной, живѣй! произнесъ поразившій стража незнакомецъ, вдругъ появясь тутъ на измученной лошади, мигомъ соскочилъ съ нее подъ мостъ въ воду и сдернулъ за собой Всеслава и убитаго слугу его, оставя лошадей на волѣ.

Погруженный въ воду почти до плечъ, Всеславъ но успѣлъ опомниться хорошенько, какъ услыхалъ конскій топотъ надъ собой, нѣсколько человѣкъ проѣхали по мосту во весь галопъ, онъ хотѣлъ выкарабкаться, но незнакомецъ не выпускалъ его руки, немного погодя опять проѣхали конные по мосту, что-то разговаривая между собой, но не такъ уже скоро.—„Воротились,—теперь можно!“ сказалъ неизвѣстный выглядывая изъ подъ моста: „они ужъ далеко!“—Вышедъ изъ засады, сталъ онъ отряхивать вымоченный плащъ свой, распахнулся—и Всеславъ узналъ Владиміра.

„Другъ—и до сихъ поръ не могъ я признать тебя!“ вскричалъ удивленный Всеславъ: „ни голоса, ни лица?“

— Да отъ меня бы и природа отклепалась,— отвѣчалъ Владиміръ обнимая его—волосы-то видишь какъ я перекрасилъ, а борода-то съ добрую лопату будетъ, вотъ какъ у насъ, за ночь выросла, притомъ-же лицо свое я укутывалъ въ складки плаща, а голосомъ то говорилъ будничнымъ—не какъ теперь!

— Что-жъ ты давно мнѣ не открылся и не разсказалъ, какъ попалъ сюда, гдѣ странствовалъ?“ спросилъ его Всеславъ.

— Житье-бытье мое ртутное—сказалъ Владиміръ, — однако пойдемъ проселкомъ, тутъ безопаснѣе. — Пройдя поперекъ дорогу, пробрались они въ лѣсокъ и пошли опушкой его. Владиміръ свистнулъ и немного погодя показался конь его, бѣжавшій прямо на этотъ зовъ къ хозяину.— „Моя стрѣла-то стоитъ твоего вихря!“ сказалъ онъ: „гдѣ ни летаетъ, а меня не промагаетъ!“ За его конемъ прибѣжалъ и Всеславовъ.—Вотъ кстати-то—продолжалъ Владиміръ—я зналъ, что они не далеко; пожалуй отыщемъ коня и стремяннаго твоего, да ужъ лучше оставимъ его Рязанцамъ, чтобъ имъ было чѣмъ угощать гостей своихъ—Татаръ.

„Бѣдный!“ произнесъ Всеславъ почти сквозь слезы:—„чувствовалъ-ли онъ, что конецъ жизни его мотался на пагубномъ копьѣ!“

— Ну, моли Бога, что ты еще отвертѣлся отъ него,—отвѣчалъ Владиміръ. Сѣвъ на лоша-

дей, поѣхали они по той-же дорогѣ, которую выбрали пѣшіе, и Владиміръ началъ Всеславу разсказывать свои приключенія со дня ихъ разлуки:

„Разставшись съ тобой, поѣхалъ я за Еленой и взявъ ее изъ монастыря, поселился съ молодцами своими въ лѣсахъ, что около Сергіевской обители, зная, что на старомъ мѣстѣ отыщутъ. Вотъ тамъ и началъ я замышлять, куда-бы пуститься отъ надоѣдной жизни и праздности; зима захватила меня тамъ, но я не тосковалъ, вьюги ея не запорошили холодомъ чувствъ нѣжности нашей, а вопли пустынныхъ вѣтровъ заглушались баюканьемъ любви моей Елены.—Такъ тянулась и дотянулась зима. Свѣтлая весна зажгла во мнѣ опять намѣреніе перемѣнить родъ жизни и быть чѣмъ-нибудь полезнымъ отечеству. Суровость моего нрава вся уже растаяла отъ умильныхъ взоровъ этой милой женщины, разбойники не узнавали удалаго атамана своего, и нѣкоторые изъ нихъ разбрелись, наскуча задумываться со мной, а съ остальною частію вѣрнопреданныхъ мнѣ я остался.

„Разъ привели во мнѣ люди мои захваченнаго ими и раненаго уже священника; благая мысль при взглядѣ на него и блеснула въ моемъ воображеніи. Успокоивъ трепещущаго, я подведъ къ нему Елену и выславъ всѣхъ изъ юрты исповѣдалъ предъ нимъ на колѣняхъ всѣ грѣхи свои и просилъ его благословить насъ по священнымъ обрядамъ. Я ожидалъ проклятій, но честный священникъ только никакъ не соглашался на

это до тѣхъ поръ, пока я не принесу чистаго покаянія предъ Богомъ и не выдержу строгаго искуса, состоявшаго въ постѣ и молитвѣ; кротость моего нрава тѣмъ обнаружилась, что я не принуждая его силою исполнить это, охотно согласился на все требуемое имъ.—Чувствую, что съ груди моей сдвинулось какое-то бремя—когда благочестивый старецъ, призывая на насъ око Всевышняго, соединилъ руки наши и благословилъ.—Боже мой!—Какъ отлегло отъ души, какъ ненаглядно сталъ я любоваться женой моей, данной мнѣ и любовью и небесами.

„Разбойники были свидѣтелями нашего сочетанія“. — „Можетъ-ли оно быть прочнымъ безъ благословенія батюшки?“ бывало говаривала моя Елена.—Священникъ, ослабѣвъ отъ полученной имъ раны, умеръ, а я одинъ остался утѣшать ее—для меня безъ сожалѣнія оставляла она навсегда кровъ родительскій, знатность и богатство свое, соглашалась вѣчно дѣлиться жизнію съ переобразовавшимся разбойникомъ, но иногда бывало въ самыхъ объятіяхъ моихъ встоскуется объ отцѣ. „Какъ онъ любилъ меня!“ говаривала она. „Выдержалъ-ли еще разлуку нашу?“ Я освѣдомлялся о немъ и узналъ ужасное проклятіе, разразившееся на него; однако сказалъ ей только, что Тимоѳей успокоился и занимается теперь приготовленіями къ войнѣ; еще бывало въ отряду говорилъ ей, что послѣ всеобщей битвы, въ коей буду участвовать и я, мы кинемся къ ногамъ его и вымолимъ прощеніе себѣ, когда кровь моя заклеймитъ поле битвы славою искупленія.

„Звуки Русскихъ и Монгольскихъ оружій скоро достигли до меня, — я только ожидалъ, когда Елена оправится отъ болѣзни, чрезъ которую вкусилъ я другую обновку жизни моей, прижимая новорожденнаго сына къ груди отцовской! Какъ священна была для меня милая и кроткая родительница его, но я скоро оторвался отъ сердца ея. Побывая тихонько въ Москвѣ, и внеся большое подаяніе въ Зачатіевскій монастырь, я упросилъ настоятельницу онаго принять жену мою съ младенцемъ подъ покровительство ея до возвращенія моего съ войны, назвясь конечно другимъ именемъ. — Не буду говорить тебѣ о тоскѣ разлуки — ты самъ знаешь цѣну оной, — всѣ страданія, соединясь въ одну, возникли въ душу мою, когда я въ послѣдній разъ прижалъ уста свои къ ея устамъ, ощутилъ на щекахъ своихъ прощальныя слезы. Увидимся ли мы? — произнесла она раздирающимъ голосомъ, и я, не трепетавшій никогда, имѣя столько разъ смерть близкою сосѣдкою себѣ — заплакалъ — и унесся отъ нея; и тѣмъ далѣе отъѣзжалъ, тѣмъ болѣе рвался къ ней еще проститься — послѣднія слова ея все стонутъ еще въ ушахъ моихъ, до сего времени какъ пѣніе погребальное.

„Цѣль моя была ѣхать въ Рязань, я зналъ, что тамъ болѣе всѣхъ должна быть сумятица, потому что Хану пролегаетъ дорога чрезъ нее въ Москву. Такъ въ ней-то онъ вѣрно захочетъ отдохнуть и погрѣться пожарами ея; но какъ же я изумился, встрѣтивъ однажды за городомъ шатающихся Татаръ, не примѣтно слѣдить ихъ было мое дѣло

и я подслушивалъ всю подноготную на деревѣ, къ которому они прислонясь условливались съ повѣренными Князя Олега о погубленіи всей нашей родной Руси; я дознался, что начальникомъ заговорщиковъ былъ Епифанъ и не теряя времени, явился къ нему, открылся въ разбояхъ своихъ, во враждѣ съ Москвитянами и просилъ принять меня къ нему въ службу.

„Зная, что видъ мой, рость, сила и смѣлая откровенность понравятся ему, я такъ и дѣйствовалъ и тотчасъ былъ принятъ; коротко сказать: въ немногое время я такъ полюбился ему, что вывѣдалъ всѣ тайны его задушевныя. Такъ мудрено-ли мнѣ было спасать тебя, когда узналъ тебя прогуливающагося по городу и цѣль твоея пріѣзда; но боясь твоей нескромности и зоркихъ глядатаевъ, предостерегалъ себя и тебя тѣмъ прикрытіемъ, которое обмануло глаза твои; я всегда носилъ его, сказывая Епифану, что ты, или какой нибудь забѣтлый изъ Москвы соглядатай узнаетъ меня, или многіе видали въ нѣсахъ пограничныхъ съ Москвой, и разскажутъ Князю Димитрію, что врагъ его въ связи съ Рязанцами, а боялся-то я больше одного глаза пронырливаго Елеськи.

„Мнѣ хотѣлось тебя увѣрить болѣе въ предательствѣ Князя Олега, поставивши самовидцемъ ихъ злоумышленій, и успѣлъ; ты догадался ужъ я думаю, что слухъ о подступленіи Димитрія съ войсками подъ Рязань былъ ложный: предусмотрѣвъ пылкость твою отъ принужденія пить насильно изъ смертной чаши, которую тебѣ подно-

силъ Олегъ, и гнѣвъ его за отказъ, съ которымъ ты отвергнулъ ее, я началъ кричать въ страхѣ: „Димитрій подъ Рязанью — увѣдомьте Князя!“ Изумленные стражи подхватили мой кликъ, отъ отъ одного перешло къ другому и вдругъ всѣ завопили и это только спасло тебя, ты самъ видѣлъ.

„Дожидаясь тебя скоро бѣгущаго встрѣчать Князя своего, я изъ окна будки кричалъ тебѣ, куда бѣжать, напередъ упредивъ твоего стремяннаго быть готовымъ у заднихъ воротъ дворца, свиту твою, спѣшившую также посмотрѣть шествіе земляковъ своихъ, я такимъ-же образомъ извѣстилъ и думаю, что они выберутся въ другія лазейки, а не на большую дорогу выкажутся, чтобъ устлать ее трупами своими.

„Я забылъ тебѣ сказать, что преданные мнѣ бывшіе разбойники, а теперь храбрые воины, ожидаютъ меня на томъ-же мѣстѣ, гдѣ я ихъ оставилъ до увѣдомленія о себѣ—теперь только заѣду за ними и распорядившись, пущусь — знаю куда; мы еще сойдемся, прощай-же. Если будетъ нужно, замолви словечко обо мнѣ у Князя—или нѣтъ, нѣтъ, прошу тебя смолчи лучше, я самъ скоро выкажусь ему и всѣмъ въ другомъ видѣ“.

Крѣпко обнялись Владиміръ со Всеславомъ. — „Поспѣшай!“ прибавилъ онъ: „въ Москву, Князь давно ужъ приготовляется принимать гостей, да еще постерегись, чтобъ какъ-нибудь не вышло наружу мѣсто укрытія моей Елены.—Прощай — скоро мы поздороваемся!“ и не дослушавъ благо-

дарности Всеслава, онъ разстался съ нимъ, указавъ въ какой сторонѣ большая дорога.

Не прошло часа послѣ ихъ разставанья, Всеславъ, ѣхавши все пролѣсомъ, ужъ не опасался болѣе погони и выѣхалъ на большую дорогу; сперва онъ раздумался, бывъ сильно тронутъ разсказами охранителя своего и ѣхалъ тихо, но мысль, просвѣтлѣвшая въ душѣ его объ ожидающей Маріи, вдругъ окрылила его — и онъ помчался.

По краямъ черныхъ тучъ скользили закатные лучи солнца и прелестно картинили природу, отбрасываясь на древесные пни, облѣпленные мохомъ, освѣщали ихъ и представляли бронзовыми; даль лѣса, протягивающаяся предъ нимъ безграничной панорамой, открывала величавыя колонны строёныхъ сосенъ. Долго было тихо, но вдругъ лиственные своды перешепнулись съ вѣтромъ, весь лѣсъ вздрогнулъ отъ вѣтра и посыпался ревущій дождь; волны Оки, язвимыя молніею, блистательно отражали огненные очерки ея, разсѣкающія тучи, глухо раскатывался громъ дальній—и Всеславъ невольно остановился оглядѣться, куда-бы приткнуть отъ страшной грозы — конь его фыркалъ и трясъ головою, закусивъ удила—къ счастію сквозь мелкій кустарникъ разглядѣлъ онъ небольшую хижинку, подъѣхалъ тотчасъ туда и увидалъ нѣсколько осѣдланныхъ лошадей, привязанныхъ къ забору, примыкающему къ хижинѣ. Враги это или друзья, все равно, необходимость заставляетъ прибѣгать ко всякой крайности.

„А, насилу-то мы, или ты самъ нашелъ насъ!“

закричали на встрѣчу Всеславу голоса людей, сидѣвшихъ около стола за полдникомъ — въ которыхъ онъ узналъ свою свиту.

— Слава Богу, что такъ случилось! — вскричалъ обрадованный Всеславъ и началъ ихъ распрашивать, какъ они достигли сюда?

„Мы обходомъ, а не прямикомъ“ отвѣчали они: „добрались сюда; насъ вразумилъ какой-то прикрытый человѣкъ, что нездорово для нашей жизни оставаться въ гнѣздѣ измѣнниковъ, или укатывать отъ нихъ по прямой стезѣ!“ Всеславъ разсказалъ имъ и о себѣ — отдохнулъ въ семъ постояломъ дворѣ, укрѣпился пищею и не смотря на темную ночь, только переждавъ дождикъ, пустились всѣ въ путь — въ Москвѣ.

ГЛАВА V.

Собраніе всѣхъ Князей Россійскихъ (выключая Олега) въ Москву. Димитрій отправляется въ обитель Св. Сергія, благословеніе его. Воинство выступаетъ въ походъ. Печальная процессія провожанія. Явленіе Ханскаго Посла въ Коломнѣ предъ Димитрія. Отверженіе условій его.

Въ Кремлѣ сіяютъ древни храмы;
Курятся въ жертву фаміамы.

Ш—кій.

Что за шумъ, что за движеніе неумолкаемое между Москвитянами?—Народъ затопилъ Кремль, отзывно и громко раздаются восклицанія его, какъ звукъ набатнаго колокола!—Кого привѣтствуютъ они такъ радостно? братій земляковъ и вѣрныхъ сотоварищей своихъ!

Князья: Ростовскій, Бѣлозерскій, Ярославскій съ своими слугами, бояре: Владимірскій, Суздальскій, Переяславскій, Костромской, Муромскій, Дмитровскій, Можайскій, Углицкій, Звенигородскій, Серпуховскій съ дѣтьми боярскими составляли полки многочисленные и одни за другими

плавно входили въ ворота Кремлевскія, крестясь на храмы соборные; одни Новгородцы прислали 40 тысячъ войска. Съ какимъ восхищеніемъ зависѣлъ Димитрій изъ оконъ высокаго терема своего шествіе соревнователей славы своей! Съ какимъ восторгомъ выступала храбрая дружина Московская подъ предводительствомъ его, срѣтать дружныхъ пришлецовъ! Какъ дѣти одного семейства, одной матери — Россіи, сдвинулись ряды всѣхъ воиновъ въ одну толпу, перемѣшались — и сомкнулись объятіями и устами подъ говоромъ радостныхъ кликовъ народа!

Какими ненаглядными взорами вперялась оживленная Марія на своего Всеслава,—восхищенная его прибытіемъ!—Какимъ ненасытимымъ ласкамъ предавались любовники послѣ разлуки грозной, для нихъ казавшейся вѣчною—чувства любви не требуютъ словъ, они въ безмолвіи любуются сами собою! Свѣтлыя минуты общей радости сильно посумрачились, когда Всеславъ, явясь предъ Димитрія и отдавая ему отчетъ въ посольствѣ своемъ, при всѣхъ собравшихся у него Князьяхъ донесъ, что Олегъ Рязанскій измѣнилъ отечеству и передался врагамъ; онъ высказалъ подробно всѣ происшествія, видѣнныя и слышанныя имъ во время пребыванія его въ Рязани, изъ скромности не упоминая только объ опасностяхъ, имъ претерпѣнныхъ. Чувствительно было Димитрію и всѣмъ Князьямъ снести вѣсть такую разительную, о комъ-же? о собратѣ храбромъ и разумномъ, на котораго они много надѣялись. Димитрій, помолчавъ нѣсколько, сказалъ съ горестію, со-

жалѣя не о помощи его, но о немъ самомъ: *вѣрно Олегъ хочетъ быть новымъ Святополкомъ!* 32).

Послѣ нѣсколько-дневнаго отдыха пришельцевъ Димитрій, какъ главный вождь всѣхъ совокупившихся дружинъ, принялся устроивать полки; — заблистали мечи и бердыши, выкатались самострѣлы и зазвучали трубы призывныя; съ каждымъ днемъ добавлялись воины новоприходившими; — услышавъ давно неслыханную трубу воинскую, встрепыгалось ревніемъ сильнымъ сердце каждаго Русскаго; толпами приходили граждане, и примыкались къ полкамъ; составилась рать многочисленная и красиво выстроилась предъ любующимися очами вождей своихъ!

Рядъ келій, темный переходъ,
Часовня у святыхъ воротъ
Съ чудотворящею иконой,
И подлѣ ключъ воды студеной
Журчитъ цѣлительной струей
Подъ тѣнью липы вѣковой.

Козловъ.

Подъ густыми навѣсами высокихъ елей и сосенъ укромно стояла низенькая деревянная церковь во имя Св. Троицы; это была смиренная обитель Преподобнаго отца Сергія, мужа кроткаго и знаменитаго добродѣтелями уже въ тогдашнее время; ее задвигали со всѣхъ сторонъ высокія стѣны лѣсовъ дѣвственныхъ, непроницаемыхъ ни для кого, кромѣ братіи его, поселившейся въ нѣдра ихъ для посвященія всей жизни своей

посту и молитвѣ, ожидая конца тихаго на лонѣ уединенія подъ попечительною сѣнію Игумена Радонежскаго, настоятеля, благочестиваго Св. Сергія.

Солнце, перейдя полнеба, вскатилось уже на самую середину его, означая полдень, когда два инока сей обители вышли послѣ обѣдни побродить по окрестностямъ жилищъ своихъ; лица ихъ были задумчивы, но глаза блистали какимъ то вдохновеннымъ сіяніемъ. „Братъ Александръ!“ сказалъ одинъ другому, „душу мою, наполненную однимъ благовѣніемъ къ Существу чистѣйшему; спокойному какъ сіе царство тишины нашей обители, сильно возмутилъ ты сильными словами своими“.

— Братъ Ослябя, — отвѣчалъ Александръ — повѣрь мнѣ, посвятивъ душу Богу, жизнь и тѣло наше принадлежитъ Отечеству. Не все ли равно умереть годомъ или двумя прежде? Не одна ли смерть закроетъ глаза наши здѣсь, или тамъ — на полѣ битвы? Что нужды, ежели мечъ разрушитъ члены мои прежде, нежели земля сырая разложитъ ихъ. Исповѣдую въ сердцѣ единаго Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, горячо любя родину и присягнувъ въ вѣрности Князю, готовъ я безтрепетно обагрить кровію своею остріе вражеское и страдальчески оросить ею то поле, на которомъ прострется трупъ мой!

„Еще сильнѣй задвигалъ ты душу мою, любезный Пересвѣтъ!“ сказалъ Ослябя. „Кто вразумилъ тебя такъ красно глаголать? — Кто?...“

— Тотъ, — началъ опять Александръ, взглянувъ благоговѣйно на небо, — Кто зажегъ во мнѣ сердце биться жизнію, Тотъ, Кто указываетъ оттуда добродѣтельнымъ отверстыя объятія Свои, — какъ пристань отдохновенія отъ дней бурныхъ.

„Съ умиленіемъ внимаю я священнымъ словамъ твоимъ!“ тихо произнесъ Ослябя. „Ты мужъ опытнѣе меня, ты былъ уже *витяземъ* 33) храбрымъ и мужество еще не остыло въ тебѣ!“

— Святой старецъ, Игуменъ нашъ—продолжалъ Александръ—самъ говорилъ недавно, слыша о наступающей близкой войнѣ: *Блаженны, иже положатъ животъ свой за отечество, имъ искупятъ они себѣ славу земную и блаженство вѣчное, ожидающее ихъ на небеси.*

„Довольно!“ вскричалъ растроганный Ослябя, крѣпко сжавъ Александра въ объятіяхъ своихъ: „я твой! — Богу и отечеству принадлежу я — со времени вступленія твоего въ нашу братію всегда былъ ты другомъ и руководителемъ моимъ—научалъ собственнымъ примѣромъ сносить безропотно вереги иноческой жизни, ты, жившій прежде у свѣта въ полнотѣ изобилія, далъ мнѣ извѣдать, что бывши терпѣливымъ, привыкнешь ко всему и даже будешь легко и необходимо исполнять святыя заповѣди, начертанныя премудростію Божіею. Пойдемъ же припадемъ къ стопамъ Сергія и выскажемъ наше ревностное желаніе подвизаться на полѣ брани за край родимый—и онъ благословитъ насъ!“

— Миръ вамъ и желанію вашему! — произнесъ вдругъ явившійся Сергій, осѣняя ихъ крестнымъ знаменіемъ руки своей, и изумленные иноки, взглянувъ на святаго старца, озареннаго какимъ-то кроткимъ, но выразительнымъ огнемъ, пали благоговѣйно къ стопамъ его!

Послѣднія жары наступившаго послѣдняго лѣтняго мѣсяца жарко раскаляли природа, разслабленную зноемъ; — золотые колосья спѣлой жатвы перевѣшивали головки свои, полныя зернами, въ установленныхъ по полю снопахъ,— лѣнивый вѣтерокъ изрѣдка струилъ переливчатыми волнами яроваго; солнце, какъ я уже выше сказалъ, вступивъ на полдень, лило нестерпимый пламень лучами на разогрѣтую землю—въ это время Великій Князь Димитрій съ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ и со всѣми Князьями и Воеводами подъѣхали къ скромному жилищу Св. Сергія, дабы принять онъ него благословеніе, и просить чрезъ молитвы его быть заступникомъ у Милосердаго Творца предъ наступающимъ временемъ битвы рѣшительной.

Не доѣзжая нѣсколько до уединенной обители его, Димитрій остановился со всѣми на *красной горкѣ* 34) и послалъ Всеслава узнать, можетъ ли Св. старецъ принять его? Лишь только Всеславъ достигъ ограды церковной, и хотѣлъ постучаться въ ворота—они отворились и глазамъ его представился почтенный Игуменъ во всемъ облаченіи, держа въ одной рукѣ животворящій крестъ, а въ другой кадило, и когда Всеславъ поклонился низко и хотѣлъ начать вопросъ свой,

Св. Сергій предупредилъ его произнеся: „Иди и скажи князю, что давно ожидаю его и приготовился срѣтать!“

Князь и Воеводы, услышавъ приглашеніе и давнее ожиданіе его, удивились, почему онъ предузналъ ихъ намѣреніе посѣтить его, и соскочивъ съ лошадей, отправились къ нему пѣшіе и съ обнаженными головами. — „Благословляю пришествіе ваше, храбрые защитники отечества!“ привѣтствовалъ ихъ навстрѣчу Св. Сергій. Князь и Воеводы и вся свита приложилась благоговѣйно къ вынесеннымъ иконамъ и получа благословеніе отъ Настоятеля, пошли за нимъ въ его келью, гдѣ онъ упросилъ ихъ остаться у него трапезовать—на что всѣ охотно согласились.

Веселъ и привѣтливъ былъ хозяинъ съ гостями своими и хотя пища монастырская была скудна и умѣренна, но онъ такъ украсилъ ее дружескимъ и радушнымъ обхожденіемъ своимъ, что никто не запомнилъ, когда бы такъ пріятно обѣдалъ.

Трапеза кончилась скоро, но бесѣда о начинающемся дѣлѣ была продолжительна. Св. Сергій поддерживалъ этотъ разговоръ и такъ краснорѣчиво поощрялъ героевъ на подвиги бранные, что заискрилъ въ мужественныхъ душахъ ихъ еще болѣе мужества и отважнаго рвенія скорѣй стремиться на смерть или славу.

Наконецъ время невидимо начало уже склоняться къ вечеру и гости стали прощаться съ хозяиномъ. Когда всѣ поднялись съ мѣстъ, Св. Сергій началъ молиться, читая молитвы вслухъ, и всѣ за нимъ повторяли ихъ, принося Всевыш

нему чистѣйшій фиміамъ души своей. По окончаніи сего, онъ обратилъ горѣ вдохновенные взоры свои—и наступило почтительное молчаніе къ его дѣйствію, къ сей святой бесѣдѣ его съ Небомъ; немного погодя онъ взглянулъ на нихъ кротко и величественно и сказалъ Димитрію пророческимъ гласомъ: *Много прольется крови Христіанской—но побѣда останется за дружиной Русской; много падетъ героевъ православныхъ—но тебя сохранитъ десница Всевышняго.*

Когда всѣ внимавшіе ему съ умиленіемъ, по окончаніи сей краткой рѣчи его, начали собираться въ возвратный путь, онъ подвелъ къ нимъ двухъ иноковъ своихъ, Александра-Пересвѣта и Ослябя и вручивъ симъ знаменіе креста на схимахъ сказалъ: „примите оружіе нетлѣнное, пусть служитъ оно вамъ вмѣсто шлемовъ и кольчугъ!“ Послѣ поручивъ ихъ Димитрію, какъ вѣрныхъ сподвижниковъ бранныхъ, благословилъ всѣхъ, окропилъ святой водой и проводилъ растроганныхъ до ограды монастырской съ словами: „ступайте съ миромъ, да будетъ надъ вами небесная благодать Его!“

Утро было тихое и ясное и казалось счастливымъ предзнаменованіемъ для Русскаго войска, собравшагося на Кремлевской площади выступать въ походъ. Какъ пламенно развивались багряныя знамена зари! Солнце, отсвѣчиваясь на пурпурномъ Востокѣ и сперва проливая по немногу янтарные лучи свои, вдругъ вспыхнуло лучезарно, охватило торжественнымъ блескомъ

IRREGULAR PAGINATION

своимъ обрадованную природу и заискрилось тысячью огнями на свѣтломъ вооруженіи воиновъ. Димитрій, помолясь надъ прахомъ предмѣстниковъ своихъ въ церкви Михаила Архангела, явился къ войску и народу какъ другое солнце, сопровождаемыя духовенствомъ и иконами чудотворными. Послѣ молебна колѣнопреклоннаго, вдругъ разлился громкій звонъ съ соборныхъ колоколенъ — и процессія тронулась. Обнявъ и утѣшая нѣжную супругу свою, Димитрій сѣлъ на коня, съ словами: „Богъ нашъ заступникъ!“ Полки съ распущенными знаменами выступали изъ Кремля въ ворота Флоровскія, Никольскія и Константино-Еленскія, народъ провожалъ ихъ съ умиленіемъ, смотря на отшествіе братій своихъ, не знавшихъ еще: кто донесетъ изъ нихъ на родину кости свои и кто ляжетъ ими въ странѣ далекой — не своей.

Женщины плакали навзрыдъ, — мущины же блистали взорами, въ коихъ отражалась отвага огненная. Марія, тоскующая Марія, опять увлажила почти вылаканные уже глаза свои, слезами прощальными, когда увидѣла грозный шишакъ на головѣ своего любезнаго. — „Увидимся ли мы, безцѣнный мой?“ произносила она горестно, вглядываясь въ послѣдній разъ въ Всеслава, и онъ, не зная что сказать, молча уловилъ поцѣлуемъ канувшую слезу ее и прижавъ къ груди своей подругу милую, пустился съ Ѳеодоромъ и Александромъ, не славу стяжать безсмертную, но выкупать жизнію и кровію, жизнь и кровь со-

братій, и уже далеко отъ нее вздохнулъ онъ тягостно подъ душнымъ забраломъ съ товарищами своими, которые сами оставляли за собой все милое. Долго неслись мольбы разстроганнаго народа вслѣдъ за воинствомъ; долго стояла опечаленная Марія съ поникшею головою, — наконецъ блистаніе копій и бердышей удаляющейся рати погасло въ дальнихъ облакахъ пыли, какъ вспыхнувшее пламя въ дыму, и столица многолюдная вдругъ опустѣла и замолкла какъ могила. Въ Москвѣ остался воеводою Ѳеодоръ Андреевичъ блюсти ее и семейство Княжеское.

Съ поспѣшностію подвинулась храбрая дружина наша къ Коломнѣ; тутъ встрѣтили его два богатыря, предводительствуя сильною ратью; подъѣхавъ къ Великому Князю, они склонили предъ нимъ копья, открыли забрала и онъ обнялъ ихъ нѣжно. Это были вѣрные ему сыновья *Ольгердовы*, Андрей и Димитрій, съ дружиною Полоцкою и Брянскою, которые тотчасъ и присоединились къ общему войску. Великій Князь захотѣлъ осмотрѣть его пристальнѣе, и несмѣтное число воиновъ развернулось рядами предъ любующимися взорами его!

Россія и до владычества Татаръ не могла выставить такой многочисленной силы, какую увидѣлъ предъ собой Димитрій, выѣхавъ въ обширное поле: болѣе 150 тысячъ выстроилось конныхъ и пѣшихъ предъ нимъ, и потому еще съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ онъ на блистательное войско свое, едва обводя его усталыми взорами

по множеству полковъ, что оно было собрано— силою слова его.

Три дня уже отдыхала въ Коломнѣ вся дружина Русская и когда подкрѣпивъ силы свои еще болѣе, хотѣла двинуться далѣе, вдругъ явился къ ней ханскій посолъ, требуя дозволенія переговорить съ Димитріемъ.

Димитрій собралъ совѣтъ изъ всѣхъ Князей и Воеводъ и велѣлъ впустить его въ ставку свою. „Привѣтствуя тебя, вождь вождей Россійскихъ, со всѣми храбрыми Князьями и Воеводами твоими!“ гордо сказалъ Татаринъ, вошедъ въ ставку. „Верховный повелитель мой и вашъ, Мамай, былъ увѣдомленъ о непріязненныхъ дѣйствіяхъ вашихъ противъ его особы, въ жару негодованія быстро набралъ рать несчетную, совокупивши всю Орду и быстро подошелъ уже къ Дону, гдѣ ожидаетъ теперь, что вы одумаетесь и собравъ скорѣе дань повинную, положите ее рукою смиренною къ стопамъ его“!

— Говорю тебѣ устами всѣхъ Князей,—отвѣчалъ Димитрій — что согласенъ послать Хану твоему дань, но умѣренную, такую же, какую получалъ *Чанибекъ* *) по прежнимъ условіямъ, заключеннымъ съ моими предками; но платить излишнюю, удовлетворяя корыстолюбивому тиранству—не хочу—и это я исполняю щадя не свою кровь, но подданныхъ моихъ.

---

*) Ханъ, царствовавшій гораздо прежде Мамая.

„Напередъ возвѣщаю тебѣ“ возразилъ Татаринъ: „что Мамай не согласится принимать условій примиренія отъ тѣхъ, кому онъ долженъ полагать ихъ. Страшитесь раздражать праведный гнѣвъ его!“ продолжалъ Татаринъ: „дабы не испытать раскаянія поздняго“.

— Удались! — прервалъ его Димитрій вспыхнувъ: — чтобъ я не забылъ о правахъ посольства и не велѣлъ бы тебя кинуть въ средину воиновъ моихъ, слишкомъ уже ожесточенныхъ вами; когда бъ ты попалъ на раздирку копій ихъ какъ лягушка въ муравейникъ, то извѣдалъ бы что донести высокомѣрному палачу—Хану своему!

„Прощай же!“ произнесъ значительно Татаринъ, глядя съ коварной усмѣшкою на Князей: „желаю, чтобъ мое предвѣщаніе не сбылось: видѣть васъ съ остатками разбитой дружины прикованными къ блистательной колесницѣ побѣдителя и влачащимися какъ“...

— Раздерите дерзкій языкъ его по ниточкѣ! выметемъ трупомъ его ставки наши! — раскрошимте его черепъ мельче зубовъ!—развались со всѣхъ сторонъ грозные крики раздраженныхъ Россіянъ и вѣрно бы дерзкаго посла раздѣлили на кусочки, еслибъ самъ Димитрій не заслонилъ его собою и не вывелъ поблѣднѣвшаго отъ страха за самую цѣпь сторожевую, гдѣ отпуская его сказалъ ему: „оставляю тебѣ жизнь, чтобъ ты былъ свидѣтелемъ, какъ дерутся наемщики, питая въ себѣ жажду грабительства — и какъ обороняются истинные сыны отечества. Скажи жъ сво-

ему Хану отвѣтъ, данный тебѣ въ сію минуту, если испугъ не заткнулъ ушей твоихъ".

Всѣ видѣли, что приходилось рѣшить дѣло мечемъ и на другой же день, 20-го Августа, все воинство, принявъ благословеніе отъ Коломенскаго Епископа Герасима, двинулось къ устью рѣки Лопасни, а 26 числа переправилось за Оку и вступило въ землю Рязанскую; на другой же день и самъ Димитрій съ дворомъ Княжескимъ послѣдовалъ за нимъ.

ГЛАВА VI.

Мамаевъ лагерь, Темиръ-Мурза. Бѣшенство Мамая при возвращеніи посла. Страхъ и отчаяніе Олега. Присоединеніе къ Русской дружинѣ новыхъ союзниковъ. Письмо Св. Сергія къ Димитрію и посылка его. Переправа чрезъ Донъ. Распоряженье полковъ къ битвѣ.

Мамай скоро набравъ войско изъ Татаръ, Половцевъ Хоразскихъ Турокъ, Черкесовъ, Ясовъ, Кавказскихъ Жидовъ, Армянъ и Крымскихъ Генуезцевъ, заключивъ союзъ съ Ягайломъ Литовскимъ и посовѣтовавшись съ Князьями Ордынскими, торжественно объявилъ имъ, что идетъ войною на Россію по древнимъ слѣдамъ Батыя истребить, говоря свирѣпо: „казнимъ рабовъ строптивыхъ, да будутъ пеплами грады ихъ, веси и церкви Христіанскія, обогатимся Русскимъ золотомъ, напоимъ булатъ свой кровью дерзостныхъ и дадимъ смерти такой пиръ, что содрогнется потомство ихъ, воспоминая о кичливыхъ, и вострепещетъ когда-либо заносить руку крамольную на сильныхъ и карающихъ побѣдителей своихъ!“

Раскинувшись въ широкой палаткѣ съ раззолоченными каймами и пышными кистями, на роскошномъ коврѣ цареградскомъ, сидѣлъ Мамай, ожидая возвращенія посла своего и Ягайлы Литовскаго съ его войскомъ дабы присоединить его къ своему.

Три недѣли стоялъ уже онъ за Дономъ; несмѣтное войско окружало его, гордыми взорами обводилъ онъ издали силу свою. Голову его поддерживала хитроткапная подушка, у ногъ въ раболѣпномъ положеніи стоялъ Абдрахманъ и другіе военачальники,—вмѣсто двери у палатки, наравнѣ съ нею ростомъ, то подпирая ее плечемъ, то шагая взадъ и впередъ и тѣшась метаніемъ тяжелаго копья, ловя его на лету и съ разу вбивая въ землю сокрушительной рукой своей, сторожилъ опую Темиръ-Мурза, богатырь Печенѣжскій.—Курчавые и всклоченные волосы, его какъ шерсть гіенны, навислыя на глаза широкія, черныя брови, смуглое чело, яркій отпечатокъ души его, звѣрскій видъ, басистое и невнятное мурлыканье какой-то пѣсни, представляли въ немъ живое изображеніе съ голоду рыкающаго вепря.

Кромѣ ужаснаго его голоса, прорывавшагося порой изъ огромныхъ челюстей, какъ нечаянно встрепенувшійся ураганъ бури—все было тихо: вдругъ явился давно ожиданный посолъ и преклонивъ предъ Ханомъ колѣно, разсказалъ ему неуспѣхъ своего посольства, не утая ничего.

Грозно и дико засверкалъ Мамай въ иступленіи молніями взоровъ своихъ, выслушавъ разсказъ посла. „Вотъ я ихъ шевельну, вотъ я ихъ давну!“

раскатился онъ страшнымъ голосомъ, сильно сжимая обѣими руками ножны меча своего, стиснувъ зубы и привставъ съ ложа. „Темиръ!“ произнесъ онъ помолчавъ немного: „смотри, теперь наступаетъ жатва оружію твоему, вырывай съ корнями негодную траву!“

— Я начну ихъ душить и безъ оружія, какъ ребятишекъ, стричь мечемъ своимъ ихъ головы, какъ волосы!—отвѣчалъ Темиръ, отъ злобной радости захохотавъ какъ залаявъ, искрививъ зѣвъ свой.—Я накладу такую груду тѣлъ ихъ сказалъ Абдрахманъ, — что ставъ на нихъ разсмотрю Москву съ поля битвы, и перечту всѣ храмы терема ея.—„Завалимъ ихъ трупами крутоярый Донъ, подкатимъ ихъ подъ Москву какъ бревны, подтопимъ ими столицу ихъ и послѣ зальемъ дымящіяся головни ихъ же кровію!“ произнесъ ожесточенно Мамай: „только пощадимъ стараго Имана *) ихъ *Алексѣя*. Онъ мудрецъ и пригодится намъ.“

— А то всѣхъ наповалъ!—подхватили дружно военачальники звучно чокнувшись копьями своими.

„Живѣй же!“ вскричалъ Мамай; „двиньмтесь, нагряните и разсѣйте этотъ сбродъ. Олегъ нашъ, а Княжество его ключъ къ Москвѣ горделивой!“ Тотчасъ слухъ о походѣ разлился по всему стану Татаръ и несчетныя толцы ихъ, какъ тучи саранчи,

*) Попъ,

понеслись на мирныя поля Русскія опустошать ихъ и затоплять кровію гражданъ ея!

Не отчизны избавитель,
Будешь хищникъ и грабитель,
Будешь ужасомъ молвы,
И потомства предъ очами,
Смытый кровью и слезами
Лавръ надетъ съ твоей главы.

Колачевской.

„Нѣтъ, это уже не ложное извѣстіе!“ произнесъ въ страхѣ Епифанъ Корсевъ, вбѣжавъ въ дворецъ своего Князя: „глядатые наши на пограничной межѣ съ землею Московскою сами видѣли переправу Димитрія съ силой великою за Оку; спѣши, Князь, собрать своихъ воиновъ и отступить къ союзникамъ!“

— „Экъ ты съ испугу глаза-то какъ расширилъ!—отвѣчалъ покойно и разстановисто Олегъ, прихлебывая изъ большаго бокала вино, какъ будто вытаскивая изъ него каждое слово!—Онъ, я думаю, теперь ужь на полдорогѣ къ Новгороду—бѣжитъ безъ оглядки.

„Князь!“ вскричалъ Иларіонъ, другой Бояринъ его, также вбѣжавъ въ пріемную его гридню: „Димитрій за Окой; повели скорѣй готовиться къ походу!“

— Всѣ вы разбѣсились, какъ это вино,— продолжалъ также равнодушно отвѣчать Олегъ, показывая на бокалъ свой—ишь ему неймется, тѣсно въ сосудѣ-то, хочется разгулья свободнаго!

„Князь, Князь!“ раздалось со всѣхъ сторонъ: „бѣги пока есть время, народъ, толпами бѣжитъ предъ воинами Димитрія, какъ робкое стадо зайцевъ!“

Быстро вскочилъ Олегъ съ своего мѣста, подошелъ къ окну и поблѣднѣлъ. Въ самомъ дѣлѣ подданные его предъ глазами его кучами роились на площади и отовсюду разносились восклицанія: Димитрій не далеко, онъ мститель, укроемтесь, поспѣшимте! Послѣ послышался ропотъ народа на Князя своего, завлекшаго ихъ на опасность и безславіе.

„Гонцовъ, гонцовъ! живѣй пустить ихъ къ Мамаю и Ягайлѣ, просить, чтобы подвинулись они ко мнѣ немедля, чтобъ не выдали меня беззащитнаго! — Да чтожъ ты уставился на меня какъ мѣсяцъ на воду?“ кричалъ въ сердцахъ Олегъ на Епифана, обомлѣвшаго отъ внезапной его перемѣны. — „Чтобъ летѣли они какъ на облакѣ а не то я въ догонку пошлю стрѣлы. Экъ они насъ прикрыли!“ продолжалъ онъ бѣгая, одинъ взадъ и впередъ по терему. „Авось Ягайло-то подкатится, онъ ужь близь Одоева, а если нѣтъ, передамся землякамъ! Принести имъ голову повинную... опять нельзя—тѣ нахлынутъ, что я надѣлалъ?... такъ и быть, начну скакать изъ мѣста въ мѣсто, обгляжу самъ къ кому прильнуть—и отъ кого бѣжать. „Эй!“ закричалъ онъ опять, — Явились гридни. Отгоните плѣтьми отъ оконъ моихъ народъ; что онъ: дразнить или смѣяться

пришелъ надо мной? ишь вонзили въ меня упрекательные глаза какъ кинжалы, обливайте ихъ кипяткомъ, смолой!“ кричалъ онъ неистово, отвертываясь отъ окна и вгнѣвно топая ногами.— Гридни ушли, взглянувъ сожалительно на своего Князя, почтя его помѣшавшимся. „Мечты-тираны, совѣсть-змѣя, продолжалъ онъ не удушите меня, лучше я самъ себя удушу!“ и глаза его заблистали дико и лицо вспыхнуло и отразило зарево душевнаго пожара.

— Князь!—сказалъ возвратившійся Епифанъ— гонцы разосланы, — но позаботься получше о себѣ, вѣдь я думаю Димитрій-то летитъ прямо къ намъ въ гости—коль хочешь мириться съ нимъ, такъ оставайся лобызать десницу старшаго брата, можетъ онъ и помилуетъ тебя, но Ханъ ужъ не помилуетъ твоего Княжества... что до меня, такъ...

„Какъ! ты оставляешь своего Князя, подлый трусъ, льстивый рабъ!“ прервалъ его грозно Олегъ: „прежде я отшвырну твою голову, а тамъ и бѣги за ней!“

— Вѣдь спасая особу твою и глядя на тебя, я трушу Князь; за что же ты обижаешь подозрѣніями и угрозами вѣрнаго раба своего?—произнесъ робко Епифанъ—во всякомъ случаѣ я готовъ за тебя...

„Спрятаться!“ прервалъ его Олегъ: „вѣрю, это я давно знаю—ты...“

— Чу! что-то я слышу—прервалъ его въ свою очередь Епифанъ,

— Велижь осѣдлать мнѣ лошадь, самую быструю, ту, которую подарилъ мнѣ Абдрахманъ, да нѣтъ, долго ждать—вели такъ подвести ее,—ступай же собирайся, побѣжимъ!—восклицалъ испуганный Олегъ и не вытерпя дожидаться бросился въ двери и побѣжалъ самъ готовиться къ бѣгству отъ Димитрія такъ поспѣшно, что немногіе изъ свиты успѣвали настигать его и наскоро собранная дружина его неохотно отправились за нимъ, оставя городъ и народъ въ унынiи.

Между тѣмъ Димитрій съ войскомъ своимъ приближился 6 Сентября къ Дону и оставался въ раздумьѣ: идти ли ему далѣе, или остаться тутъ въ ожиданіи Монголовъ? Собрался совѣтъ; но всѣ были мнѣнія разнаго, одни сыновья Ольгерда настаивали, что надобно пробраться на ту сторону Дона; ибо черезъ это не допустятъ они Мамая соединиться съ Ягайлой и удержатъ рѣкою бѣглыхъ. Долго продолжался споръ нерѣшительный, вдругъ является въ лагерь Русской дружины монахъ и требуетъ свиданія съ Димитріемъ; его препроводили къ нему и онъ подалъ Князю писаніе отъ Сергія, Игумена Родонежскаго и *просфору*.

— Не теряй времени драгоцѣннаго писалъ къ ,,нему Игуменъ:—не охлаждай рвенія отважнаго, ,,не посели въ душахъ враговъ своихъ чувства ,,гордости отъ помышленія, будто ты рабѣешь ,,первый на нихъ, перешагни Донъ широкій, не ,,дай сблизиться союзникамъ, доверши славнымъ

„концомъ славно начатое, помолись Богу мило-
„сердому и грянь на враговъ нечестивыхъ! Да
„будетъ надъ вами благословеніе Его всеохраняю-
щее!“ Одушевленное письмомъ мужа праведнаго, все воинство закипѣло нетерпѣніемъ сразиться; тутъ же разнесся слухъ, что и Мамай подходитъ къ Дону. Выступивъ къ собравшимся Князьямъ и Воеводамъ, Димитрій возгласилъ, держа въ рукахъ письмо сіе „*часъ суда Божія наступаетъ!* 7-го Сентября войско двинулось и отыскавъ удобную переправу, перешло черезъ Донъ благополучно; конница перебралась въ бродъ, а для пѣхоты навели мосты—и воддрузили знамена свои на берегахъ *Непрядвы*.

Тутъ показались передъ ними Татарскіе наѣздники, старавшіеся сдѣлать помѣху въ переправѣ; но поздно: дружина Русская въ добромъ порядкѣ готова была отразить всякое нападеніе, что она и сдѣлала; легкіе отряды, отдѣлившіеся отъ нея, отправились на встрѣчу набѣжникамъ, которыхъ и отогнали тотчасъ къ ихъ цѣпи, протянутой не далеко отъ Русской.

Немедля принялся Димитрій устроивать полки свои: въ средину поставилъ онъ Князей Литовскихъ, Андрея и Димитрія, Ѳедора Романовича Бѣлозерскаго и Боярина Николая Васильевича, въ собственный же свой полкъ Великокняжескій, Бояръ: Іоанна Ларіоновича Квашню, Михаила Брянскаго и Князя Іоанна Васпльевича Смоленскаго. На правомъ крылѣ находились: Андрей

Ѳеодоровичъ Ростовскій, Бояринъ Стародубскій Михаилъ и Бояринъ Ѳеодоръ Грунка. На лѣвомъ; Князь Василій Васильевичъ Ярославскій, Ѳеодоръ Васильевичъ Моложскій и Бояринъ Левъ Морозовъ. Въ Сторожевомъ полку: Бояринъ Михайло Іоанновичъ, Князь Симеонъ Константиновичъ Оболенскій, братъ его Кпязь Тарусскій и Андрей Серкизъ; а въ засадѣ были оставлены Князь Владиміръ Андревичъ, Димитрій Михайловичъ Волынскій, Романъ Михайловичъ Брянскій, Василій Михайловичъ Кашинскій и сынъ Романа Новосильскаго; устроивъ все такимъ образомъ въ продолженіе почти цѣлаго дня, Димитрій съ прочими Военачальниками невольно склонилъ усталую голову свою на отдохновеніе, а нападеніе отложено было до завтрашняго для съ первымъ явленіемъ солнца.

Солнце потухло и ярко запылалъ костеръ на вражеской сторонѣ, далеко отбрасывался кровавый отблескъ его, но еще дальше проносился шумъ и гамъ пирующихъ Татаръ.—Полно задумываться то, Князь потерпи, до завтра недалеко, да прихлебни винца, въ холодѣ-то его и таится жаръ, который отводитъ всю тоску кручину отъ сердца богатырскаго, согрѣвъ его, а то Ханъ замѣтитъ тобя молчаливаго, такъ и всего надумается, знаешь какъ онъ подозрителенъ?“ говорилъ тихонько полупьяный Епифанъ Олегу, сидящему въ кругу Мамаевыхъ военачальниковъ!—„Ишь нашито молодцы какъ гомозятся, словно ужъ встрѣчаютъ побѣду, а Русачки ужь о сю пору крылы-

шки опустили и не слышать ихъ, только кой-гдѣ жмурится огонекъ, да мелькаетъ брякнувъ уздою бѣлая лошадь, бѣгущая на пойло!“ говорилъ важно Абдрахманъ—и всѣ обратили насмѣшливые взоры на Русскій лагерь.

Но въ это время кротко и смиренно кончали Русскіе вечернія молитвы свои и кончивъ—разлеглись въ походныхъ палаткахъ. Никто изъ нихъ не могъ сомкнуть глазъ, ожидая съ нетерпѣніемъ наступающаго утра.— Великій день проглянетъ намъ завтра!“ произнесъ мечтательно Всеславъ, окружающимъ его Александру и Ѳеодору, вперивъ неподвижные взоры въ темную синеву небесную.

— Да, завтра рѣшится все, погибель или спасеніе нашему Отечеству!“ отвѣчалъ Александръ. „И слава нашему воинству въ обоихъ случаяхъ!“ прибавилъ Ѳедоръ.—„Слава!“ прервалъ его Всеславъ: „это холодное лобзаніе встрѣчается часто ужъ въ могилѣ;—не прославляться хотимъ мы; но спасать родину нашу святую и—Марію!“ прибавилъ онъ тихо, вздохнувъ. „Посмотрите“ продолжалъ онъ: „передъ нами скопляются густыя тучи, взоръ не прорѣжется чрезъ ихъ—а сзади взгляните ка, чѣмъ то небо озаряется, какъ лицо улыбкою!“

Тутъ подошли къ нимъ Пересвѣтъ и Ослябъ, и первый, подслушалъ слова Всеслава, сказалъ:— добрый юноша! я полюбилъ тебя, глядя на откровенное лицо твое, оттѣненное какимъ то милымъ добродушіемъ, я вспоминаю свою молодость

винить ретивое при этой мысли и отуманиваетъ разсудокъ и душу, посвященные Богу. Я самъ любилъ, и схоронилъ любовь свою въ сердцѣ, а себя, въ черной рясѣ — ты любуешься свѣтомъ, который озаряетъ ночное небо сзади насъ — вѣрно тамъ живетъ твоя милая — оттуда простираетъ она къ тебѣ свои объятія, которыя тамъ ждутъ тебя счастливаго, это блестящія крылышки райской надежды, это ея мановеніе, это одинъ изъ лучезарныхъ ризъ Царя вселенной, которую оставляетъ Онъ намъ для утѣшенія, уводя отъ насъ свѣтило души — радость — она проглядываетъ въ душу и разсѣиваетъ мракъ отчаянія, нависнувшій надъ ней!“

„Братъ по душѣ и чувствамъ!“ вскричалъ разстроганный Александръ, обнимая Пересвѣта: «я созвученъ съ тобою жизнію и мечтами, выключая послѣдняго, что еще не избралъ себѣ такой же тихой пристани, которая баюкаетъ тебя теперь!»

— Не даромъ же мы и однофамильны — отвѣчалъ Пересвѣтъ, дружески прижимая его къ сердцу; — повѣрь мнѣ, — продолжалъ онъ — эта пристань постоянна, до нее не касаются волны житейскаго моря, объятія ея всѣмъ отверсты.

«Проводи же меня къ нимъ» — сказалъ Александръ: «я отворю свои и мы сомкнемся неразлучно!»

— Вольна ли, искренна ли просьба твоя? — спросилъ его Пересвѣтъ. — Свѣтла ли душа? черная риза должна надѣваться на тѣхъ, у кого она ярче отсвѣчивается отъ нея.

«Повѣрь Богу, ничто не удерживаетъ меня,

мать, сестра, да я препоручаю ихъ счастіе заботливости сего брата!» — говорилъ спокойно Александръ, указывая на Всеслава.

— Слушайте же, братія — произнесъ важно Пересвѣтъ—вотъ эти четки теперь священнѣе для меня всего на свѣтѣ, потому что онѣ подарены мнѣ священнымъ Игуменомъ нашей обители, онъ заповѣдалъ мнѣ никому не вручать ихъ, кромѣ избраннаго мной брата и то уже предъ близостію смерти моей. Давеча я упросилъ Князя позволить мнѣ вызвать на поединокъ перваго богатыря Ханскаго Темиръ-Мурзу; чувствую, что жизнь моя дотекаетъ. — Когда она погаснетъ, отдайте ихъ Александру, пусть предстанетъ онъ съ ними къ Игумену нашему, онъ благословитъ его на мое мѣсто, а за меня прочтетъ молитву упокойную!

Со слезами слушали его всѣ, а Александръ съ особеннымъ умиленіемъ, глядя то на него, то на небо, кажущееся ему не ночнымъ уже, а утреннимъ.

«Такъ ты братъ нашъ?—сказалъ Ослябъ: «прими же и съ моимъ послѣднимъ вздохомъ вотъ это»— говорилъ онъ, показывая маленькій деревянный крестъ: «онъ выточенъ изъ корня перваго дерева, срубленнаго на постройку нашей церкви— я самъ тоже чувствую, что кончаю земное поприще свое!» Александръ радостно кинулся благодарить его.—Вдругъ пронеслась стрѣла изъ Татарскаго лагеря и воткнулась предъ разговаривавшими.— «Это насъ затрогиваютъ!»—сказалъ Ѳеодоръ вытаскивая ее. «Это повѣстка, что пора

успокоиться!» — произнесъ Пересвѣтъ: «чтобъ завтра съ новыми силами собраться и ударить на нихъ; прощайте!»—продолжалъ онъ: «можетъ быть нынѣ въ предпослѣдній разъ закроемъ мы глаза, а завтра откроемъ, чтобъ другому закрыть, или замкнуть на вѣку свои!»—Всѣ переобнялися и съ чувствами унынія разошлись на отдыхъ; вскорѣ во всемъ лагерѣ распространилась тишина нѣмая, какъ уже гораздо послѣ сраженія.

ГЛАВА VII.

Единоборство Темиръ-Мурзы съ Александромъ Пересвѣтомъ. Битва Куликовская. Побѣда. Возвращеніе въ Москву. Радостная встрѣча побѣдителямъ отъ народа. Панихида въ Лаврѣ за убіенныхъ.

Ничто не ново подъ луною,
Что было, будетъ то во вѣкъ,
И прежде кровь лилась рѣкою
И прежде плакалъ человѣкъ.

Утро незабвеннаго 8 Сентября проглянуло, обволокнутое туманомъ непроглядным, но вскорѣ солнце, пробившись блѣдными лучами сквозь облака, разсѣяло его. Въ 6-мъ часу дня войско Русское въ добромъ порядкѣ тронулось и увидало непріятеля на обширномъ полѣ. Подвинувшись къ нему, но не дойдя совсѣмъ, оно остановилось.—Димитрій взошелъ на высокій холмъ и обратившись къ своимъ воинамъ произнесъ:

«Храбрые сподвижники! взгляните—предъ вами «блистаютъ вражескія оружія, алчущія упиться «нашею кровію, сильна ихъ рать великая, густые «лѣса ихъ копій застилаютъ свѣтило дневное;

«не подумайте, кто остается за вами спротин-
«кою? Это мать наша, отечество беззащитное,
«вспомните, сколько непогодъ вытерпѣло оно
«бѣдное, сколько зла губительнаго перенесло
«оно отъ враговъ притѣснительныхъ, но сколько
«побѣдъ славныхъ отмѣтили вѣка прошедшіе?
«Пробудимтесь же, стряхнемте давно накинутыя
«на насъ цѣпи, любовь къ родинѣ направитъ
«руки наши на головы вражескія; если же судьба
«всемощная захочетъ испытать насъ, еще грозою
«ненастною и попуститъ враговъ лютыхъ внѣд-
«риться опять въ края наши родимые, съ огнемъ
«и мечемъ разрушительнымъ, выдержимте это
«испытаніе послѣднее, но неиначе допустимъ
«его къ сердцу нашей матери, какъ черезъ трупы
«свои, отечество наше жѣтъ насъ—и тамъ!»

Сія краткая, но вдохновительная мужества рѣчь, произвела общій восторгъ и восклицанія: *Боже, даруй побѣду Государю нашему!* Димитрій палъ на колѣна и простеръ руки къ лику Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени Велико Княжескомъ; между тѣмъ вожди обоихъ воиновъ наблюдали одни за другими, Татаръ было несравненно больше Русскихъ; но отважность, блиставшая во взорахъ каждаго изъ сихъ, показывала первенство надъ числомъ тѣхъ.

«Бросимтесь, задавимте ихъ разомъ и рѣшимте тѣмъ сраженіе!»—вскричали нѣкоторые военачальники изъ среды Татарской рати.— Стойте, раздался сзади ихъ голосъ и передъ рядами своихъ показался великанъ Темиръ Мурза на огромной лошади, весь закованный въ латы, шлемъ

и прочее вооруженіе, которое казалось было слиты въ одну нераздѣлимую глыбу желѣза съ нимъ: тяжелый щитъ его былъ закинутъ на плечо до случая защищенія, длинное копье, цѣпью прихваченное къ локтю, служило ему вмѣсто игрушки, потому что онъ повертывалъ имъ порою между пальцевъ своихъ какъ легкой тросточкой, широкій мечъ въ ножнахъ изъ тигровой кожи мотался у него съ боку.

Выѣхавъ впередъ, онъ взглянулъ въ сторону на высокій курганъ, на которомъ стоялъ Мамай приготовясь смотрѣть на сраженіе, сей подалъ ему одобрительный знакъ и онъ придвинулся предъ Русское воинство, ожидая себѣ противника, насмѣшливо измѣряя глазами каждаго. Но противникъ предупредилъ его вызовъ и стоялъ уже предъ нимъ — это былъ Александръ Пересвѣтъ въ черномъ монашескомъ одѣяніи и клобукѣ, безъ шлема и латъ, держа въ рукѣ одно копье, перевитое чотками. Вперивъ благоговѣйный взоръ въ небо, онъ перекрестился, потомъ низко поклонился Князю, на всѣ четыре стороны—и не давъ хорошенько разглядѣть себя врагу, размахнулся на него копьемъ своимъ.

Въ виду обоихъ войскъ, внимательно устремившихъ глаза на единоборцевъ, сразились противники. Мощными руками быстро пущенныя ихъ копья, пронзая воздухъ, втиснулись другъ въ друга и кичливый Мурза покачнулся нѣсколько разъ на лошади своей, въ сильныхъ корчахъ всего тѣла, какъ бы ухватывая остатки жизни грохнулся мертвымъ на землю, которая, прини-

мая трупъ его, издала звукъ, какъ бы стопая отъ тяжести подавленія! Немного погодя выпало копье изъ рукъ Пересвѣта, вслѣдъ за нимъ опустился онъ самъ—и смерть, расширивъ крылья свои, также отяготѣла надъ умирающимъ. Русскіе сожалительно увидали паденіе собрата своего и поднявъ тѣло его, увлекли за ряды воиновъ и тихо провозгласили ему *вѣчную память*, но Татары, пораженные удивленіемъ, смѣшаннымъ съ ужасомъ, что монахъ, вооруженный однимъ копьемъ, сравнялся въ силѣ съ первымъ ихъ наѣздникомъ, испустили дикій крикъ и пробыли нѣсколько времени недвижимы.—Тутъ Великій Князь Димитрій, выступивъ впередъ, началъ порываться на нихъ, но его обступили всѣ Князья и Воеводы, прося убѣдительно, чтобъ онъ пощадилъ жизнь свою, столь необходимую для Отечества, но онъ не смотря на то прочелъ псаломъ: *Богъ намъ прибѣжище и сила*, и первый ударилъ на враговъ и врѣзался въ средину полковъ ихъ, когда битва стала общая.

Мгновенно сблизились два воинства, наступили другъ на друга, перемѣшались между собой, завязалась битва жаркая—и дрогнула вся окрестность! Копья взвивались тучей надъ головами сражающихся, отъ мечей ихъ брызгали искры, самострѣлы пронизывали ряды, и вопли умирающихъ заглушали звукъ оружій!—Въ пространствѣ 10 *верстъ* обагряла кровь человѣческая землю, нѣсколько часовъ уже жизнь съ смертью выступали на поединокъ, то та, то другая сторона брала перевѣсъ, земля захлебывалась кровью,

а груды тѣлъ пирамидами возвышались все болѣе и болѣе. Татары градомъ наносились на Русскихъ, замѣняя пораженныхъ, но не смотря на превосходное число ихъ, Русскіе стояли непоколебимою стѣною и не отступая ни на шагъ съ большимъ уропомъ отражали враговъ своихъ, умаляющихся съ каждымъ напоромъ, хотя и сами умалялись.

Всеславъ начальствовалъ надъ дружиной, охраняющей Княжеское знамя, которое развѣвалось впереди для поощренія сражающихся — вдругъ нахлынула на его отрядъ толпа Татаръ подъ предводительствомъ исполинскаго богатыря, крѣпко вооруженнаго. Со всѣхъ сторонъ стѣснили они малое число Русскихъ, предводитель ихъ открывалъ себѣ путь къ самому знамени, но Всеславъ съ изступленнымъ отчаяніемъ отстаивалъ его и когда примѣтилъ, что тотъ близокъ уже былъ схватить оное, силы его удвоились и онъ рванулся въ среду враговъ. «Голубое перо! голубое перо! не теряйте его изъ вида, не выдавайте его!» восклицали его воины и съ гикомъ устремлялися за нимъ.

Начальникъ непріятельской толпы, поразивъ Русскаго воина, державшаго священное знамя, выдергивалъ уже его изъ стиснутыхъ рукъ умирающаго, какъ Всеславъ наскакалъ на него съ поднятой рукой и обмеръ. Пусть небо обрушится и задавитъ меня, если я не отомщу виновному!» вскричалъ онъ и бросился на него. А! ты еще живъ, ненавистный!... отвѣчалъ противникъ его, принимая ударъ и пронзенный насквозь копьемъ

Всеслава, упалъ и договаривалъ уже хрипло послѣднее слово свое; повторяя ударъ, ожесточенный Всеславъ настигъ его онымъ уже въ то время, когда онъ валился съ лошади и разрубленный шлемъ сраженнаго открылъ затекшее кровью лицо Абдрахмана.

Лишь только кончилось единоборство сіе, новая ватага Татаръ налетѣла на остатокъ малочисленной дружины Русской и Всеславу, тяжко раненому, трудно уже было защищать оную и оспаривать знамя; напрягая послѣднія силы свои на новые подвиги, шатнулся онъ и упалъ. Татары подавляли все противящееся имъ, вдругъ, откуда ни взялись, нахлынулись на нихъ всадники, по вооруженію не принадлежащіе ни къ чьимъ войскамъ Русскихъ Князей; на быстрыхъ бѣгунахъ, легко, но крѣпко вооруженные, мигомъ напали они и разрядили густую толпу Монгольцевъ стрѣлами и саблями своими. Воевода ихъ, откопавъ изъ кучи наваленныхъ тѣлъ еще дышащаго Всеслава, взвалилъ его на коня своего и утвердивъ въ другой разъ спасенное знамя въ рукахъ воиновъ своихъ, помчался изъ среды оныхъ къ Русскому лагерю.

Общее сраженіе, продолжаясь давно, не могло быть столь жестокимъ для Татаръ, сколько для Русскихъ; первые все раздражались вновь появлявшимися подкрѣпленіями сколько ни гибло ихъ, но послѣдніе примѣтно ослабѣвали, теряя и силы и товарищей безъ вознагражденія. Послышались уже радостные вопли Татаръ, ободренныхъ множествомъ своихъ, примѣтившихъ ослабѣвающее

сопротивленіе себѣ, хотя и видѣли, что каждый изъ противниковъ ихъ приготовился лечь неиначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ и получать удары—всѣ на грудь.

Князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, давно скучалъ безъ дѣйствія и порывался сражаться, но его все удерживалъ Димитрій Волынецъ; оба они съ запасными полками таились за близь лежащей рощей и воины ихъ, готовые на битву, тихо роптали между собою, что не раздѣляютъ опасности съ своими земляками.

— «Али насъ берегутъ—говорилъ одинъ изъ нихъ—для того, чтобъ было кому гнаться за погапцами?»—«Да еще не вѣдомо»—сказалъ другой: «кто осилитъ! вѣдь ихъ рать-то больше нашей!»

— «То то и есть,—прибавилъ третій—на разбивку-то нашимъ не льготно возиться съ ними, а ка-бы всѣ вмѣстѣ то, мы бы ихъ скорѣй попятили! — «Жарко дерутся и они!» — молвилъ четвертый съ сука дерева, вскарабкавшись туда посмотрѣть на сраженіе: «ишь ломятся, а наши-то какъ отстаиваютъ родную землю! — жохъ, сердце такъ и рвется на разгулье мечей!» — «Попрыгалъ бы и мой безостановочно по крѣпкимъ ихъ латамъ!»—произнесъ съ жаромъ еще одинъ.

— Да какъ ослушаешься приказу-то Княжескаго: вооружись, да и стой вотъ здѣсь безъ движенія, какъ наковальня!—сказалъ съ негодованіемъ первый воинъ.—Пойдемте братцы!—вскричалъ другой—упросимте и Князя и Дими-

трія Михайловича, чтобъ они уволили насъ отъ стоянья на одномъ мѣстѣ, подобно этимъ деревамъ, отъ него кровь застынетъ; а корней отъ насъ не выждешь.

— Въ самомъ дѣлѣ — прибавилъ третій: вѣдь и мы Русскіе, тамъ кипитъ вариво, а намъ не дадутъ и прихлебнуть его! — Дѣло, дѣло! — подхватили всѣ—пойдемте бить челомъ нашимъ Воеводамъ и не отстанемъ до тѣхъ поръ отъ нихъ, пока не дозволятъ и намъ пришатнуться къ своимъ, жить вмѣстѣ, умереть вмѣстѣ!

Въ порядочномъ разстояніи отъ нихъ стояли Князь Владиміръ Андреевичъ, Волынецъ Брянскій и прочіе Воеводы, примѣчавшіе движенія сражающихся.—Что ни говори, какъ не удерживай мое стремленіе,—сказалъ Князь Владиміръ Волынцу;—а тоска обуяла меня смотрѣть на однообразное ломанье копій, на взвивъ стрѣлъ да мечей, да слышать только побѣдные клики попеременно, то на той, то на другой сторонѣ!

— Мнѣ самому не въ терпежъ,—сказалъ Волынецъ—быть только соглядатаемъ, да чтожъ дѣлать, какъ преступить строгое распоряженіе Князя Димитрія, чтобъ не иначе дѣйствовать намъ, какъ при очевидной опасности.

— Да развѣ малая опасность грозилась — перервалъ его Брянскій — когда Великокняжеское знамя проскакивало изъ рукъ въ руки? славу отбить отъ враговъ, сильно силящихся завладѣть нашей надежей!

— Да,—прибавилъ Волынецъ — должно быть онъ жизнью выкупилъ безопасность его, потому

что голубое перо вдругъ погасло изъ виду; но что это за богатырь, который явился какъ изъ воздуха на помощь къ нему, наметнувшись не взначай на Татарскую саранчу, отразилъ ее такъ славно и уберегъ знамя?

— Что намъ до него!—отвѣчалъ Князь Владиміръ: довольно того, что онъ Русскій, а Русскіе всѣ таковы—только Олегъ — о! какъ еще совѣсть не задушитъ его при взглядѣ на кровь своихъ соотечественниковъ, которая брызгаетъ можетъ быть и на его кольчугу!

— Ужъ не вспоминай, Князь, объ этомъ новомъ Іудѣ—сказалъ съ негодованіемъ Брянскій: его что-то и не видать, не ищетъ ли онъ осины?.. Смотри-ка что это, ишь какая туча Монгольцевъ накатила еще на нашихъ, чтобъ не смяли они ихъ?..

— Наша ли теперь очередь биться? — перервалъ его Князь Владиміръ съ нетерпѣніемъ.— Теперь и намъ время настало! — вскричалъ радостно Волынецъ, извлекъ мечъ и кинулся за Княземъ и Брянскимъ, которые подали знакъ воинамъ своимъ къ выступленію и понеслись;— но сіи сидѣли уже на лошадяхъ и такимъ образомъ помчалось засадное войско изъ зеленой дубровы на мѣсто сраженія.

Пользуясь превосходствомъ числа своего, Татары часъ отъ часу болѣе стискивали Русскихъ, знатно умалившихся; вдругъ отрядъ свѣжаго войска ударилъ на Ордынцевъ, Русскіе пріободрились, сомкнулись плечами—и съ новыми силами наступили на враговъ.

Съ высокаго кургана, окруженный немногою свитою, радостными взорами слѣдилъ Мамай движенія войскъ своихъ.—Что это!—говорилъ онъ: долго не опрокидываютъ мои этихъ упорныхъ рабовъ, ужѣ я усталъ смотрѣть на битву!

— Давятъ, да не додавливаютъ наши противниковъ—отвѣчалъ ему одинъ изъ приближенныхъ—ишь тѣ какъ въ землю вросли, не скоро ихъ своротишь.

— Тѣмъ хуже для нихъ! — возразилъ Мамай: за то никому не дамъ пощады: только бы скорѣй въ Москву, въ гнѣздо возмутителей, а то я дамъ смерти такой праздникъ, на который созову гостей всѣхъ Русскихъ — и Олега измѣнчика не пощажу, за то, что онъ укрылся вчера и что такъ пасмурно выглядывалъ изъ подлобья, какъ будто замышлялъ новую измѣну! О! я отыщу его собаку, да и Ягайло-то запропастился, а какъ погонимъ Русскихъ, такъ и онъ встрепенется—да нѣтъ, я ему не дамъ и помарать рукъ ихъ золотомъ, а не то поплатится и своимъ.

— Что это, откуда, на облакахъ что ли принеслись новыя войска къ Русскимъ? — прервалъ его другой изъ свиты. — Посмотри, Государь какъ они начали крушить нашихъ, ишь какъ мнутъ!

— Въ самомъ дѣлѣ!—вскричалъ Мамай, всматриваясь въ сраженіе;—однако наши-то такъ и сыплются на нихъ, такъ и обсыпаютъ ударами!

— Чтобъ не просыпались они, Государь, или не обсыпали ихъ изрубленными членами своими; видишь самъ, какое крошево пошло!—говорилъ тотъ же. Изступленіе страха и гнѣва оковало языкъ Мамая: всасывая взорами каждое мельканіе копья, обращеннаго на его воина, затрясся онъ и со скрежетомъ зубовъ сильно затопалъ ногами.

Свѣжее и бодрое засадное войско скоро рѣшило сраженіе: Татары, бывъ поражены внезапнымъ натискомъ его, по упорномъ сопротивленіи отступили—и вдругъ побѣжали нестройными толпами! Воеводы ихъ отчаяннымъ голосомъ задыхались въ угрозахъ, дабы воротить бѣгущихъ, но тщетно, вездѣ отраженные и преслѣдуемые Русскими мечами, кучами труповъ устилали они путь своего бѣгства и самонадѣянный гордецъ—Мамай, сильно оробѣвши, побѣжалъ воскликнувъ: *великъ Богъ Христіанскій!* До самой рѣки *Мечи* гнали ихъ Русскіе, и оружіе истребляло побѣжденныхъ и ярыя волны захлебывали тѣла ихъ, добыча несмѣтная досталась побѣдителямъ: телѣги съ большимъ грузомъ, верблюды навьюченные разными припасами, оружія всякаго рода и наконецъ весь лагерь съ дорогими палатками, Азіатскими коврами и пр.

Глазами признательности и любованія, пришедши въ себя, Димитрій взиралъ на подданныхъ своихъ, нѣжно любящихъ его; побѣдители,

соединясь всѣ вмѣстѣ, по тайному внушенію благодарныхъ чувствъ къ Существу Всевышнему, какъ по мановенію, преклонили колѣна свои и запѣли голосомъ умиленнымъ: *Тебѣ Бога хвалимъ*! Любезные соотечественники! васъ зову я посмотрѣть, понѣжить взоры на эту картину, въ васъ бьются сердца Русскія — и я молчу!

Ягайло въ сей день отстоялъ не болѣе 50 верстъ отъ Мамая и такъ бѣжалъ, что легкіе отряды Русскихъ не могли настичь его и Олегъ держалъ въ готовности войско свое, смотря издали, кто останется побѣдителемъ. Грызомый совѣстью и отчаяніемъ уѣхалъ онъ къ нему тайно изъ лагеря Татарскаго въ ночь передъ сраженіемъ. Великій Князь Димитрій пробылъ восемь дней на Куликовомъ полѣ смотря на печальную процессію погребенія тѣлъ, послѣ тронулся со всѣми въ Коломну, за нимъ везли тѣла важныхъ людей въ колодахъ, напримѣръ: священно-Витязей Пересвѣта и Ослябя *); послѣ сего всѣ единогласно назвали Димитрія — *Донскимъ* и брата его Владиміра Андреевича — *Храбрымъ*. Въ Коломну прибыли они 21 Сентября и отдохнувъ тамъ четыре дня, отправились въ Москву.

*) Прахъ которыхъ до нынѣ находится *въ старой Симоновѣ* въ церкви *Рождества Богоматери*. 40.

— Легче-ль Всеславу?—спросилъ Князь у свиты своей. Теперь онъ выздоравливаетъ — отвѣчали ему. Но многіе изъ раненыхъ сидятъ уже на лошадяхъ. И въ самомъ дѣлѣ вдругъ подъѣхалъ къ нему Тимоѳей и по изъявленіи взаимной радости, что видятъ другъ друга, Димитрій сказалъ:

— Я уже слышалъ, что ты и прочіе Бояре мои Божіею милостію оправились — поздравляю тебя и отечество съ возвращеніемъ сыновъ его, теперь меня занимаетъ участь храбраго юноши Всеслава, знамя мое истерлось въ рукахъ его, но осталось таки сохраненнымъ.

— Государь!—прервалъ его Тимоѳей — опасность и славу раздѣлялъ съ нимъ другой воинъ; я уже отыскалъ и обласкалъ его, только не могу выспросить у него имени.

— Представь же его скорѣе ко мнѣ!—произнесъ нетерпѣливо Димитрій: о немъ я много наслышанъ... Тотчасъ подвели къ нему молодаго воина съ разрубленными доспѣхами.

— Не скрывай геройскаго лица своего, подыми забрало!—сказалъ ему ласково Димитрій. Неизвѣстный поднялъ забрало, Димитрій долго всматривался въ него, наконецъ спросилъ: кто ты и какъ имя твое? Какой награды хочешь отъ меня? проси смѣло!

— Отецъ отечества моего! — произнесъ неизвѣстный преклоня колѣна предъ нимъ:—награды великой прошу я отъ тебя: прости меня за то, что я скажу тебѣ имя свое и будь ко мнѣ тѣмъ же милостивцемъ, какимъ теперь.

— Ежели ты и преступникъ, — прервалъ его Димитрій:—то это самопожертвованіе, которымъ ты оказалъ приверженность свою къ отечеству и престолу моему, сглаживаетъ съ тебя преступленіе, съ условіемъ...

— Государь!—вскричалъ неизвѣстный, не давъ ему договорить: — суди меня, но душа моя не отягчена какимъ-либо зазорнымъ дѣломъ, я могу это доказать; узнай мое имя, но не проклинай его: я разбойникъ Владиміръ прозванный *бездомовнымъ*, сынъ разбойника же Александра Абакумова! — Димитрій изумился, а Тимоѳей вздрогнулъ и нахмурился при семъ имени.— Наступило продолжительное молчаніе, Димитрій прервалъ его, сказавъ обратясь къ Тимоѳею: прощаешь ли ты его, взгляни сострадательно на кровь его, соединенную съ твоею, на раны, выкупившія намъ столько драгоцѣнностей, на добровольное признаніе — все это не доказываетъ ли, что онъ исправился? Не такъ ли? — прибавилъ онъ, взглянувъ на Владиміра.

Въ пламенныхъ выраженіяхъ разсказалъ Владиміръ всю исторію жизни своей и когда Тимо-

ѳей узналъ, что онъ уже супругъ его дочери и отецъ дитяти ея, тронулся и сказалъ:

— Когда самъ князь ходатаемъ нашего примиренія, я прощаю тебя и се! обнялъ восхищеннаго зятя своего и такимъ образомъ съ надеждою и радостію счастія безмятежнаго сталъ приближаться Владиміръ къ Москвѣ съ веселыми спутниками своими!

Взглянемъ же теперь на нее, на унылую, осиротѣлую Москву. По отбытіи войскъ опустѣли почти всѣ дома гражданъ, но храмы Божіи были наполнены; денно и ночно продолжались въ нихъ молебствія колѣнопреклоненныя, о ниспосланіи благъ Его, о помилованіи Русскихъ, иногда народъ во множествѣ собирался на Кремлевской площади и тутъ бывали толки разные: иной разсказывалъ, что примѣчалъ по ночамъ блѣдную луну, запятнанную кровью, другой увѣрялъ, что и солнце закатывается багровѣе прежняго, что вмѣсто звѣздъ привидѣлись ему пламенные мечи, просунувшіеся остріями сквозь облака, съ которыхъ капала кровь на землю, и тому подобное; всякій увѣрялъ, что былъ очевидцемъ чего нибудь особеннаго, или на яву или во-снѣ и всѣ трепетали, передавая и принимая другъ отъ друга страшные разсказы, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не прискакалъ запыхавшійся съ усталости гонецъ и ставъ посреди затопившаго его народа, провозгласилъ: По-

бѣда, православные! Побѣда на нашей сторонѣ! разбитый Мамай съ малою дружиною, но со всѣми союзниками своими бѣжитъ, а нашъ князь съ своими возвращается сюда! — Побѣда! побѣда! — подхватили всѣ. Побѣда! разнеслось изъ устъ въ уста и вся Москва, произнося не умолкаючи радостные клики сіи—заликовала.

Спустя нѣсколько дней показался Димитрій съ воинствомъ и шумно встрѣченъ и оглашенъ былъ народомъ еще за городомъ. Митрополитъ встрѣтилъ его у Андроньева монастыря, а Великая Княгиня во Флоровскихъ воротахъ. Какое трогательное чувство облило грудь побѣдителя когда онъ взглянулъ на оставленную столицу свою и услышалъ столько восторженныхъ голосовъ, прославляющихъ имя его! Какое восхищеніе вдохнулось въ сердца и взоры гражданъ, при взглядѣ на возвратившихся земляковъ своихъ и на обожаемаго князя, благоговѣйно молившагося съ нѣжною супругою своею въ храмахъ соборныхъ при звукѣ заливчатыхъ колоколовъ! Москва, Москва! священная столица славы и вѣрности къ Царямъ своимъ, чадолюбивая мать Русскихъ, какую умилительную картину являешь ты какъ во дни унынія, такъ и въ дни торжества своего.

Чрезъ нѣсколько дней отправился Димитрій съ большою свитою въ Лавру, гдѣ Св. Сергій отслужилъ прежде благодарственный молебенъ за ниспосланіе побѣды, а послѣ панихиду за убіенныхъ на Дону и извлекъ слезы изъ глазъ

слушателей *словомъ* своимъ, произнесеннымъ по сему случаю.

Симъ кончаю описывать блистательную эпоху сію, заключая ее изрѣченіемъ знаменитаго Исторіографа нашего: *хотя до Іоанна III-го не прекратились бѣдствія Россіи, но сія битва послужила ему твердымъ основаніемъ къ сверженію ига Татаръ.*

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прощаясь какъ-бы въ послѣдній разъ съ природой, солнце уводило за собой и лѣто, и день, тихо потухавшій за толпою золотистыхъ облаковъ, сіявшихъ въ вѣнцахъ пурпуровыхъ. Молчаливъ былъ вечеръ закатный, только блекнувшіе листики чуть-чуть трепетали какъ нѣжное сердце; рука въ руку шелъ Всеславъ съ Маріею по *Воробьеву полю* *), пробираясь на голубую долину.

„Желанный мой!“ сказала Марія: „какъ освѣжилась душа моя поцѣлуемъ свиданія, какъ отдохнуло сердце — я опять съ тобой, но ты раненъ!“

Милая моя! — прервалъ ее Всеславъ — какъ прекрасна эта рана, она получена за спасеніе

---

*) *Воробьевымъ полемъ* назывался нынѣшній полевой дворъ.

отечества, но какъ я награжденъ теперь: мы супруги!

„Не смогу вымолвить всего, что чувствую“ произнесла Марія съ восторгомъ: „но Александръ, братъ мой, не возвращался изъ Сергіевской Обители, по немъ иногда только взгрустнется мнѣ!“

— Оставимъ его — сказалъ Всеславъ — онъ избралъ себѣ жизнь тихую и спокойную! Владиміра такъ жаль мнѣ....

„А бѣдная Елена-то, а сиротинка дитя-то ихъ еще жальче!“ прервала его Марія: „я не могу снести зрѣлища, когда малютка обовьется около шеи тоскующаго дѣда своего и смотритъ на него такъ умильно, какъ будто проситъ, чтобъ хотъ онъ не покинулъ его. Вдругъ послышался стонъ недалеко отъ нихъ. „Это у *Русальскаго пруда* *), вѣрно кто-нибудь оплакиваетъ несчастную дочь Тимоѳея“ продолжала Марія разстроганнись: „кто это? подойдемъ туда!“

Близъ пруда подъ тѣнью раскидистой черемухи лежала ничкомъ женщина на свѣжей еще могилѣ и билась о нее, съ воплемъ вскрикивая: „роди-

*) Нынѣ называемый *красный прудъ*.

мая, безталанная моя, не стало ужъ тебя на свѣтѣ бѣломъ! Спозналась ты съ смертью раннею, опустилась въ сыру землю и оставила меня безчастную домыкивать долю горькую!“

— Да полно отпѣвать-то ее; ну что вопить безъ умолку, слезами не воротишь, хоть промочи ими и землю и гробъ-то тесовый! — такъ утѣшалъ плакавшую женщину стоявшій подлѣ нея старикъ, облокотясь о сукъ дерева, и когда къ сему мѣсту подошли юные супруги, то узнали Ѳоминишну съ Аѳанасьемъ.

„Полно тосковать, старушка!“ произнесла Марія сквозь слезы, обращаясь къ нянѣ Елениной.

— Какъ не тосковать, Бояриня! — говорила Ѳоминишна навзрыдъ, приподнимаясь съ земли — покойница-то была такая-же милостивая, такая-же Ангельская душенька, какъ ты, ну право, ни дать, ни взять, уродились вы какъ двѣ сестры одноутробныя!

„Стало быть я не похожа на нее, когда ты не привыкаешь любить меня также, какъ любила ее, это я потому замѣчаю, что ты все грустишь и плачешь!“ сказала Марія.

— Да я не только люблю тебя, но молюсь еще за тебя денно и нощно, продли Господь живота

твоего и вѣка—отвѣчала Ѳоминишна—призрѣла ты меня покинутую, взяла къ себѣ и покоишь мою старость; да еслибъ не имѣла я утѣхи любоваться тобой, ненаглядной моей милостивицей, давно-бы изчахла съ тоски.

„А я обстоятельно до сихъ поръ не слыхалъ еще, какъ приключились невзгоды нашимъ друзьямъ?“ сказалъ Всеславъ.

— Не изволишь-ли выслушать, я разскажу тебѣ что видѣлъ и слышалъ о нихъ? — спросилъ его Аѳанасій—привелъ меня Богъ быть свидѣтелемъ такихъ страстей, что упаси Владыко!

„Разскажи, разскажи!“ отвѣчалъ Всеславъ; Марія оперлась на плечо его; Ѳоминишна сложила на груди крестомъ руки и потупилась въ могилу, а Аѳанасій началъ:

— Когда уѣхалъ ты, Бояринъ, со всѣми дружинами на войну и наша матушка-Москва осталась пуста и молчалива, скучно, даже жутко стало намъ покинутымъ, кончать дни и ночи однокія, все ожидая, скоро-ли донесется какая вѣсточка отъ рати нашей православной, вотъ куда ни выдешь, отовсюду словно могилой вѣетъ; наконецъ пошли слухи, да все вѣщіе и недобрые, и откуда наберется народъ такихъ вѣстей нерадостныхъ: то будто видѣли духъ Князя, носящійся

надъ палатами его въ черномъ саванѣ, то планиду огневую въ образѣ змія, летающаго ночью по Москвѣ съ жаркимъ, высунутымъ жаромъ... Но это все еще ничего... вдругъ пронеслась молва, что надежда Князь нашъ убитъ переметчикомъ, бывшимъ разбойникомъ Сокольничьимъ Владиміромъ, что безъ него и рать наша скорбѣла и разсѣялась, что гнѣвный Ханъ подступаетъ къ нашему граду съ мечемъ и огнемъ, а Олегъ Рязанскій съ разбойникомъ, который давно у него въ службѣ, указываетъ ему дорогу и что жена сего разбойника укрывается здѣсь и будто бродитъ тайкомъ по всему городу отыскивая, гдѣ сохраняются сокровища Княжескія, чтобъ передать ихъ мужу своему.

Еще гораздо до выступленія нашихъ дружинъ на враговъ пріѣхалъ къ намъ въ монастырь неизвѣстный человѣкъ въ богатой одеждѣ, съ молодою женщиною и младенцемъ и упросилъ мать Корелію, нашу Игуменью, взять ее подъ покровительство монастыря, называя сію женщину вдовою и родною сестрою своею Евдокіею. Добрая наша Игуменья согласилась охотно и онъ поручилъ ее безопасности священныхъ стѣнъ нашихъ, говоря, что отправляясь на войну не имѣетъ на кого бы покинуть ее безпріютную, и когда онъ сталъ прощаться съ нею и благословлять ребенка, мы тотчасъ замѣтили по нѣжному разставанью ихъ и по нѣмой горести покинутой, что это не братъ съ сестрой.

— Смерклось. Я пошелъ отыскивать куму свою на свѣжей могилѣ, брѣлъ потихоньку и стало мнѣ грустно, началъ подходить близко къ пруду, гдѣ похоронена Елена Тимоѳеевна, потому что вѣдь она тутъ часто гуливала съ мужемъ своимъ, когда живя у него въ Сокольникахъ, выходила оттуда на сіе мѣсто пользоваться Москвой и высокимъ теремомъ батюшки своего, въ которомъ выросла; вотъ ужь показалась мнѣ насыпь—гляжу кто-то крадется къ ней и осматривается.

Лишь только хотѣлъ онъ наклониться къ могилѣ, послышался лошадиный топотъ, Елеська бросился въ сторону и прямо на меня—я содрогался слушая его, а тотъ ужь уцѣпился обѣими руками, и закричалъ: „вотъ онъ, Антихристъ то, помогите, а то вырвется“. Вдругъ подъѣхалъ кто-то, я и разглядѣлъ, что это былъ тотъ-же воинъ, который недавно отдѣлился отъ прочихъ рядовъ, въѣхавшихъ въ Москву, а въ немъ узналъ я Владиміра, хотя однажды только и видѣлъ его и притомъ онъ не похожъ былъ на прежняго Владиміра, поблѣднѣлый такой, а глаза какъ полымя, такъ и свѣтятся!

— „А, это ты?“ вскричалъ онъ радостно, взглянувъ на Елисея. Сложилъ нагайку свою вдвое, заарканилъ ею за шею его и потащилъ на могилу. За нимъ издали ѣхали еще какіе-то и доѣхавъ остановились и съ изумленіемъ сойдя съ лошадей обступили его. — „Что тебя не палитъ

холодная-то земля?“ спросилъ Владиміръ Елисея, пригнувъ его рыломъ въ могилѣ; а этотъ такъ оробѣлъ, что ни пикнетъ ни слова. — „Ты мой, да и живой еще?.. Ха, ха, ха!» вскричалъ Владиміръ, засмѣясь какимъ-то глухимъ голосомъ, долго смотрѣвши на него пристально. Потомъ опять долго размышлялъ о чемъ-то — вдругъ ударилъ кулакомъ по дереву такъ, что съ него листья посыпались, вскочилъ, прошепталъ что-то своимъ.

Тотчасъ тѣ набрали сухихъ вѣтвей и начали плесть изъ нихъ вѣнки.—„Ну, начнутъ молъ теперь изъ него выпаривать всю желчь!“ подумалъ я; однако его обвязали только ими раздѣтаго, оставя голову—и подожгли на немъ листья.

— Вотъ завопилъ-то онъ, да какъ пронзительно, инда спугалъ всѣхъ птицъ съ гнѣздъ! — „Добирается огонекъ и до бороденки его!» сказалъ одинъ изъ пріѣхавшихъ.—Что-жь, развѣ беречь ее паутину обметать?—сказалъ другой. Немного погодя произнесъ еще одинъ обращаясь къ Владиміру: „довольно что-ли? Ужь изъ него сдѣлался огарокъ?“ Владиміръ налюбовавшись кривляніями его, наслушавшись раздирающихъ криковъ и вдоволь насмотрясь какъ закатывались глаза его предъ смертнымъ часомъ, махнулъ рукой и товарищи его, расщипнувъ топоромъ небольшое дерево съ макушки почти до корня, съ усиліемъ растянули половинки его и всунувъ въ промежутокъ его уже замолкнувшаго Елисея, вдругъ пустили верев-

ки, которыми оттягивали половинки дерева, они жамкнули, сплюснули его—и послѣдній, слабый крикъ выскочилъ изъ полуоткрытаго рта его!

„Отойдемте, братцы, отъ него“ сказалъ атаманъ отходя самъ прочь и отодвигая товарищей своихъ, „чтобъ онъ не обрызнулъ насъ ядовитою пѣною, и по смерти онъ опасенъ!“ Всѣ молчали, а онъ какъ кипется на могилу и вскричалъ: «теперь ты отмщена, разступись-же земля, пусти меня къ ней!“ и замерли у него и голосъ и дыханіе. Его отнесли на лошадь и уѣхали, а я напуганный, насилу отдернулся съ твоего мѣста.

— Съ тѣхъ поръ скрылся онъ и ничего не слыхать о немъ, даже и товарищи его повѣсили въ раздумьѣ головы, не зная что подумать о немъ. Говорятъ, что дерево, которымъ сдавленъ Елисей, всякую ночь раскаляется и далеко отбрасываетъ зарево, а на могилу будто прилетаетъ голубь—и воркуетъ заунывно!

— Вѣчная ей память!—сказалъ протяжно Всеславъ, перекрестясь.

„Мученица, ужь она омыла свою душеньку отъ грѣховъ страданіями!“ говорила Ѳоминишна всхлипывая, наклонясь надъ могилой.

— Вотъ ужь уплыло и солнышко!—сказалъ Аѳанасій глядя задумчиво на дальнюю синеву небесъ.

„А мы счастливы?“ произнесла опять Марія, склонясь головою на плечо супруга своего. — Счастливы, счастливы! отвѣчалъ Всеславъ, нѣжно прижимая ее къ груди своей! — Они слѣпились объятіями, вся природа притаила дыханіе, какъ-бы не смѣя нарушить любованія ихъ — и ночь тихо опустила занавѣсъ свой на все.

КОНЕЦЪ.

„А мы счастливы?“ произнесла снова Мария, опустив занавес своей ни то, ни сего. Остаться, быть может, всю жизнь одинокой, жить для вдохновения ее духа души? — Они отвергают Всевышнего, отвергают! Богохульник, кто сказал тебе, что нельзя служить Богу и искусству вместе?

К О Н Е Ц.

ПРИМѢЧАНІЕ КЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

1) Молодечествомъ—назывались разбой.

2) Александръ Абакумовъ—разбойникъ, бывшій извѣстенъ еще при Димитріѣ Константиновичѣ Суздальскомъ и особенно прославился въ 1364 году.

3) См. Ист. Карамз. Т. V.

4) Ревель въ древности называли Колываню.

5) Нѣмцевъ звали—латниками, а Нѣмцы Русскихъ—колыгуанниками, по вооруженію.

6) Стрѣльба изъ огнестрѣльнаго оружія была извѣстна подъ именемъ живаго огня, но не была еще у насъ тогда въ употребленіи.

7) Лодками тогда назывались большія суда.

8) Огнищанинъ, именитый гражданинъ, старѣйшина также.

9) Кто не спросясь садился на чужаго коня, тотъ платилъ за это три гривны, т. е. всю цѣну лошади; этотъ законъ взятъ съ древняго Ютландскаго, что и доказываетъ намъ, что предки наши основывались на уставахъ Норманновъ.

10) Вира — пеня, полная заключала 40 коп. серебра.

11) Вервь—округа.

12) Вирникіи.—Уголовные Судьи.

13) Присяжныхъ было тогда 12 человѣкъ для разбиранія дѣлъ.

14) Судъ небесный—такъ называлось испытаніе желѣзомъ и водою для изобличенія преступниковъ и было исполняемо слѣдующимъ образомъ: обвиняемый бралъ въ руку раскаленное желѣзо, или вынималъ его кольцо изъ кипятка, послѣ Судьи обвязывали оную и запечатывали и ежели чрезъ три дня не оставалось язвъ или знака на кожѣ, то невинность была доказана.

15) Отдать на потокъ зн. отдать въ руки князю преступника съ семействомъ и со всѣмъ имуществомъ.

16) На сводѣ ходить, зн. добираться, гдѣ взять.

17) Дьякъ—секретарь.

18) Тысацкій во всякомъ княжествѣ былъ одинъ, то же что и Воевода.

19) Тіуны были помощники Бояръ.

20) Деньги — слово Татарское, они были по большой части мелкія серебряныя и были раздѣлены на ногаты, куны и ресаны. Въ гривнѣ, вѣсившей 1 фунтъ серебра, было 20 кунъ, въ кунѣ 3 ресаны, а въ ресанѣ 2 ногаты.

21) Действительно, постановленіе въ Удѣльные князья сопровождалось такимъ обыкновеніемъ: по врученіи Ханомъ меча новоустановленному князю, знатнѣйшіе Ордынскіе вельможи выводили его подъ руки и сажали на богатоубранную лошадь, которую должны были вести подъ уздцы старшіе изъ Удѣльныхъ князей Россійскихъ до его жилища, въ сопровожденіи Ханскихъ чиновниковъ; пріѣхавъ домой, одарялъ князь ихъ богато, и они, возведя его на престолъ при собраніи Русскихъ Бояръ, читали Ханскую грамоту; послѣ чего Бояре поздравляли князя и присягали ему въ вѣрности, а вельможные послы Ханскіе возвращались въ Орду еще съ дарами особенными для Хана и возвѣщали ему исполненіе его приказанія.

22) Народъ раздѣлялся тогда на Бояръ, за ними слѣдовали дворяне, за сими гости, далѣе купцы, свободные и рабы.

23) Бирючи—Русскіе герольды—провозглашатели; они ходили предъ князьями, провозглашая ихъ достоинство и всякое важное дѣло всенародно.

24) Издревле въ южной части Россіи не было городовъ начиная отъ рѣки Днѣстра къ востоку до горъ Уральскихъ. Молодые люди сосѣдственныхъ народовъ, удаляясь отъ жилищъ своихъ по разнымъ причинамъ, составили нѣкоторый

по

родъ общества и умножаясь вновь приходящими къ нимъ, они заняли эти страны; по образу ихъ жизни Татары назвали ихъ: Казаками, или Безъ-домовными. Они начали быть извѣстны съ половины XIII столѣтія, начинаясь у разныхъ народовъ воевать за нихъ.

25) Побраты были побратавшіеся, или соединившіеся на жизнь и смерть съ кѣмъ-нибудь, обмѣнясь крестами.

26) По преданію извѣстно, что на Дѣвичьемъ полѣ точно собирали дѣвушекъ и лучшихъ по выбору отсылали въ Ханскую сераль; отъ чего будто Дѣвичье поле и получило свое названіе.

27) Митай сей былъ въ Коломнѣ Священникомъ.

28) Тогда еще Новый годъ начинался съ перваго Марта.

29) Ягайло, Князь Литовскій, сынъ Ольгерда, безпокойнаго врага Россіи, который подступалъ два раза подъ Москву, но не могъ взять оной по причинѣ каменной стѣны, которою Кремль былъ обведенъ еще въ 1367 году Вел. Кн. Димитріемъ.

30) Епифанъ Корсевъ — Бояринъ и любимецъ Олега, Князя Рязанскаго, былъ посланъ имъ вступить въ переговоры и дружескія сношенія съ Литовцами и Монгольцами для погубленія Россіи.

34) Хартія употреблялась тогда для письма вмѣсто бумаги.

32) Вел. Князь Святополкъ I. (Ярославовичъ).

33) Александръ Пересвѣтъ былъ точно прежде мужественнымъ витяземъ и боярином Брянскимъ.

34) Красная горка находится подлѣ Троицкой усадьбы.

32) Пол. Дикое Сентонике). (Продолжение).
33) Алексеевъ Переписать было только предис
мужественныя внушенія и бодрящія Принцина.
34) Кресова горе находится подъ Тюмкой
крѣпостью.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I-я.

Стр.

Глава 1-я. Утро въ Сокольникахъ.—Марія.—Вотъ онъ.—Мимолетное свиданіе. Зародышь любви. 3

Глава 2-я. Ожиданіе.—Пріѣздъ новаго Баскака.—Смятеніе между Татарами и Москвитянами.—Княжескій Нечатникъ прерываетъ оное. . . 17

Глава 3-я. Великій Князь Димитрій Іоанновичъ дѣлаетъ пиръ для Абдрахмана, парадное шествіе его и встрѣча.—Карусель, слѣдствіе онаго 31

Глава 4-я. Охота въ Сокольникахъ.—Условіе охотниковъ 45

Стр.

Глава 5-я. Первое свиданіе. — Отъѣздъ.— Троицынъ день.—Дѣвичьи игры. Дождикъ. — Пріютъ любовниковъ. 53

Глава 6-я. Ночь въ Сокольникахъ, толки и разсказы Татаръ 71

Глава 7-я. Прибытіе и свирѣпость Абдарахмана.—Невѣдомый. — Ужасъ. — Странныя истины.—Исторія Елисея.—Объясненіе и заговоръ. . 82

Примѣчанія къ первой части 99

ЧАСТЬ II-я.

Глава 1-я. Новыя лица.—Разговоръ Елены съ нянею ея.—Признаніе Маріинино въ любви матери своей.—Строгій наказъ Ольги 105

Глава 2-я. Свиданіе. — Ссора кумовьевъ.— Объясненіе.—Сонъ Маріи . . . 121

Глава 3-я. Собраніе и разсказы русской дружины при полнолуніи.—Изумленіе.—Убійства.—Краткій обзоръ тогдашнихъ дѣлъ въ Россіи . . 138

Стр.

Глава 4-я. Посѣщеніе. — Неожиданное происшествіе. — Путешествіе къ колдуну. — Приключенія на дорогѣ, встрѣтившіяся съ ними. 152

Глава 5-я. Жилище чародѣя. — Заклинанія его. — Темная ночь заблудившихся. — Ужасы. — Шайка разбойниковъ. — Опасность. — Казнь. . . 168

Глава 6-я. Новый чародѣй. — Полночное посѣщеніе. — Испугъ и похищеніе Елены. 187

Глава 7-я. Еще похищеніе. — Отчаяніе. — Сраженіе. — Ошибки и миръ . . 195

Примѣчанія ко второй части. 217

ЧАСТЬ III-я.

Глава 1-я. Исторія Атамана. — Отчаяніе Всеслава. — Явленіе и приключеніе разбойника. 221

Глава 2-я. Поиски. — Пожаръ. — Битва. — Свиданіе и возвращеніе. 241

Стр.

Глава 3-я. Разсказъ Михаила. — Требованіе Абдрахмана, бѣгство его. — Зима и Новый годъ. — Всеславъ въ посольствахъ, приключеніе его въ Рязани. 253

Глава 4-я. Заговорщики. — Таинство терема ихъ. — Ссора на пиршествѣ Олега. — Избавитель. — Возвращеніе 268

Глава 5-я. Собраніе всѣхъ Князей Россійскихъ (выключая Олега) въ Москву. — Димитрій отправляется въ обитель Св. Сергія, благословеніе сего. — Воинство выступаетъ въ походъ. — Явленіе Ханскаго посла въ Коломню передъ Димитрія. — Отверженіе условій его 286

Глава 6-я. Мамаевъ лагерь. — Темиръ-Мурза. — Бѣшенство Мамая при возвращеніи посла. — Страхъ и отчаяніе Олега. — Присоединеніе къ Русской дружинѣ новыхъ союзниковъ. — Письмо Св. Сергія къ Димитрію и посылка его. — Переправа чрезъ Донъ. — Расположеніе полковъ къ битвѣ. . . . 299

Стр.

Глава 7-я. Единоборство Темиръ-Мурзы съ Александромъ Пересвѣтомъ. — Битва Куликовская.—Побѣда.—Возвращеніе въ Москву.—Радостная встрѣча побѣдителямъ отъ народа. Панихида въ Лаврѣ за убіенныхъ 312

Заключеніе 329

Примѣчанія къ третьей части 333

W381.5917N-Se66s

W117162